

1950-1951

1950-1951

1950-1951



1950-1951

1950-1951

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 4

ԳՈԼՈՎԻՆՈՅԻ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԸ

Հ. Ա. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՐ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ
ԵՎ ՀԱՏԱՍՏԱՆԻ ՀՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՊԱՀՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԿՈՄԻՏԵԻ
ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԱՐՇԱՎԱԽԱԲԵՐԻ 1929 ԵՎ 1950 ԹԹ.

ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 4

РАСКОПКИ В ГОЛОВИНО

А. А. МАРТИРОСЯН

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК АРМ. ССР И КОМИТЕТА ПО ОХРАНЕ
ДРЕВНОСТЕЙ АРМЕНИИ В 1929 и 1950 гг.



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1954

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета АН Армянской ССР

В В Е Д Е Н И Е

Крупнейшие события, происшедшие в жизни древневосточных рабовладельческих государств в VII—VI вв. до н. э., с невероятной быстротой изменили исторический облик всего древнего Востока. Некогда мощные, но пришедшие уже в упадок государства древнего Востока вели непосильную и смертельную борьбу против быстро возвышающихся отдельных стран Передней Азии, которым помогали киммеро-скифские кочевые отряды, вторгшиеся уже к тому времени в Переднюю Азию.

Борьба эта завершилась гибелью могущественных государств древнего Востока.

Под ударами мидийских, вавилонских и скифских союзных войск в 612 году до н. э. пала Ниневия—столица ассирийского государства. Через несколько лет Ассирия—грозный противник Урарту—перестала существовать.

Спустя примерно четверть века та же участь постигла и урартское государство, покорившее в течение трех столетий значительную часть племен, населявших территорию современной Армянской ССР. Около 590 года мидяне сожгли и разрушили город Тушпу—столицу урартского государства, а скифы столь же успешно разрушили город Тейшебаини—последний оплот урартской власти в Армении. С гибелью города начался новый этап в развитии древнейшего общества Армении и Закавказья, освободившегося от тяжелого урартского гнета.

В период этих крупнейших событий закончился определенный этап развития культуры в Закавказье, закончилась эпоха поздней бронзы и начального освоения железа, представленная территориально локальными группами замечательных памятников, изучением которых вошла впервые в научный обиход так называемая «языческая» культура Кавказа. Развитие этих локально-замкнутых культур предопределило переход первобытного общества на более высокую ступень материального производства, а следовательно и общественного состояния; оно оставило неизгладимо глубокие следы в материальной и духовной жизни аборигенов. Эта генетическая связь ярко выступает при сравнении вещественных памятников предшествующей и последующей эпох, при изучении культов, строительной техники и т. п. Культура эпохи широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.)¹ отличается от предшествующей ей культуры целым рядом

¹ В общепринятой археологической терминологии период VII—VI вв. до н. э. определяется как «ранний железный век». Однако, употребление этого термина применительно к культуре Закавказья VII—VI вв. кажется не совсем удачным, т. к. в указанную эпоху, в частности на территории Армянской ССР, завершался уже про-

новых элементов, характеризующих собою последний этап первобытно-общинного строя, когда уже глубокое имущественное расслоение, под воздействием коренных изменений в хозяйстве и длительного урартского владычества, вело первобытно-общинный строй к неминуемой гибели.

Коренным изменением в материальном производстве этого времени явилось широкое освоение железа, происшедшее под непосредственным влиянием урартской культуры, но базирующееся уже на разработке местных железнорудных местонахождений. Замена бронзовых изделий железными послужила новым мощным фактором, предопределяющим высокое развитие земледелия и скотоводства, а также ремесла, вооружающим человека новыми, весьма мощными возможностями в борьбе с природой и поднимающим, таким образом, производительные силы общества на новую, более высокую ступень.

Разумеется, это существенное изменение, подготовленное вековым развитием материального производства закавказских племен, не могло ограничиваться отдельными микрорайонами. Оно охватило обширные территории (правда, с некоторым запозданием по пути на север), которые к тому времени были населены племенами и союзами их, стоявшими на одинаковом уровне общественного и культурного развития, выражающегося в одинаковых формах предметов материального производства.

Связи с древним Востоком, одинаковый культурно-общественный уровень местных племен и переход к этому же времени скифских племен, населявших весьма обширное пространство от Дуная до Волги, от Харьковщины до предгорий Кавказа, к широкому использованию железа, сделали возможным весьма интенсивный междуобщинный обмен, обусловили культурно-хозяйственные широкие связи от Ассирии до Приднепровья, ускорили процесс нивелировки культурного уровня чрезвычайно отдаленных друг от друга племен и обусловили полный отрыв металлообрабатывающих центров от горных рудных районов. С другой стороны, к освоению степных районов ведет развитие земледелия и, главным образом, скотоводства, перешедшего к тому времени в степные районы Армении. Рост производительных сил, скотоводства, земледелия и населения делают необходимым освоение новых земель. Столкновения и войны между отдельными племенами с целью захвата скота, пастбищ и ограбления соседей все усиливаются. Война становится неизбежным условием существования этих племен, а оружие, так много встречавшееся в могильниках—своеобразным орудием «труда». Вполне вероятно, что борьба за пастбища не ограничивалась только внутренними столкновениями и что закавказские племена принимали иногда участие в походах скифских отрядов. Частые военные столкновения усиливают процесс обращения пленных в рабов, использование труда которых расширяет возможности накопления богатств в руках племенной знати.

цесс широкого освоения железа. Поэтому в работу введен термин «эпоха широкого освоения железа», соответствующий вполне уровню развития ремесел и, главным образом, металлообработки в условиях окончательного разложения первобытно-общинных отношений.

В соответствии с близкими условиями материальной жизни этих, пока еще разрозненных, племен в духовной культуре их выступает целый ряд весьма близких элементов, выразившихся, главным образом, в культе и погребальном обряде. Идеологическая жизнь общества играет в эту эпоху огромную роль и даже влияет своеобразно на материальное производство аборигенов, оставляя в нем глубокие следы. В духовной культуре этих племен нужно искать истоки древнейших армянских и грузинских преданий, дошедших до нас часто в видоизмененной форме и в различных вариантах в писаниях историков ранне-феодального общества и сохранившихся до сих пор в народном фольклоре. Несомненная генетическая связь этих преданий становится явной при сравнительном изучении идеологии этих племен и древнейших армянских и грузинских мифов.

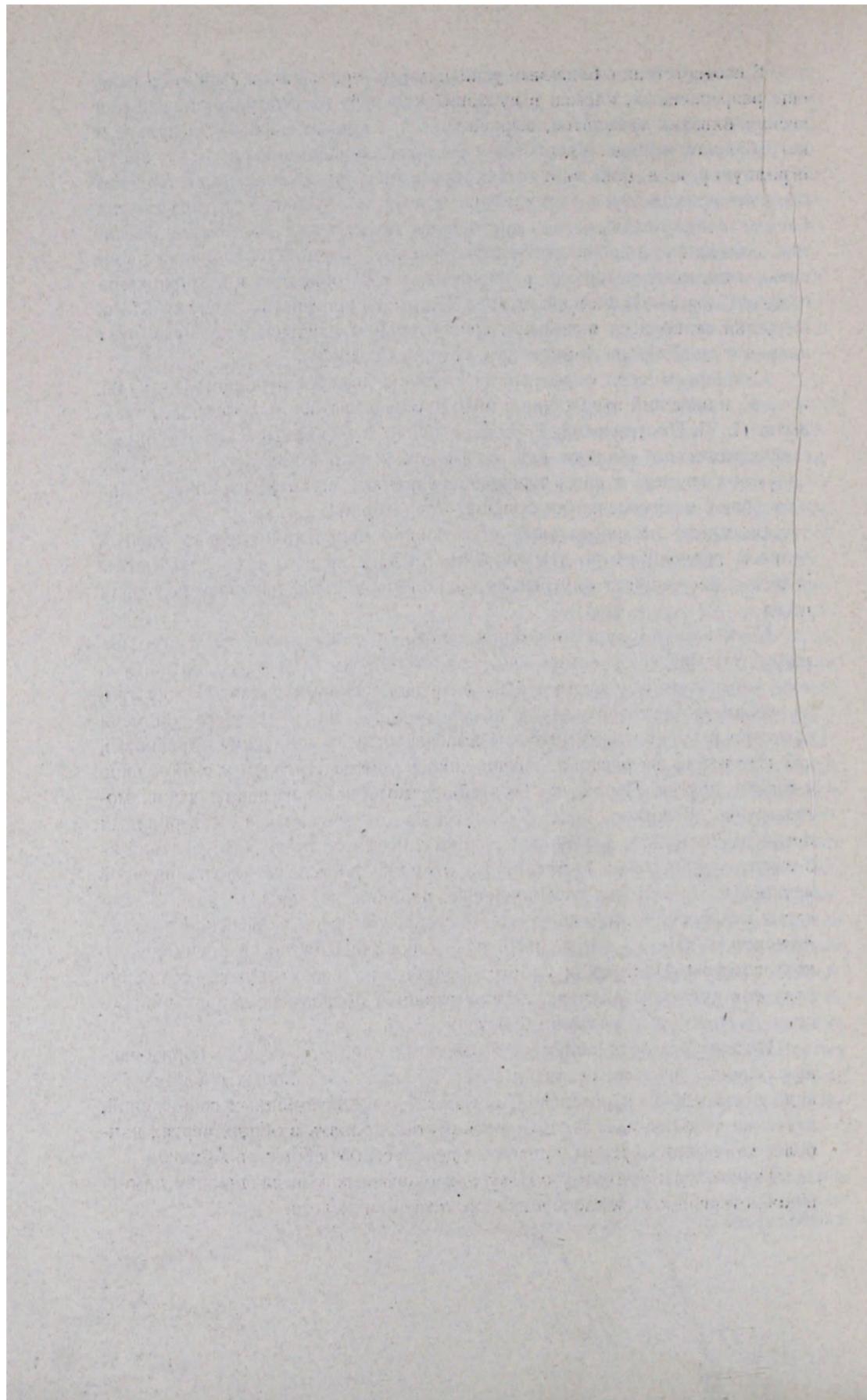
Сказанным выше определяется глубокий интерес периода VII—VI вв. до н. э., нашедший отражение в ряде работ, в частности, советских археологов (Б. Б. Пиотровский, Б. А. Куфтин, А. А. Иессен и Е. И. Крупнов), сделавших много ценного для понимания исторических процессов давно минувших времен и рассматривающих вопросы культуры данного этапа в их общей взаимосвязи на больших территориях.

Внимание исследователей, естественно, привлекали первым делом вопросы хронологии, но тем не менее были выяснены также некоторые вопросы, касающиеся внутренних закономерностей исторического процесса

Изучение этой культуры, однако, потребует еще много времени и внимания, так как все увеличивающийся археологический материал направляет внимание исследователей на разрешение новых задач. Между тем, не говоря уже о материалах из новых раскопок, до последнего времени остаются необработанными такие замечательные коллекции древности, как материалы из раскопок могильника в ущелье Хртаноц у с. Головино и многие другие. Порою же богатейшие материалы из закавказских могильников железного века рассматриваются вне связи с материалами древнего Востока и, в частности, Урарту, несмотря на то, что изучение их в связи с урартскими памятниками Армении дает возможность прочной датировки и помогает установлению наличия реальных связей Закавказья как с культурой древнего Востока, так и со скифами. Культура Армении в VII—VI вв. до н. э. не послужила еще темой специального исследования. Настоящая работа представляет собой опыт освещения вопросов культуры племен, живших главным образом на территории Советской Армении в указанный исторический период.

Интересующие нас племена и союзы их, сливаясь во вновь образованные народы, исчезли, оставляя за собой множество немых свидетелей в виде могильников и поселений, крепостей и ирригационных сооружений, изучение которых дает возможность реставрировать в общих чертах наиболее характерные этапы в развитии доклассового общества Армении.

Перехожу к краткому обзору археологического исследования памятников, относящихся к эпохе широкого освоения железа.



различных языках, вместе с уже ранее известным Кобанским могильником вызвали оживленный интерес к кавказской археологии.

Особое место в археологии Армении и Закавказья занимают работы инженера алавердских рудников Жака Моргана, впоследствии крупнейшего археолога древнего Востока, подвергнувшего изучению несколько могильников (1887—88 гг.), расположенных по реке Дебед-чай в Алавердском районе (Арм. ССР), относящихся целиком к эпохе освоения железной металлургии. Однако все они принадлежали к различным периодам железного века, как это заметил и сам Морган¹.

Поздняя группа Лалварских погребений получает свою датировку благодаря находкам характерных наконечников стрел архаического скифского типа (VII—VI вв. до н. э.). Для изучения культуры эпохи широкого освоения железа раскопки Лалварских могильников имеют первостепенное значение, поэтому на них мы остановимся несколько подробнее.

В могильнике, расположенном на вершине горы Кара-Кала, называемой Шейтан-даг, близ станции Айрум, по сведениям Ж. Моргана было изучено (1887—88 гг.) 138 погребений, из коих 40, по его же определению, относились к отмеченной нами поздней группе. Аналогичные могильники были раскопаны (1888) Морганом недалеко от селения Ахтала (Уч-Килиса), на холме, называемом «*Սևրբ Գևրից*». Из числа раскопанных здесь 118 погребений он описал только два.

В Западно-Ахталинском могильнике, принадлежавшем целиком к периоду интенсивного освоения железа, кроме каменных ящиков и могил, сложенных из мелких камней, он раскопал еще 60 грунтовых погребений, обследование которых не нашло отражения в его работах.

Чрезвычайно интересным и богатым среди всех Лалварских могильников является могильник в Мусиери, близ Алаверды, где в 1888 г. было вскрыто 582 каменных ящика. В одном из них (№ 242), наряду с предметами, характерными для всей указанной группы памятников, были найдены также бронзовые двуперые скифские стрелы конца VII и нач. VI вв. до н. э. с крючком на втулке.

Подобные же могильники, относящиеся к эпохе освоения железа, были вскрыты Морганом и в других местах, в частности в Садахло.

Археологический материал из раскопок могильников на Лалваре был увезен в большей своей части во Францию и лишь в незначительной части поступил в Кавказский музей. Тем не менее этот материал доступен для изучения, так как публикация Моргана содержит большой иллюстративный материал.

Спустя 22 года со времени первых раскопок на Ворнакском могильном поле, были предприняты новые работы Н. Я. Марром (1893), раскопавшим там большое количество каменных ящиков. Исследованные погребения содержали мечи, кинжалы и наконечники копий из железа, скифскую стрелу позднего типа (V—IV вв. до н. э.), пики, навершия булавы и украшения из бронзы, а среди разнотипных керамических сосудов особо

¹ J. de Morgan, Mission Scientifique au Caucase, P. I, Paris, 1889.

выделялись «глиняные кружки в форме ступок с ручками»¹. Материалы из раскопок Н. Я. Марра, распределенные по пяти музеям, остаются до сих пор неопубликованными².

Находки бронзовых стрел скифского образца в могильниках, раскопанных в начальный период археологических работ в Закавказье, служили первыми критериями для датировки памятников.

С точки зрения хронологического определения археологических памятников особенно важное значение имеют раскопки Е. С. Такайшвили в Ворнаке, произведенные в следующем, 1894 г.³ Наряду с погребениями периода начального освоения железа он вскрыл там и погребения, аналогичные поздним лалварским группам⁴.

Широкие раскопки были произведены в Армении в начале XX века. Более 500 курганов, кромлехов и других погребальных сооружений, особенно интересных своим богатым материалом, были раскопаны в районе оз. Севан в 1905, 1906 и 1908 гг. этнографом-собирателем Е. Лалаяном, раскопавшим в течение 25 лет более двух тысяч погребений в разных районах Армении, но не исследовавшим специально ни одно из них.

Среди погребений района оз. Севан определенные группы курганов в селениях Паташар, Кышлаг, Аликрых, Норадуз и особенно в Загалу относятся к различным временам эпохи железа, хотя Лалаян суммарно датировал их эпохой бронзы или железа⁵. Крайне слабая техническая сторона раскопок Лалаяна справедливо была осуждена еще в 1906 году.

Тем не менее использование богатейших материалов из Нор-Баязетского района, а также исследование здесь новых археологических памятников является первостепенной задачей археологов не только Армении, но и всего Закавказья, так как этот промежуточный район связывал между собою древние очаги металлургии Азербайджана, Армении и Грузии.

Работы по обнаружению и исследованию урартских эпиграфических памятников и крепостей, являющихся важными источниками для истории всего Кавказа в VIII—VI вв. до н. э., проводились в отрыве от археологического изучения Армении и вследствие этого многие существенные вопросы культуры древнейшего Закавказья оставались нерешенными.

Подводя итог сказанному, отметим, что начальный период развития археологических работ в Армении, охвативший 50-летний промежуток времени, явился периодом собирания и накопления музейных ценностей, характеризующимся отсутствием (на местах) организаций, занимавшихся

¹ Н. Я. Марр, ОАК за 1894, стр. 14—16.

² Часть материалов из раскопок Н. Я. Марра находится в отделе Востока Гос. Эрмитажа, более незначительная часть — в Государственном историческом музее Армении.

³ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 64.

⁴ Е. С. Такайшвили, ОАК за 1894.

Дневник Е. С. Такайшвили, д. № 17, архив ЛОИИМК.

⁵ Ազգաբնակչության նախնիք, գիրք 14, Քիֆլիս, 1906.

» » » 15, Քիֆլիս, 1907.

» » » 19, Քիֆլիս, 1910.

«Գեղարքունիքի կամ Նոր Բայազետի դամբարան», Քիֆլիս, 1912:

Ն. Լալայան, «Դամբարանների պեղումները Խորհրդային Հայաստանում», Երևան, 1931.

археологическим изучением края, проведением любительских, неплановых и несистематических раскопок, часто кладоискательского порядка и публикациями описательного, чисто вещеведческого характера, иногда со слабыми попытками определения материала во времени и территориально

В соответствии с этим, хотя ряд русских ученых (А. А. Ивановский, Г. Д. Филимонов, А. Уваров и др.) придерживался мнения о местном производстве металлических изделий, господствующей в науке являлась миграционная теория, направлявшая свои, регулируемые политическим положением Востока «волны» то на Восток (Э. Шантр, Р. Вирхов, Ж. Морган и др), то на Запад (М. Гернес, Г. Вильке и др.)¹.

* * *

Основоположники исторического и диалектического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс особо подчеркивали первостепенную роль археологии и этнографии в деле изучения пройденных этапов истории человеческого общества и, в частности, в деле понимания исторических процессов современности и будущего.

Глубокий исторический подход К. Маркса к памятникам древности замечательно иллюстрируется по следующей мысли его: «В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.». По словам К. Маркса, гигантские сооружения азиатских народов делают нас «свидетелями» кооперативных процессов труда в древности². К этим вопросам Маркс возвращался неоднократно³. Вопреки установкам археологической науки XIX столетия, пытавшейся вести археологические изыскания оторванно от этнографических и исторических исследований, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали эти вопросы в общей связи. В этом отношении огромную роль сыграла книга Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства».

Используя археологические данные XIX столетия, основоположники марксизма дали в принципе верную общую археологическую периодизацию, основываясь на «естественно-научных, а не так называемых исторических изысканиях»⁴.

Эти марксистские принципы легли в основу советской археологической науки, отклонившей узко-вещеведческое направление в археологии и способствующей выяснению подлинной истории наименее известных этапов жизни человеческого общества. Советские археологи, в том числе и кавказоведы, на основе марксистской методологии провели плодотворную работу по изучению древнейших этапов истории Кавказа.

Путеводной звездой в этой многогранной и сложной работе советских

¹ А. А. Иессен, Из истории древней металлургии Кавказа, Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935.

² Б. Б. Пиотровский, Археологическое изучение древнего Закавказья, ВДИ, № 3, 1947.

³ Б. А. Куфти, ук. соч.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 340, 1953.

⁵ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 156, 1939.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 187. Примечание ко 2 изд., 1953.

археологов явились труды великих корифеев науки В. И. Ленина и И. В. Сталина. Произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» помогло советским ученым в деле преодоления ошибок марровского толка, в деле подлинно-марксистского понимания исторических процессов. В этой связи необходимо отметить, что исследуемый нами период истории древнейшего Закавказья Н. Я. Марр и его некоторые последователи рассматривали с точки зрения теории «стадиального развития». Исходя из этой «теории», преувеличивая значение наличия скифского элемента в материальной культуре Закавказья первого тысячелетия, а порою произвольно интерпретируя языковой материал, Н. Я. Марр и его последователи «выявляли» «скифов Кавказа»¹, утверждали наличие «в Закавказье в первом тысячелетии до нашей эры той же скифской стадии», приводившей к полному игнорированию подлинной истории как скифских, так и закавказских племен.

* * *

«После установления в Закавказье Советской власти и окончания гражданской войны молодые республики Закавказья—Азербайджан, Армения и Грузия—встали на путь неуклонного культурного роста. В центрах республик Баку, Ереване и Тбилиси были созданы научно-исследовательские институты и музеи, начавшие планомерную работу по изучению древних памятников. Археологические памятники стали одним из основных источников изучения истории народов Закавказья»².

Начались работы по составлению археологических карт отдельных республик и глубокое изучение последовательных звеньев культуры на ограниченных пространствах (микрорайоны), начиная с времен нижнего палеолита до позднего средневековья. При этом первостепенной задачей советских археологов являлось установление хронологии последовательных этапов развития культуры с выяснением экономической и социальной картины этих связанных между собой звеньев.

Однако не во всех республиках и не все этапы культуры изучались равномерно.

Работы по изучению памятников эпохи освоения железа в Армении велись главным образом с задачей археологического картографирования и имели больше рекогносцировочный характер³. К числу таковых нужно отнести первым делом раскопки (1927), произведенные экспедицией Гос. Исторического Музея Армении (Е. А. Лалаян) в с. Элар, Котайкского района. Было обследовано здесь 10 кромлехов, покрытых иногда еще земляными насыпями и имеющих в диаметре 3—3,5 метра. Один из этих кромлехов близко напоминает конструктивно кромлехи, обнару-

¹ И. И. Мещанинов, О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников, сообщ. ГАИМК, 1932, № 1—2, стр. 6—8 и сл.

² Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 10.

³ Несмотря на рекогносцировочный характер и незначительные масштабы этих работ, считаем целесообразным описать их более или менее подробно, т. к. результаты многих работ не опубликованы и не обобщены. Обобщение результатов этих работ может привести к интересным выводам.

женные в ущелье Хртаноц между с. Головино и г. Дилижан, с той только разницей, что в центре кромлеха над каменными плитами, покрывавшими погребальный склеп, здесь была наложена куча камней. Предметы, обнаруженные раскопками (железный браслет, бронзовое навершие, плоская глиняная чернолощенная чаша и сердоликовые бусы), характерны для эпохи железа¹.

Дальнейшее исследование этого района может дать интересные результаты в смысле стратиграфии и увязки поселений с могильниками, а также связей местной и урартской культур.

На такую же необходимость указывают и раскопки, произведенные экспедицией Комитета по охране древностей Армении в с. Памбак, Лори-Памбакского района (1928). Открытые здесь каменные ящики из четырех плит отличались от лалварских только тем, что они были покрыты огромными глыбами, а материал, извлеченный из этих «ящиков», вполне соответствует материалу из лалварских погребений (железные наконечники копий, браслеты из бронзы и керамика). Материалы этих раскопок также не изданы. То же самое можно сказать о раскопках шести грунтовых могил в с. Ани-Пемза (1930), дающих ценный материал (гравированные и гладкие бронзовые пояса, железные кинжалы, змеиноголовые браслеты, наконечники стрел архаичного скифского образца и др.), относящийся к урартскому времени², а также о работах, проведенных Комитетом по охране древностей Армении в 1931 г. в Ленинакане по исследованию характерного могильника эпохи широкого освоения железа. Ленинаканский комплекс представляет чрезвычайный интерес по сочетанию аналогичных предметов (наконечники стрел закавказского типа, близкие к найденному на Кармир-блуре³, урартского типа железная стрела, наконечники копий, спиралями гравированный пояс из бронзы, удила и др.), изготовленных частью из бронзы и частично из железа.

Ценнейший археологический материал дали раскопки кромлехов, произведенные экспедицией Комитета по охране древностей Армении в 1929 году в ущелье Хртаноц, между с. Головино и г. Дилижан.

Летом 1950 г., по поручению Института истории АН Армянской ССР, нами были произведены дополнительные раскопки этого могильника, давшие весьма интересные результаты, к которым мы обратимся в следующей главе настоящей работы.

Одновременно А. О. Мнацаканяном и нами был частично исследован и другой могильник, расположенный на северной окраине с. Головино по двум сторонам дилижанского шоссе. Могильник содержал разновременные погребения. Часть их относилась к периоду начального освоения железа, другая часть, примыкая хронологически к первой группе, обнаружила близкое родство с памятниками, раскопанными в ущелье Хртаноц, а

¹ Результаты этих работ не опубликованы.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944. Этот комплекс не изучен, за исключением бронзового гравированного пояса.

³ С. В. Тер-Аветисян и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур (предварительный отчет о раскопках 1940 г.), Известия АрмФАН-а, № 4-5, стр. 157, 1940.

третья группа погребений должна быть датирована последними веками до нашей и первыми веками нашей эры. Дальнейшее исследование этого могильника представляет первостепенный интерес в смысле установления преемственной связи между разновременными группами погребений. Такой же интерес представляют материалы из раскопок могильника, произведенных в марте 1929 г. экспедицией Комитета по охране исторических памятников в селении Бджни, Ахтинского района. Часть инвентаря этого могильника в точности совпадает с материалом из хртаноцских кромлехов, а другая часть может найти аналогии в старшей группе погребений Головицкого могильника. Памятниками указанной эпохи богат и Степанаванский район. Обнаруженный в них археологический инвентарь вместе с ранее известной секирой закавказского типа довольно ярко характеризует период начального освоения железа. Могильник этого времени затронут исследованием в самом Степанаване (раскопки А. У. Погосяна в 1951 г.). Здесь вместе с гладким поясом из листовой бронзы, массивными и пластинчатыми орнаментированными браслетами обнаружены бронзовые стрелы, наконечники стрел из кости типа обнаруженных в нижнем ярусе Самтаврского могильника, железный кинжал с бронзовой обоймой и набалдашником типа ходжалы-кедабекских бронзовых кинжалов и многое другое. Могильник, обнаруживающий близкое родство с кромлехами в ущелье Хртаноц, был открыт также в селении Гюлакарак, Степанаванского района, где наряду с другим материалом были найдены также змеиноголовые браслеты.

Новым исследованием затронут и соседний Алавердский район. В 1951 г. А. О. Мнацаканян доследовал здесь частично разграбленный курган в с. Качаган. Некоторые из десяти погребений этого кургана содержали очень характерный для двух периодов эпохи раннего железа материал. Почти полностью сохранился комплекс предметов из четвертого погребения, состоящий из миниатюрных железных наконечников копий, железного кинжала, очень похожего на кинжал первого кромлеха Хртаноцкого ущелья, рукоятки изогнутого ножа, бронзовой скифской стрелочки позднего типа, бронзовых колечек, трубочек и браслетов. В других погребениях кургана были обнаружены предметы, типичные для более раннего периода освоения железа (бронзовый меч с обрубленным концом, рельефно орнаментированные набалдашники посохов и много другого), которые сочетаются хронологически с ранее известными из этого же района секирами закавказского типа.

Начиная с 1933 г., неоднократно обследованию был подвергнут Кироваканский район¹. Особенно интересные результаты с точки зрения разрабатываемой темы дали раскопки 1939 г., произведенные экспедицией Комитета по охране древностей Армении. Вскрыты 26 каменных ящиков, сооруженных из трех плит и заделанных с южной стороны кладкой из мелких камней. Могильник этот находится на расстоянии 1,5 км к юго-востоку от города Кировакан, на трапецевидном холме, называемом «Димаци

¹ Կ. Ղաֆադյան, Դավթաների պեղումները Կիրովականում, Տեղեկագիր ՍՍՍՐ ԳԱ Հայկական ֆիլիալի, № 3-4, 1941:

тах». Исследователи могильника временем VII—VI вв. датируют несколько каменных ящиков по находке там изделий из железа и бронзы лалварского типа. К ряду таковых можно отнести могилы №№ 3, 4, 9 и др. Материалы из этих раскопок находятся в Кироваканском музее и не изданы¹.

Наконец весьма интересные разведочные работы, произведенные экспедицией Института истории АН Армянской ССР в Сисианском районе в 1950—1951 гг. (М. С. Асратян), позволяют включить в систему культуры междуречья Куры и Аракса, начиная с времен энеолита, и указанный район. Но особый интерес для нас представляют раскопанные здесь долменсвидные могильные сооружения, содержащие инвентарь, близкий к материалам из рассмотренных нами могильников по своему культурно-хронологическому облику.

На территории Армении совершенно недостаточно изучены поселения железного века. Единственным опытом подобного рода исследования явились раскопки в районе Ленинаканского мясокомбината, проведенные на очень низком техническом уровне экспедицией Комитета по охране древностей Армении в 1934 г. и не давшие соответствующих результатов. Обследованное здесь поселение состояло из отдельных жилищ—полуземлянок подквадратной формы, со сложенными из каменных глыб стенами, и могильник с различными видами погребений. Замечательной находкой в этом поселении, указывающей на местное производство бронзовых изделий, явилась каменная форма для отливки секир закавказского типа. В 1939 году комплекс этот был дополнен бронзовыми предметами закавказского типа (наконечники копий и стрел, черенковые кинжалы, тесла и др.), среди которых оказались топорик кобанского типа с заостренным обушком, указывающий на связи с другими районами Кавказа, и наконечник копья из железа, свидетельствующий о начавшемся процессе освоения железа. Новые разведочные работы, проведенные здесь нами летом 1952 г., дали богатый материал, относящийся к эпохе широкого освоения железа (железные копья и др.).

Другое поселение, затронутое исследованием в 1951 г. в Ахтинском районе (А. О. Мнацаканян), наряду с остатками материального производства других эпох, дает инвентарь, относящийся ко времени широкого освоения железа. Дальнейшее исследование этих памятников может привести к ценнейшим результатам.

Совместно с работами по изучению погребальных памятников и поселений эпохи раннего железа велись также работы по обнаружению, изучению и классификации урартских эпиграфических и архитектурных памятников, связанных по времени с освоением железной металлургии в Армении.

Завершением этих работ явились раскопки урартской крепости Тейшебаини (близ Еревана) VII в. до н. э., начатые в 1939 году экспедициями Армянского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа и продолжающиеся до сего времени под руководством Б. Б. Пиотровского. Эти и другие (Гар-

¹ Б. Абрамян, Раскопки могильника в Кировакане в 1939 году (рукопись на армянском языке).

ни, Двин) грандиозные по масштабу работы ознаменовали собой новый этап в развитии археологии Армении. О раскопках Кармир-блур, ставших уже всемирно известными и давших колоссальный ценный материал для истории Урарту и всего Кавказа, имеется многочисленная литература¹, а труды Б. Б. Пиотровского, посвященные результатам раскопок, раскрыли широкую картину взаимоотношений урартской, скифской и особенно закавказской культур. В этой связи некоторые комплексы из раскопок на Кармир-блуре рассматриваются и нами в теснейшей взаимосвязи с вещественными памятниками местной культуры периода VII—VI вв. до н. э.

В Азербайджанской ССР широко развернулись ныне особенно интересные археологические работы на территории Мингечаурстроя, где обнаружены могильники различных эпох в стратиграфическом залегании. В числе семи разновременных могильников здесь открыт также могильник скифского времени, изучение которого, в связи с культурой всего Закавказья, даст значительные результаты. Для хронологического определения разных культур Азербайджана раскопки в Мингечауре также будут иметь колоссальное значение².

Чрезвычайно плодотворные и весьма квалифицированные работы по изучению памятников данной эпохи были произведены в Грузинской ССР.

В 1924 году в с. Цицамури, Мцхетского района, этнограф Г. С. Читая раскопал погребение всадника, относящееся к периоду конца VII и начала VI вв. Каменные ящики этой же эпохи были открыты в Манглиси Л. Меликсет-беком³.

Особенно важные работы в этой области были произведены экспедициями Комитета по охране исторических памятников под руководством Б. А. Куфтина на территории Цалкинского плоскогорья в связи со строительством Храмгэоа. Два могильника этой группы, раскопанные у с. Цинцаро в 1937 году, дали характерный материал железного века. Железные предметы из этих могильников особенно родственны с таковыми же, найденными в синхронных вышеупомянутым могильниках Армянской ССР (Лалвар, Головино, район оз. Севан и пр.). К этой группе относится также

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944.

Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949.

Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I и II, Ереван, 1950, 1952.

Б. Б. Пиотровский, Скифы Закавказья, Уч. записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13.

Б. Б. Пиотровский, Город бога Тейшебы, ВДИ, № 4, 1948.

Б. Б. Пиотровский, Урарту и Закавказье, КСИИМК, III, 1940.

К. Кафадарян, Раскопки Кармир-блур (1939), Изв. АрмФАН-а, № 3, 1940.

Կ. Կաֆադարյան, Կարմիր-բլուրի նորագյուտ սեպագիր արձանագրությունը, Տեղեկագիր ՀՍԽՀ Գաղտնիքյան և գրականության հաստիստուտի, № 2, 1938:

Մ. Իսրահելյան, Կարմիր-բլուրի նորագյուտ արձանագրությունները, Ն. Մառի աճվան կարիքների աշխատություններ, № 2, Երևան, 1947:

² Г. И. Ионе, Археологические раскопки в районе Мингечаурстроя, Доклады АН Аз. ССР, № 6, т. II, 1946.

С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, Баку, 1949.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч.

Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 310.



могильник, открытый Б. А. Куфтиным в 1939 г. близ Бешташенской мегалитической крепости, датированной исследователем раннеахеменидской эпохой.

Другой могильник около той же Бешташенской крепости относится в общем к этой же эпохе, но датировка его немного затруднена. Б. А. Куфтин сравнивает грунтовые могилы этого могильника с Западно-Ахталинским могильником. Инвентарь могильника состоит из железных копий и ножей, крупноголовых орнаментированных «булавок» и цилиндрического навершия «трости».

К ряду перечисленных памятников нужно причислить, на наш взгляд, и могильник у стекольного завода в Дманиси, обследованный дважды. Находясь географически между Лалварской и Цалкинской группами некрополей, могильник этот органически связан с ними и не может датироваться X—IX вв. до н. э. (Г. К. Ниорадзе) без учета датировки аналогичных памятников¹.

Ванской эпохой датирует Б. А. Куфтин могильник у с. Санты, в урочище Маралын-дереси. Найденный здесь инвентарь обнаруживает широкие связи, с одной стороны, с западно-грузинской и кобанской культурой, а с другой—с культурой Лалвара².

Вне Цалкинской группы также имеются могильники, относящиеся к рассматриваемому времени. К ряду этих памятников относится могильник скифского времени, близ селения Двани, раскопанный С. И. Макалатиа в 1939 году. Инвентарь из могильника хорошо иллюстрирует связи местной культуры со скифской и урартской культурами³. В этом отношении особенное значение имеют раскопки грунтовых погребений нижнего яруса Самтаврского могильника, произведенные здесь Мцхетской археологической экспедицией с 1938 по 1948 гг. (С. Н. Джанашиа, И. А. Джавахишвили, М. М. Иващенко, А. Н. Каландадзе). В результате этих работ стало возможным выделение характерной группы могил, относящихся к VII—VI вв. до н. э. Использование материалов из разновременных могильников Самтаврского могильного поля дало возможность Б. А. Куфтину установить абсолютную хронологию культур на протяжении четырех тысячелетий. К сожалению, результаты работ Мцхетской археологической экспедиции, над которыми ныне работают археологи Грузинской ССР, еще не опубликованы.

Заканчивая обзор погребальных памятников широкого освоения железа, необходимо отметить, что проведенные за 80 лет археологические изыскания, а тем более работы советских археологов, создали прочную базу для систематизации памятников многих районов Закавказья во времени. Они создали также реальную основу для изучения археологических памятников по горизонтали, т. е. для синтеза и синхронизации памятников и таким образом определения различных этапов общественного развития в пределах макрорайонов.

¹ Г. К. Ниорадзе, Могильник у стекольного завода.

² Б. А. Куфтин, указ. соч.

³ С. И. Макалатиа, Раскопки Дванского могильника, СА, XI, 1949.

ГЛАВА II

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ШИРОКОГО ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА У СЕЛЕНИЯ ГОЛОВИНО

Среди всех могильников эпохи широкого освоения железа, отмеченных нами в предыдущей главе, особо важное место занимает могильник, открытый в 1929 г. при строительстве кирпичного завода в ущелье Хртаноц¹ между с. Головино и г. Дилижан, на территории Головинского санатория Министерства здравоохранения Армянской ССР.

Этот случайно обнаруженный могильник был исследован поздней осенью того же года экспедицией Комитета охраны древностей Армении, раскопавшей здесь 22 кромлеха.

Раскопки этих кромлехов дали исключительный по своему значению материал, ярко иллюстрирующий близкие культурные взаимоотношения между государствами Древнего Востока, Закавказьем и скифами.

Археологическая коллекция из Головино (№ 291) поступила в Государственный Исторический музей Академии наук Арм. ССР без достаточной документации, что значительно ее обесценило.

Материалы этих раскопок не были изучены и изданы, хотя огромное значение их было очевидным. Только в книге «Клинописный период истории Армении» (Ереван, 1933, стр. 105) в нескольких строках было сделано краткое сообщение о раскопках этого могильника, где автор, следуя за Б. В. Фармаковским, старался связать вновь обнаруженную культуру с хеттской—малоазийской культурой, вопреки более поздней датировке памятника и намечающимся связям с урартской культурой.

Изучение хртаноцской коллекции² было предпринято нами в 1948—49 гг. Коллекция эта, характерная для периода широкого распространения железа, отличается богатством, разнообразием представленного в ней инвентаря и особо четкой выделкой предметов самого различного назначения. В ней можно выделить следующие основные группы предметов:

¹ Хртаноц—Харатаноц—по-армянски означает мастерская, вернее слесарная мастерская. Очень возможно, что местные жители называют эту местность так по находке здесь железных предметов древности, подобно тому, как многие могильники в Армении называются брутаноц (*բրուտանոց*), т. е. гончарная мастерская, из-за обнаружения там замечательных глиняных сосудов.

² План раскопок 1929 г. и виды кромлехов, хранящиеся в негативном фонде ГМА, а также весь инвентарь из этих раскопок были любезно предоставлены нам директором музея К. Г. Кафадаряном, за что выражаем глубокую нашу признательность.

вооружение, снаряжение, украшения из бронзы, украшения из полудрагоценных камней и пасты, металлическая и глиняная посуда. Все эти группы предметов прочно связывают коллекцию с инвентарем могильников Армении, датируемых раннескифским периодом.

Как общее замечание, нужно сказать, что предметы вооружения, изготовленные почти исключительно из железа, в своем большинстве, резко отличаясь по форме от бронзовых, обнаруживают близкое сходство с предметами вооружения урартского происхождения. Но более интересно то обстоятельство, что рядом с предметами вышеуказанного типа выступают железные предметы, близко напоминающие таковые в бронзе. Эта группа по отношению к первой в коллекции менее выражена, но присутствие ее указывает на высокое развитие обработки железа, когда стало возможным подражать бронзе при изготовлении железных изделий.

В противовес этому все бронзовые предметы, обнаруженные рядом с железными, сохраняют традиционно-самобытные формы, связанные с развитием локальных культур в богатых меднорудными местонахождениями районах Закавказья.

Рассмотрим кратко выделенные нами выше группы предметов.

В разряд вооружения входят наконечники копий, кинжалы и ножи из железа, а также два кинжала и две пики из бронзы. Наконечники копий (инв. 113) представляют самую большую (11 шт.) и характерную группу. Они имеют разную величину. Самый большой наконечник имеет в длину 47 см, а самый малый—15,5 см (табл. I).

Типологически они могут быть разделены на две основные группы. В первую группу входят наконечники копий крупного и среднего размеров (дл. от 47 до 27 см), имеющие короткую полую втулку с двумя отверстиями для закрепления древка и сравнительно длинное, вытянутое листовидное лезвие с четким срединным ребром (табл. I, рис. 1—6). В эту же группу входят наконечники копий (табл. I, рис. 7) с длинной вытянутой втулкой с двумя отверстиями и коротким листовидным лезвием, имеющим срединное ребро.

Эти наконечники копий близко напоминают урартские.

Вторую группу составляют наконечники копий, несколько отличные от вышеописанных по форме и по размерам. Это миниатюрные наконечники с листовидным лезвием, часто без срединного ребра. Длина их колеблется от 21 до 15,5 см (табл. I, рис. 8—11, инв. 130). Миниатюрные наконечники копий, обнаруживающие сходство с таковыми же в бронзе, при раскопках урартских поселений совершенно не попадаются.

Железные кинжалы представлены в коллекции тремя экземплярами (табл. II, рис. 1—3). Они, как и все другие кинжалы могильников Закавказья, относящихся к эпохе широкого освоения железа, обнаруживают большое разнообразие и еще не поддаются строгой классификации, как это заметил Б. Б. Пиотровский на примере кинжалов из раскопок Кармир-блур.

Первый из этих кинжалов (табл. II, рис. 1) представляет из себя четко выделанный кинжальный клинок (инв. 130), расширенный верхний ко-

нец которого носит на себе два гвоздика для насадки бронзовой головки и плавно суживается до острия. Длина клинка 20 см, ширина у гвоздиков 2 см. Сохранность хорошая.

Второй кинжал (табл. II, рис. 2, инв. 130), выкованный вместе с рукояткой, сохранивший на себе остатки двух гвоздиков, имеет расширяющееся к основанию рукоятки лезвие с четким срединным ребром, плавно переходящее в рукоять. Длина кинжала 24 см, ширина у основания рукоятки 3 см, ширина рукоятки 1,8 см. Сохранность плохая.

Третий большой кинжал (табл. II, рис. 3, инв. 129), представленный в четырех фрагментах, был также выкован вместе с длинной рукоятью, завершенной массивной головкой, изготовленной из того же куска железа. Длина кинжала составляет примерно 22 см.

Железные ножи, несмотря на их малое количество (3 шт.), подобно наконечникам копий, разделяются на две независимые друг от друга группы (табл. III, рис. 1, 2, 3).

В первую группу входят два серповидно изогнутых ножа урартского типа с односторонним, слегка вогнутым лезвием и утолщенной спинкой (табл. III, рис. 1, 2, инв. №№ 130, 120).

Вторая группа представлена в коллекции одним экземпляром, но, как мы увидим ниже, ножи этой группы очень характерны для погребений в ущелье Хртаноц. Это единственный миниатюрный нож, который сохранил свою форму и по которому мы представляем всю группу фрагментированных мелких ножей (табл. III, рис. 3, инв. 113). Он имеет тоненькую ровную рукоятку, носящую на себе остатки 4 гвоздиков и следы деревянных накладок. Незаметно расширяясь, рукоятка переходит в одностороннее лезвие подтреугольной формы, длина 15,5 см.

Предметы вооружения из бронзы представлены в коллекции в наименьшем количестве и не являются характерными для нее. Они часто выступают в пережиточной форме. Эта группа состоит из двух кинжалов (табл. II, рис. 4, 5) и двух пик (табл. IV, рис. 1, 2).

Первый кинжал (инв. 121) представлен фрагментом нижней части клинка с широкой, слегка выступающей полосой посередине. Правый верхний конец ее умышленно притуплен, и ударами молота обломск этот превращен в нож.

Второй кинжал (табл. II, рис. 5, инв. 122) является замечательным вещественным памятником эпохи поздней бронзы. Вытянутый клинок его с двумя ребрами и четырьмя желобками отделен от обоймчатой рукояти выступающим нижним краем обоймы, предназначенной для деревянных вставок. Рукоять кинжала завершается круглой, полусферической головкой, имеющей с наружной стороны треугольные выемы для деревянной инкрустации.

Пики (2 шт., инв. 130), изготовленные из кованных бронзовых пластин, не отличаются по форме от известных в Закавказье образцов (табл. III, рис. 4—5).

Заканчивая краткое описание оружия, необходимо отметить еще и то, что в могильнике ущелья Хртаноц как при раскопках 1929 года, так и при

исследовании могильника, нами совершенно не обнаружены наконечники стрел ни местных, ни скифских образцов, так широко распространенных во всех могильниках Закавказья. Такое явление может быть объяснено малоизученностью могильника и, вероятно, широким применением такого вида оружия, как копье.

Наконец, нужно отметить также полное отсутствие в коллекции орудий труда, что надо считать вполне закономерным явлением.

Пояса (табл. IV, рис. 1—5). В коллекции ГМА из ущелья Хртаноц имеется пять большей частью фрагментированных поясов, изготовленных из тонкокованных бронзовых листов, носящих различную орнаментацию, нанесенную, главным образом, гравировкой.

Они дают большой и очень ценный материал для увязки культуры аборигенов с древневосточной и скифской культурами, а затем и для изучения религии племен, населявших Армению.

Ниже приводим краткое их описание.

На рисунке 1 (табл. IV) показан цельный бронзовый пояс (инв. 117), украшенный пятью поясками, заполненными точечным (выбитым) узором. На левом, слегка изломанном конце пояса, сверху двумя заклепками прикреплен кусок бронзовой гладкой пластины. Длина пояса равна примерно 94 см, ширина—9,5 см, толщина—1 мм.

Второй аналогичный пояс (инв. 115) представлен большим фрагментом (дл. 22 см, ширина—9 см) и отличается от предыдущего только тем, что украшен 4 поясками точечного узора (табл. IV, рис. 2).

От третьего пояса сохранилось только несколько мельчайших фрагментов (инв. 119), образовавших некогда двухрядный спиральный бордюр пояса. На одном из пяти фрагментов сохранилась выполненная штрихами часть изображения какого-то животного. Отсутствие остальных фрагментов лишает нас возможности реконструировать пояс (табл. IV, рис. 3).

Следующий коллекционный экземпляр (инв. 107) представляет из себя крупный фрагмент широкого (шир. 11,3 см) пояса с закругленными концами, поверхность которого украшена геометрическим резным орнаментом, нанесенным каким-то остроконечным инструментом. Края этого пояса обрамлены двумя рядами штрихов, образующих между собою острый угол, и одним рядом треугольников, обращенных остриями к внутренней части пояса и заполненных штрихами. Закругленный конец его украшен двумя большими треугольниками, вершины которых обращены к противоположному концу пояса. Линии, образующие эти треугольники, составлены из мелких кривых, напоминающих греческую букву γ . Вся внутренняя орнаментация, выполненная такими линиями, размежована от концевых треугольников тремя вертикальными линиями, к которым примыкает ряд прямоугольных четырехугольников, перекрещенных внутри двумя диагоналями и заполняющих центральную часть пояса. Остальное пространство между мелкими треугольниками краев и четырехугольниками заполняют две горизонтальные линии. Фрагмент этот имеет несколько пробоин. Длина его составляет 28 см, ширина—11 см (табл. IV, рис. 4). Пояса с аналогичной орнаментацией нам неизвестны.

Последний, самый интересный экземпляр (инв. 116), приведенный на рис. 5 (табл. IV), состоит из двух дополняющих друг друга фрагментов, носящих на себе гравированное изображение, совершенно аналогичных трех грифонов, расположенных в одном ряду по вертикали. Грифоны эти, наделенные мощными крыльями и копытными ногами, заключены в прямоугольную рамочку. Остальные части пояса, представляющего для нас первостепенный интерес, не сохранились.

Характерную часть коллекции составляют и украшения из бронзы. Они ярко иллюстрируют связи с предыдущей стадией развития первобытного общества, а некоторые из них связаны определенно только с эпохой железа и дают дополнительный для датировки памятника материал.

В этот разряд входят несколько групп: браслеты, кольца, шейные гривны, цилиндрические бронзовые трубочки, височные кольца, бронзовые бусы.

Браслеты, изготовленные из бронзы, а частично из серебра и железа, составляют многочисленную группу и отличаются большим разнообразием. Они могут быть разделены на несколько характерных групп:

1. Замкнутые, круглые в сечении браслеты с гладкой поверхностью, отлитые в каменной или глиняной форме, представлены восьмью экземплярами (табл. V, рис. 1—8, инв. 104г, 104д, 112/10, 112/11, 112/12, 114/8, 114/7—из серебра, 131). Внутренний диаметр их колеблется от 5,5 до 5,7 см, толщина в сечении от 3 до 5 мм.

2. Совершенно не отличаются от них по размерам 3 браслета (табл. V, рис. 9—11, инв. 104) со слегка разомкнутыми концами.

3. Шесть браслетов, образующих третью группу, отличаются от браслетов первой группы только по размерам. Диаметр их колеблется от 6 до 7 см, толщина в сечении от 5 до 5,5 мм (табл. V, рис. 12—17, инв. 112/а, 114/21, 114/19, 112, 114/22, 114/23).

4. Следующая группа состоит из двух замкнутых, но украшенных насечками ручных браслетов. Диаметр их колеблется от 6 до 6,5 см, толщина в сечении 5 мм (табл. V, рис. 18—19, инв. 112, 114).

5. Ножные замкнутые браслеты представлены в коллекции четырьмя экземплярами. Все они украшены глубокими насечками, а некоторые из них носят на себе «метки» в двух противоположных местах, в виде перекрещенных палочек (X). Диаметр крупных браслетов колеблется от 9 до 11 см, толщина в сечении 6 мм (табл. V, рис. 20—23, инв. 112, 114, 105).

6. Особый интерес представляют 2 железных «четковидных» браслета (диам. 4,2 см, инв. 135), типа найденных Петровым в Малаклинском могильнике (табл. V, рис. 24), и браслет, украшенный на концах змеиными головками (табл. V, рис. 25), диаметром 6,2 см.

7. Наконец, в эту коллекцию входят также три проволочных браслета с заходящими друг на друга концами (инв. 114, 112, 99). Диаметр их колеблется от 4,7 до 5,2 см, толщ. в сечении—от 3 до 4 мм. Эти браслеты для коллекции малохарактерны (табл. V, рис. 26—27).

В описание браслетов не вошли отдельные фрагменты их, представленные в коллекции в большом количестве и не дающие ничего нового.

Необходимость такого дифференцирования браслетов была вызвана, во-первых, их разнообразием, а, во-вторых, и главным образом, тем, что браслеты, обнаруженные при раскопках этого же могильника, дополняют и сильно подчеркивают такое разделение. Особняком стоят в этой группе три «браслета» (инв. 134), отлитые из серебра (табл. V, рис. 28). Два из них с наружной стороны имеют 17 равноудаленных друг от друга выступов с шаровидными головками, а третий имеет 6 подобных же выступов. Диаметр их равен 8,5 см, толщина в сечении—5 мм, высота выступов 5 мм.

Подобные браслеты из могильников всего Закавказья нам неизвестны, поэтому вопрос назначения их остается для нас пока не выясненным. Можно предполагать, что они служили «медальонами», украшавшими шею или грудь покойника. Это предположение подкрепляется, во-первых, тем, что среди ножных и ручных браслетов таковые не встречаются, а, во-вторых, тем, что на третьем браслете были надеты еще бусы из массы и одна раковина, как это видно на рисунке.

Большая группа шейных гривен, представленных в коллекции, главным образом в обломках, содержит гривны двух вариантов.

Первый вариант, мало выраженный и нехарактерный, состоит из двух гладких проволочных обручей. Второй вариант, представленный четырьмя цельными гривнами и множеством обломков, составляет характерную группу сильно витых обручей, уплощенные концы которых завернуты в крючок для обвязывания веревкой. Отличаются они друг от друга только по размерам.

Кольца. Среди колец, изготовленных из бронзы и редко из серебра, можно также различить несколько отличных друг от друга по форме и по технике изготовления групп. В первую группу (табл. VI, рис. 1—3) входят три плоских бронзовых колечка, изготовленных из мелких пластинок. Диаметр их составляет 2 см, высота пластиночек 5 мм, а толщина 1 мм. Наружная поверхность их, как правило, гладкая, но есть и исключения. Одно из этих трех колечек, представленное в двух фрагментах (инв. 131) украшено снаружи витым орнаментом (табл. VI, рис. 3).

Другую группу составляют проволочные кольца с завернутыми друг на друга концами. Три подобных кольца разных диаметров зарегистрированы в коллекционном журнале (№ 4) ГМА под номером 114 (табл. VI, рис. 4—6). Остальные кольца, представленные в коллекции, отличаются от вышеприведенных по технике изготовления. Это бронзовые замкнутые кольца, отлитые вероятно по восковой модели (2 шт., инв. 135). Поверхность их украшена тонкими косыми насечками (табл. VI, рис. 7—8). В эту группу мы включаем также пару «колец» (инв. 124), отлитых из серебра вероятно опять-таки по восковой модели. Эти небольшие «кольца» (д=2,3 см, толщина в течения=2,3 мм) имеют украшенную косыми насечками поверхность и увенчаны сверху овальной петелькой. Назначение их не ясно (табл. VI, рис. 9—10).

Заканчивая описание колец, должны отметить, что все они характерны для могильника в ущелье Хртаноц, как это выяснилось при наших раскопках летом 1950 года.

Другие украшения из бронзы

Для хртыноцкой коллекции ГМА характерны и другие украшения, как-то: бронзовые цилиндрические трубочки, свернутые из узких пластин с гладкой поверхностью (табл. VII, рис. 1, инв. 131, 4 шт.), бронзовые мелкие подвесочки в виде плода с петелькой для подвешивания (табл. VII, рис. 2, инв. 131), ромбической и полушаровидной формы пуговицы с внутренними стерженьками (табл. VII, рис. 3), «гребешки» из бронзовых пластин (табл. VII, рис. 4) и составленные из овальных звеньев цепочки разной длины для подвешивания украшений (табл. VII, рис. 5).

Кроме того, в коллекции представлены также так называемые височные кольца (табл. VII, рис. 6, 2 шт., инв. 124), волнообразно пересеченные посередине. Эти кольца, широко распространенные в Закавказье в эпоху поздней бронзы, не являются характерными ни для могильников времени широкого распространения железа, ни для коллекции. Наконец, в эту группу входят характерные бронзовые бусы в виде полых цилиндрических трубочек (табл. VII, рис. 8) с горизонтальными линиями на поверхности, а также шейные гривны (табл. VII, рис. 7).

Яркую и чрезвычайно характерную группу составляют украшения из полудрагоценных камней и пасты. Они связывают коллекцию с хорошо датированными памятниками, представляющими местную и урартскую культуры.

Первым делом нужно упомянуть здесь типичные плоские белопастовые бусы геометрических очертаний с нанесенными на них резными концентрическими кружками, названные Б. А. Куфтиным «бусы в виде домино» (табл. VIII, рис. 1). Большой интерес, однако, представляет то обстоятельство, что эти бусы в коллекции сопровождаются костяными плоскими бусами (инв. 138), примерно тех же очертаний, что и бусы «домино», и четырехгранно-столбчатыми бусами из кости, с нанесенными на них двумя горизонтальными линиями и двумя отверстиями. Но вместе с этими бусами коллекция содержит также огромное количество мелких бус (бисера) из белой, голубой и желтой пасты цилиндрической, кубической, овальной, боченкообразной и шаровидной формы (табл. VIII, рис. 2).

Огромный интерес представляют также бусы, изготовленные из сардоникса (агат), сердолика и яшмы, представленные в коллекции в большом количестве (табл. VIII, рис. 3). Сардониковые бусы имеют боченкообразную форму, а сердоликовые и яшмовые—овальную или шаровидную. Эти последние отличаются своей великолепной шлифовкой.

Среди других украшений большое количество составляют раковины (каури), служившие для украшения шеи или волос и широко распространенные повсюду.

Типичную для хртыноцских коллекций и погребений группу составляют пастовые и каменные подвески. Насколько нам известно, они характерны только для Головино.

Большим количеством представлены здесь треугольные плоские проны из белой и голубой пасты, с нанесенными по углам кружками и круг-

лым отверстием в центре, и полусферические пронизи с центральным отверстием и резным орнаментом в виде пятиконечной звезды на поверхности (табл. VIII, рис. 4).

Несколькими экземплярами представлены разного диаметра полусферические подвесочки из белого камня с круглым или овальным отверстием в центре, края которых часто заштрихованы (табл. VIII, рис. 5).

Бронзовые сосуды, редко встречающиеся в коллекциях и могильниках, относимых к железному веку, представлены в коллекции тремя коваными чашами. Одна из них представляет исключительный интерес. Это круглая чаша типа так называемых фиал, диаметром 15,5 см, с вертикально стоящим бортом. Дно чаши представляет собой выдавленную розетку из 18 лепестков, в центре которой имеется вдавленный кружок. Лепестки, сильно выступающие за борт чаши, местами попорчены. Остальные два экземпляра (инв. 115) представляют собою крупные фрагменты чаш простой формы (табл. IX, рис. 1—3). Один из этих фрагментов дает полное представление об их форме (табл. IX, рис. 2).

Керамика. Особый интерес в коллекции представляют керамические изделия, отличающиеся большим разнообразием форм и большим количеством (около 150 шт.). Сосуды, представленные здесь, замечательны по выделке, наружному оформлению и прекрасным лощением. Они изготовлены исключительно на гончарном круге.

Разбор всей этой керамики не может служить темой настоящей работы, ему должна быть посвящена отдельная работа. В данном случае ограничимся самой общей характеристикой этого материала и выделением самых основных, ведущих форм его, необходимых для анализа керамики интересующей нас группы археологических памятников.

Всю эту керамику можно разделить на две отчетливо различающиеся группы: первую группу составляет многообразная и многочисленная чернолощенная керамика: горшки, миски, кружки, кувшины и другие менее характерные образцы, изготовленные из хорошо толченой глины и равномерно обожженные. Плотные черепки в изломе не отличаются цветом от поверхности их. Все сосуды этой группы прекрасно лощены и украшены, как правило, геометрическим орнаментом, выполненным в большей своей части лощением. Цвет их обычно черный, но имеются и сосуды красноватого оттенка. Горшки чернолощенные, а иногда и красноватого оттенка, имеют бомбовидный корпус и совершенно низкую шейку со слегка отогнутым венчиком. Плечики и корпус их часто украшены горизонтальными полосками, наведенными деревянным предметом, повидимому еще до лощения. Пространство между этими полосками заполнено треугольниками и зигзагообразными линиями (табл. X).

Большим количеством представлены чернолощенные миски. Они характеризуются несколько вогнутым во внутрь венчиком и треугольным в плане маленьким выступом, прикрепленным у нижнего края венчика. Эти ручки иногда проткнуты вертикальным отверстием (табл. XI, рис. 2).

Другой вариант этих мисок характеризуется более шаровидным корпусом и высоким венчиком, украшенным снаружи двумя вогнутыми полос-

ками, носящими подчас зигзагообразный орнамент, наведенный деревянным лощилом.

Большой интерес представляют также разнообразные чернолощенные кружки с одной прилепной ручкой. Но для коллекции особенно характерны кружки со слегка отогнутым венчиком, с нанесенными на него вертикальными штрихами. Поверхность кружек украшена несколькими рельефно вогнутыми широкими полосками, украшенными чаще всего зигзагообразными линиями (табл. XI, рис. 4).

Четвертую подгруппу составляют чернолощенные кувшины с высоким, плавно расширяющимся горлом и дугообразной ручкой. Наиболее характерными являются здесь кувшины черного теста, ручки которых украшены вдавленными треугольниками снаружи. Наружная отделка и орнаментация их производились двумя путями: лощением и рельефными украшениями; дугообразная ручка часто имеет перегиб в средней части и выступ в этом месте. Ручки эти имеют на наружной стороне вертикальное, иногда довольно глубокое ступенчатое углубление. Если ручка имеет перегиб, углубление это занимает только верхнюю часть ручки, в остальных случаях оно обычно идет по всей ее внешней стороне (табл. XI, рис. 5, 6).

Вторую группу составляют образцы грубой посуды. В нее входят глубокие миски, большие чаши, довольно тонкие и чрезвычайно грубые горшки разной величины и формы, так называемого «кухонного» назначения. Тесто этих сосудов не совсем хорошо толчено, обжиг неравномерный, и в зависимости от этого они имеют темный или светлокоричневый оттенок. Миски (табл. XII, рис. 1—4, инв. 55, 56, 61 и др.), поверхность которых порою слегка лощена, отличаются равномерными, несколько отогнутыми бортиками, посаженными на высокие плечики сосуда. Горшки могут быть разделены на три типа: среднего размера, с бомбовидно-округлым корпусом при довольно отогнутом венчике, иногда с линейной орнаментацией плечиков (табл. XII, рис. 7—8, инв. 82, 87 и др.), приземистые, с раздутым корпусом и широким горлом большие горшки (табл. XII, рис. 6) и мелкие горшки, темные или светлые, иногда с характерным семячковым орнаментом (табл. XI, рис. 2), проведенным по центру корпуса. Характерными признаками больших чаш (табл. XII, рис. 5, инв. 5 и др.) являются округло оформленные венчики при несколько вогнутых во внутрь сосуда плечиках.

* * *

В результате работы над материалом коллекции удалось установить лишь один погребальный комплекс (кромлех № 8). Не установлено, однако, количество и характер погребений. Судя по богатству инвентаря, кромлех этот являлся коллективным погребением.

Все предметы этого комплекса в коллекционном журнале обозначены под № 130. Они характеризуют собой хорошо датируемый по связи с другими могильниками Армении комплекс.

Из железных предметов вооружения к этому комплексу относятся: миниатюрный наконечник копья (табл. I, рис. 11), 2 железных кинжала (табл. II, рис. 1—2) и серповидно изогнутый нож (табл. III, рис. 1).

Сюда же входят 2 бронзовые пики, показанные на III таблице (рис. 4—5).

Богаты и характерны бронзовые, пастовые и каменные украшения этого комплекса. Ручные браслеты представлены в двух типах: с гладкой поверхностью замкнутые браслеты (6 шт.) типа табл. V, рис. 16—17 и один проволочный с завернутыми друг на друга концами, типа табл. V, рис. 26. Кроме того, отсюда же происходит серебряный «браслет», условно называемый нами «медальоном», с надетыми на него бусами из белой массы и шестью выступами (табл. VIII, рис. 6). Шейные гривны (2 шт.) принадлежат также к двум типам, отчетливо выделенным в коллекции. Первый из них—проволочный, гладкий (табл. VIII, рис. 7), второй—сильно закрученный, с завернутыми в крючок концами, типа табл. VIII, рис. 8.

Комплекс этот содержит, кроме того, колечки пластинчатые и проволочные (табл. VI, рис. 1—3 и 5), подвесочки из бронзы в виде плода (табл. VIII, рис. 9), а также пуговицы ромбической и полусферической формы (табл. VIII, рис. 5).

Каменные бусы круглой или овальной формы, изготовленные из сердолика и яшмы, составляют несколько ожерелий (табл. VIII, рис. 3). Но еще большим количеством представлены здесь ожерелья из белотальковых бус в виде «домино» и из мелкого бисера того же теста, прочно датированные Б. А. Куфтиным VII—VI вв. (табл. VIII, рис. 1). Особенно типичны для этого комплекса треугольные подвесочки из белой и голубой пасты с концентрическими кружками по углам и центральным отверстием (табл. VIII, рис. 4), а также круглые полусферические подвесочки с наружным резным орнаментом в виде пятиконечной звезды (табл. VIII, рис. 4).

Установить остальные комплексы не удалось ввиду отсутствия дневника, погребальной описи, рисунков, чертежей и каких бы то ни было документов. Сохранились только фотоснимки, передающие общий вид кромлехов. Не удалось также составить точное представление о могильнике, о форме погребений и т. п. Все это заставило нас приступить к новым работам на том же могильном поле с надеждой уяснить общую обстановку, получить хорошо документированные комплексы, а также изучить кромлехи с конструктивной и других сторон. Работы эти были произведены в августе 1950 года по поручению и на средства Института истории Академии наук Арм. ССР¹.

К моменту прибытия на место, где был обнаружен могильник в 1929 г., могильное поле представляло из себя совершенно выровненную продолговатую площадку (70×30 м), не обнаруживающую никаких внешних признаков наличных здесь погребений, кроме отдельных, кое-где торчащих из-под земли камней, не оставляющих впечатления какого-нибудь археологического памятника. Эта площадка, на двух концах которой стоят по одному маленькому кирпичному сооружению (запад), окружена плодовыми садами и огородами подсобного хозяйства Головинского сана-

¹ Ближайшее участие в этих работах принимал А. У. Погосян, за что приносим ему нашу искреннюю признательность.

тория, расположенного по двум скатам красочно оформленного природой Хртаноцкого ущелья.

Таким образом, было чрезвычайно затруднено дело обнаружения и подсчета могил, засыпанных наносом земли и подчас разрушенных. Но судя по плану расположения могил, составленному экспедицией 1929 года¹ (рис. 1), кромлехи были расположены друг подле друга в 5—6 горизонтальных рядов. В каждом ряду насчитывается примерно 15—20 могил.

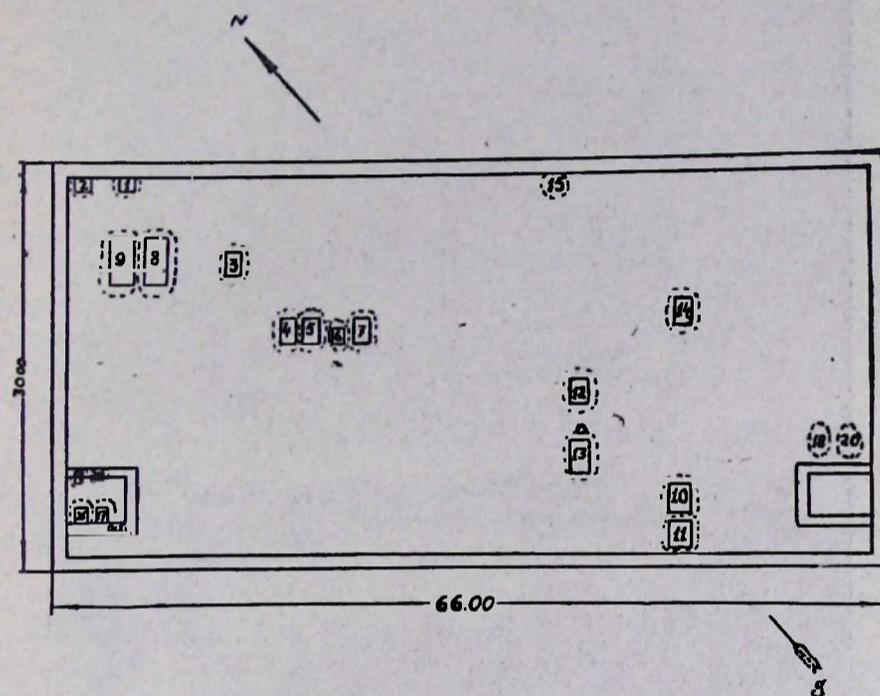


Рис. 1. План расположения могил (1929 г.).

составляющих цифру около 90—120. Погребения, сооруженные из огромных каменных глыб, были окружены снаружи кругом камней и перекрыты 2—3 большими каменными плитами (рис. 2). Нами было обнаружено здесь 3 кромлеха, содержащих коллективные или одиночные захоронения с богатым и типичным инвентарем. Переходим к их описанию.

Кромлех № 1 был обнаружен южнее кирпичного завода метров на 60, недалеко от моста, ведущего в санаторий селения Головино.

Вскоре после расчистки верхнего слоя земли (рис. 3) был обнаружен кромлех—круг из камней среднего размера, плотно пригнанных друг к другу, наибольший диаметр которого достигает 3,36 м. В своей северо-западной части этот круг замыкался стеной из мелких камней, сложенной повидимому после сооружения кромлеха, заполнения могилы и служащей как бы дверцей в могилу.

¹ Это единственный чертеж из раскопок 1929 г.

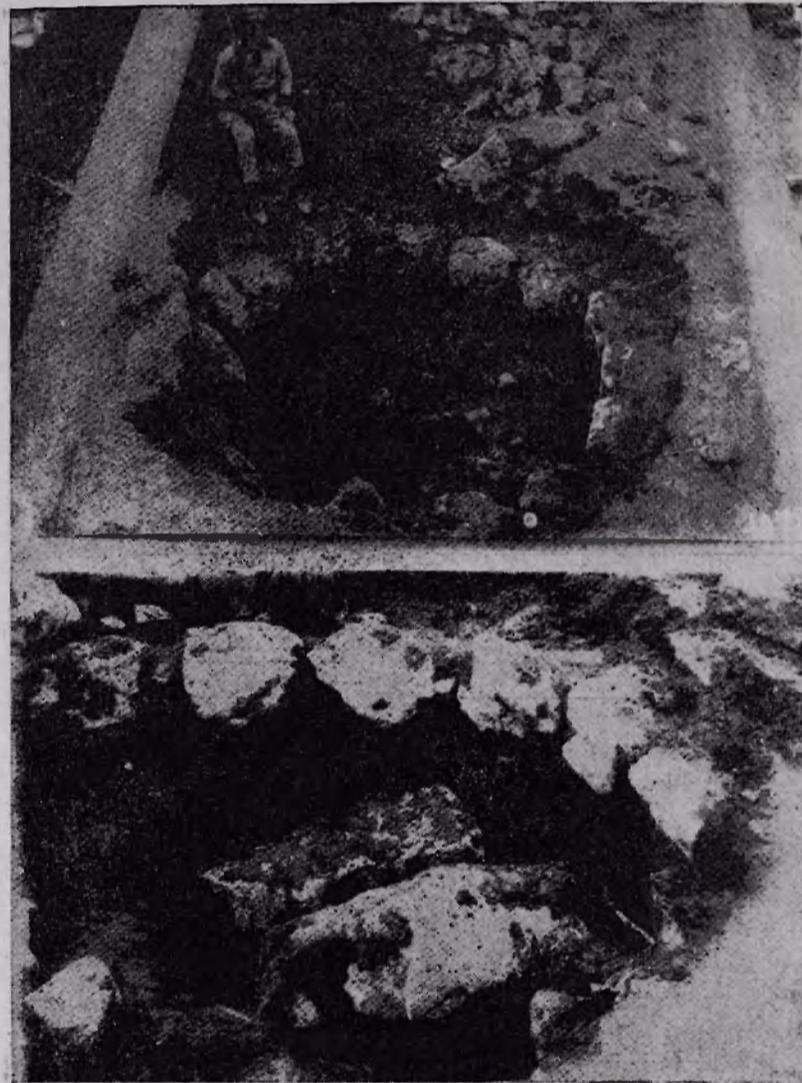


Рис. 2. Кромлехи, открытые в 1929 г.

На глубине 1,4 м от поверхности земли на северном участке кромлеха были обнаружены две большие плиты (1,30×0,70), плотно пригнанные друг к другу и сбставленные со всех сторон мелкими камнями (рис. 3). Эти каменные плиты, направленные с северо-востока на юго-запад, перекрывали маленький склеп, три стены которого сложены из семи больших камней, а северная—из мелких (рис. 4). Чрезвычайно интересным являлось следующее обстоятельство. Под почвенным слоем в западной части кромлеха над могильными плитами были найдены фрагменты керамики эпохи VIII—VII вв. (до н. э.). Первый из них, красноватого оттенка, носит на себе очень изящный веревочный орнамент, что близко напоминает местную керамику из культурных слоев урартской крепости на Кармир-блуре. Другой черепок, черноватого оттенка, имеет семячковый орнамент. Сосуд с таким же орнаментом был обнаружен при вскрытии склепа. Аналогичные сосуды обнаружены на Севане, в Кармир-блуре, Кировакане. Третий черепок, с линейным орнаментом, находит близкие аналогии среди керамики из селения Головино, Лалвара, Кармирблурского могильника и в случайных находках около Ереванского вокзала¹. Среди этих фрагментов очень интересны два обломка изящной чаши из серой, хорошо толченой глины и черепок с полукружковым, глубоко вдавленным орнаментом, красного цвета. Найдены также черепки обыкновенной керамики красного и черного цвета.

Здесь же, около мелкой кладки кромлеха, на глубине 1,2 м были найдены кусочки древесного угля и следы золы. Это, несомненно, остатки костра, зажженного при выполнении погребального обряда. Следы костров над могилами были зарегистрированы в Закавказье неоднократно. Зола была обнаружена в верхних слоях кромлехов, раскопанных Е. А. Лалаяном у с. Книшик, и некоторых курганов Нор-Баязетского района, при снятии верхнего слоя Сисианского долменовидного сооружения (М. С. Асратян), при раскопках ряда курганов Азербайджанской ССР² и во время работ Г. К. Ниорадзе на территории Дманисского могильника, регистрировавшего факт неоднократного нахождения золы над могилами, что привело исследователя к предположению о зажигании костров с целью «снабдить» покойников огнем³.

¹ Весной 1950 г., около железнодорожной поликлиники ст. Ереван, во время строительных работ были обнаружены чернолощенные горшки, кувшины и чаши с горизонтальными полосками на поверхности и бронзовые вилы. Такая же керамика была обнаружена и по другую сторону станционных линий. Осмотром местности было установлено нами, что здесь находится огромный могильник, примыкающий к поселению, находящемуся к югу от кладбища и называемому ныне Муханнат-тапа. В 1935 г. здесь были произведены раскопки многослойного поселения. Третий слой (снизу) был определен урартским временем (см. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 44, Е. Байбуртян, Проблема крашеной керамики). Нам кажется, что это кладбище является могильником поселения в Муханнат-тапа, а керамика, обнаруженная здесь, перекликается с урартским слоем поселения Муханнат-тапа.

² А. А. Спицин, Археологические исследования Э. Реслера в Елисаветпольской губ. в 1901 г., ИАК, вып. 16, 1905, стр. 4.

³ Г. К. Ниорадзе, О некоторых особенностях Дманисского некрополя. Вестник Гос. Муз. Грузии, XIV—В, 1949, стр. 57.

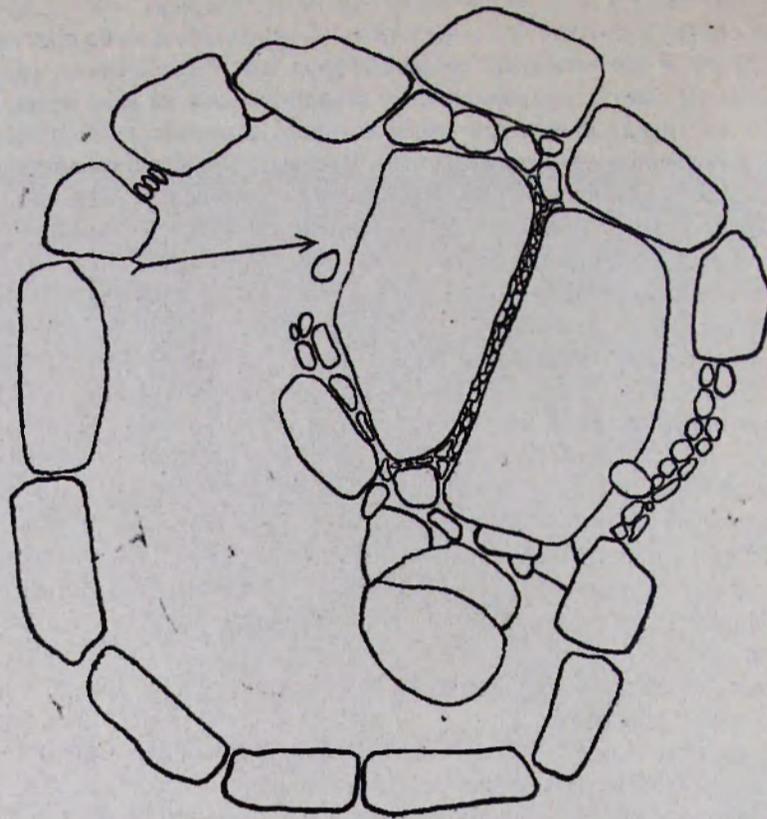


Рис. 3. Кромлек № 1, открытый в 1950 г.

На основе археологического материала чрезвычайно трудно определить назначение костров, зажигаемых над могилами, однако культовая их значимость не подлежит сомнению. Этнографические параллели подтверждают сказанное. Обязательным моментом в погребальном обряде езидов, живущих ныне на территории Армянской ССР, является зажигание костра над могильной насыпью, вероятно с целью «снабдить» покойника огнем. Сравнительная этнография изобилует подобными примерами.

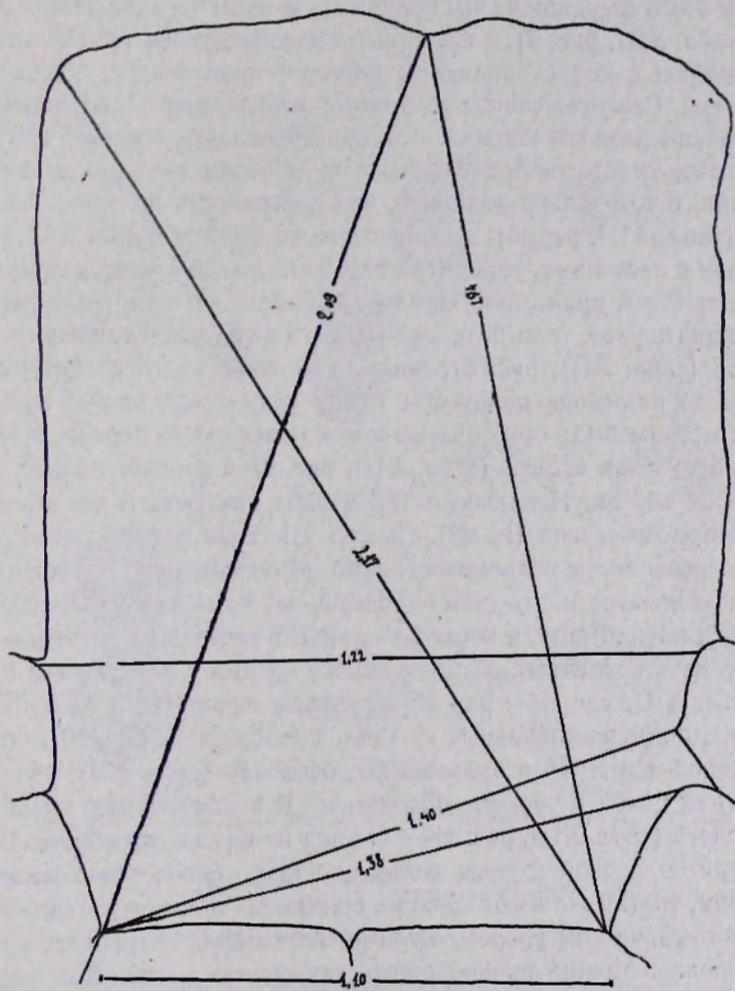
Чрезвычайно важным моментом в археологии Армении является обнаружение капища на территории поселения у Кармир-блур, где рядом с каменным человекоподобным идолом в большом чернолощеном сосуде были обнаружены остатки золы. Принадлежность идола местному населению и отнесение его ко времени VII—VI вв. до н. э. не могут вызвать сомнений.

После удаления первой плиты выяснилось, что могила первоначально не была засыпана землей, а совершенно мелкая земля «просачивалась» в могилу вместе с водой в течение веков.

В юго-западный угол склепа (на гл. 12 см) был воткнут железный наконечник копья (табл. XIII, рис. 11) до основания втулки, а обуглив-

шесю остаткн древка (днаметр сохрннвшейся чнсти древка 1 см) прослжнвалнсь по направлению северо-западного угла могнлы. Таким образом копье было положено сверх могнлы по диагонали. Этот наконечник копья принадлежит к типу, представленному табл. I, рис. 7. Там же, ннже копья, были обнаружены черепкн, совершенно аналогнчные тем, которые были найдены над могнлой у костра. Таким образом фрагменты керамики, найденные у костра, не являлись случайными, а были определенно связаны также с погребальным обрядом.

Погребение содержало остатки четырех костяков, сохрннвшнхся так плохо, что часто вместо костяка нмеются лишь отдельные кости.



Рнс. 4. Кромлех № 1, горизонтальный разрез.

Первый костяк — мужской (определение по инвентарю), ориентированный головой на юго-запад, лежал на левом боку, в скорченном положении, около южной стенки могнлы. Разрозненные кости черепа и остатки рук, перемещенные водой, были обнаружены прямо у южной стены

могилы, на расстоянии 50 см от шейных позвонков. Около костяка имелся определенный комплекс железных и бронзовых предметов. У шейных позвонков найдены три бронзовых браслета (табл. XIII, рис. 1), не отличающихся по типу и размерам от браслетов, представленных на табл. V, рис. 13—17, и бронзовое проволочное кольцо (табл. XII, рис. 8) с заходящими друг на друга концами, типа табл. V, рис. 27. Здесь же было рассыпано большое количество бус из сердолика, яшмы, агата, белой и голубой пасты (табл. XIV, рис. 1). Под костями таза была расположена большая чернолощенная чаша (разбитая), какие встречаются среди материалов из раскопок на Лалваре, и глиняный бурого цвета сосуд в обломках (№ 9). У этого сосуда найдены бронзовые колечки — одно из них пластинчатое (табл. XIII, рис. 4), с суженными разомкнутыми концами, одинаковых размеров с коллекционными; другое — проволочное, с разомкнутыми концами. Севернее сосуда № 9 оказались: железный, со слегка вогнутым широким лезвием кинжал, имеющий бронзовую головку (табл. XIII, рис. 5) неизвестного типа, две бронзовые трубочки, типа представленных в коллекции, с той только разницей, что поверхность их орнаментирована сеткой (табл. XIII, рис. 6), два браслета из бронзы (табл. XIII, рис. 3 и 7) — один с насечками, знакомого нам из коллекции типа, а другой — из вдвое сложенной проволоки. Немного западнее лежали: железное втульчатое миниатюрное, типа 2-го, выделенного нами коллекционного варианта, копье (табл. XIII, рис. 8), плоская круглая масса из битума (табл. XIII, рис. 9) и большое количество бус. В углу между южной и восточной стенами могилы были обнаружены кости конечностей барана, а около черепа — бронзовая иголка (табл. XIII, рис. 9) и гладкое кольцо.

Второй костяк. Недалеко от бронзовых трубочек были обнаружены остатки второго черепа (№ 22) и ребер. Никаких костей, кроме отмеченных в погребении, не сохранилось. Зато непосредственно у восточной стены могилы имеется опять-таки определенный комплекс предметов, расположенный, повидимому, в ногах покойника и состоящий из чернолощенных черепков двух различных сосудов, одного горшка с семячковым орнаментом (табл. XIII, рис. 44), одного железного наконечника копья среднего размера, типа представленных на табл. I (табл. XIII, рис. 40), бронзовой проволочной пряжки и бронзовых проволочек (табл. XIII, рис. 43), заготовок для колец и тонких браслетов. В этот комплекс входят также три браслета (табл. XIII, рис. 41—42); два из них не отличаются по форме и размеру от первой группы коллекционных браслетов с наименьшим диаметром, третий же изготовлен из бронзовой пластинки и украшен снаружи геометрическим узором. Судя по инвентарю, погребение принадлежит мужчине. Можно предположить также, что костяк был погребен в скорченном положении, на боку, т. к. расстояние от черепа (№ 22) до восточной стены могилы составляет около 50 см. Более или менее сохранившееся погребение в этой могиле представлено в скорченном положении, на боку и, кроме того, погребения, синхронные нашему, не только на территории Армении, но и всего Закавказья, в своем большинстве представлены в скорченном положении.

Третий костяк, судя по инвентарю, принадлежал мужчине и находился у западной стены могилы. От этого костяка сохранились также только остатки черепа (№ 26), но группа предметов здесь также определенно разграничивается от остальных комплексов.

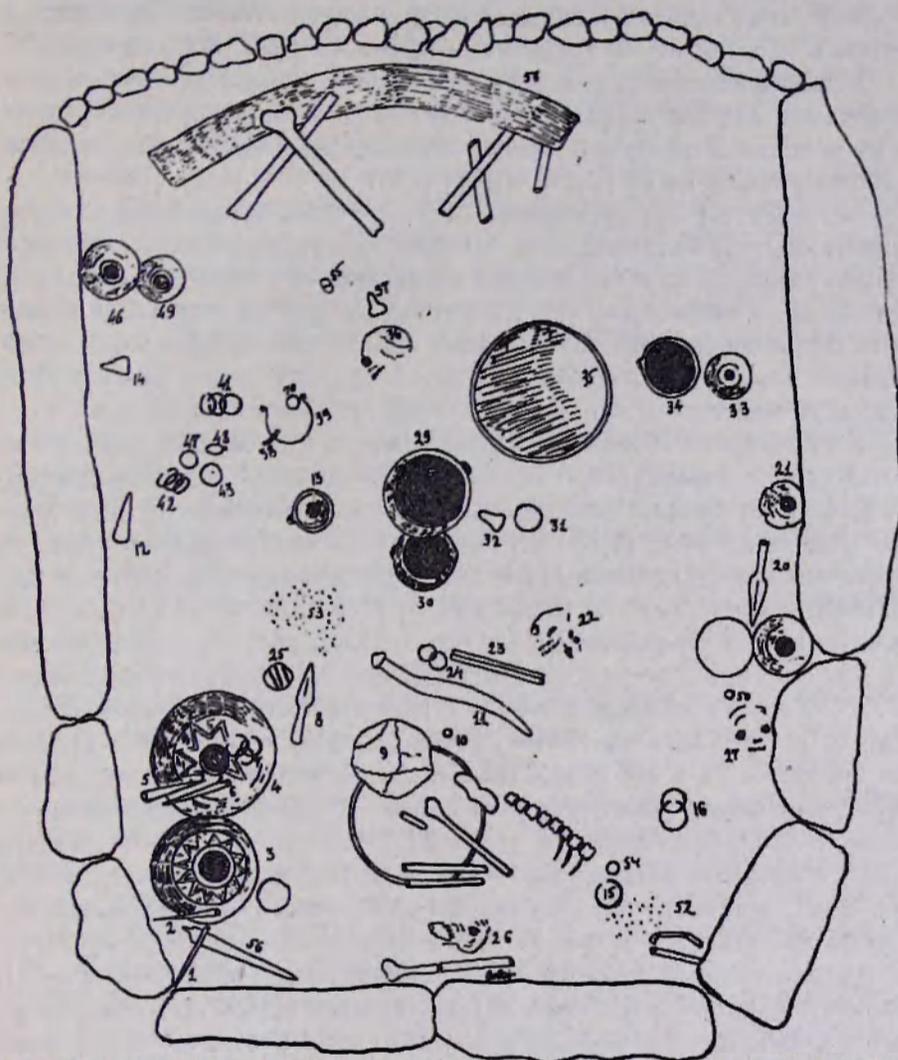


Рис. 5. Ситуационный план кромлеха № 1.

В угол между южной и западной стенами могилы был воткнут замечательный железный наконечник копья (табл. XIII, рис. 11), о котором было упомянуто выше. Около копья лежали совершенно разрушившийся железный кинжал (табл. XIII, рис. 12) с язычком для деревянной рукоятки и бронзовый наконечник пики (табл. XIII, рис. 16) с остатками древка, ничем не отличающийся от коллекционных. Рядом с ними стоял прекрасно орнаментированный лощением красноватого оттенка горшок с

бомбовидным корпусом и низкой шейкой (табл. X), черная с орнаментированным донышком кружечка с изящной ручкой (табл. XIII, рис. 14) и красивый чернолощенный, орнаментированный кувшинчик с изящной высокой шейкой и дугообразной ручкой (табл. XIII, рис. 15). У этого кувшинчика были обнаружены две бронзовые пики (табл. XIII, рис. 13—16), одна совершенно аналогичная предыдущей, другая немного больше по размеру, и четыре ножных браслета с насечками (табл. XIII, рис. 17) из бронзы.

Четвертый костяк этой могилы представлен костями конечностей, размещенными под поясом из листовой бронзы, без орнамента, с закругленными концами и остатками черепа (№ 36), найденными южнее этих костей сантиметров на 45 (табл. XIII, рис. 25).

Погребение было представлено в скорченном положении, и скелет, судя по инвентарю, принадлежал женщине¹, погребение которой занимало больше половины площади склепа и содержало разнообразные бронзовые украшения, а также прекрасную керамику. Для этого погребения характерно отсутствие оружия. Из железных вещей здесь обнаружены обломок браслета (табл. XIII, рис. 26) и большой фрагмент миниатюрного ножа знакомого нам типа (табл. XIII, рис. 27; ср. с ножом табл. III, рис. 3).

Керамика этой группы, расположенная в центре могилы, состояла из одноручных с орнаментом и без орнамента кружек черного и красного оттенка, среди которых особенно типичны кружки, совершенно аналогичные выделенной нами (табл. XIII, рис. 18—20) коллекционной группе, из кувшинчиков и кувшинов с одной прорезной ручкой (табл. XIII, рис. 23), орнаментированной иногда треугольниками с насаженными друг на друга головками и из чернолощенных чаш (табл. XIII, рис. 29) разной величины. Как уже видно из рисунков, ведущие формы керамики, представленные в коллекции, четко выделяются и в керамике кромлеха № 1. Нужно сказать, что эти образцы являются характерными и для других кромлехов, раскопанных в 1950 году. Поэтому в дальнейшем описании остальная керамика будет иллюстрирована в табл. XIII. В этом комплексе имется шесть бронзовых браслетов (табл. XIII, рис. 30—31, 34), из коих три входят в первую коллекционную группу (табл. XIII, рис. 34; ср. с табл. V, рис. 1—2), два совершенно аналогичны со II группой (табл. XIII, рис. 31) и последний (табл. XIII, рис. 30) украшен на концах змеиными головками. Тут же были найдены два кольца с насечками (табл. XIII, рис. 32), шейная гривна (табл. XIII, рис. 33), две подвески (табл. XIII, рис. 35) из белого камня, знакомых нам из коллекции типов, маленькая проволочная серьга (табл. XIII, рис. 36), колокольчиковидные подвески (табл. XIII, рис. 37), не представленные в коллекции, треугольники-подвесочки из голубой пасты (табл. XIII, рис. 38) с насечками по краям, бусы из агата, сердолика и пасты. Группа из трех разбитых сосудов была помещена в северо-западном углу могилы. Здесь же обнаружен череп домашнего поросенка (определение зоолога С. К. Даля).

¹ Р. Вирхов в одной из своих работ говорил, что бронзовые пояса носили только мужчины.

Совершенно ясно, что наличие такого большого количества вещей (около 80) объясняется тем, что погребение является коллективным. Если же мы рассмотрим это погребение покомлексно, то не так уж много предметов приходится на каждый комплекс, как это видно из описания.

Важное значение имеет то обстоятельство, что погребения в этой и в других могилах находятся не на одной плоскости, хотя между ними нет стерильного слоя. Глубина могилы составляет 84 см, а толщина слоя с культурными остатками равна 40 см. Это обстоятельство указывает на то, что на протяжении десятилетий хоронили здесь членов семьи или же рода, пока не заполнялась могила.

Кромлех № 2 находился западнее первого на расстоянии 30 м и с восточной и западной сторон был обставлен вперемежку камнями среднего размера (рис. № 6). Несомненно, эти камни образовали некогда эллипс, окаймляющий погребальный склеп, который был перекрыт сверху двумя большими плитами (размеры 1,33×0,83 м и 1,28×0,70 м; рис. № 6). Щели между этими плитами и могилой были засыпаны мелким щебнем.

Обнаруженная под плитами могила имела форму вытянутого неправильного прямоугольника, направленного с северо-востока на юго-запад. Три стены склепа были сложены из 9 больших камней, а северная стена — из мелких. В могиле были погребены три покойника, костяки которых были раздавлены и смещены камнями разрушенной северной стены. Положение их не удалось выяснить, но в одном случае у кинжала мы имеем кости ног в согнутом положении, что указывает на скорченное захоронение костяков¹.

Эта могила сравнительно небогата.

В углу между северной и восточной стенами могилы были обнаружены два человеческих черепа, третий череп, также раздавленный, находился у западной стены. Пространство между этими черепами было заполнено раздавленными костями конечностей, среди которых были найдены сильно фрагментированный железный кинжал (табл. XV, рис. 13) с остатками деревянной накладке на рукоятке, агатовые, сердоликовые и пастовые бусы (табл. XIV, рис. 2), аналогичные найденным в кромлехе № 1. Новостью, по сравнению с другими кромлехами, явились здесь биконической и кубической формы бусины из зеленоватого стекла.

Вся керамика была сконцентрирована в двух группах. Большая группа находилась у западной стены, около черепа и состояла из двух чернолощенных чаш типа табл. XI, рис. 1, двух горшков типа табл. XI, рис. 2, кружечки также знакомого типа, разбитого кувшинчика, сосудика на трех ножках с крышкой и миски с двумя продырявленными в виде треугольника выступами ниже венчика. Между сосудами было найдено много бус из полудрагоценного камня и бронзы, а около чернолощенной чаши были найдены остатки бронзовой пластины с орнаментом, напоминаю-

¹ В негативном фонде ГМА сохранились фотоснимки, указывающие на скорченное положение костяков.

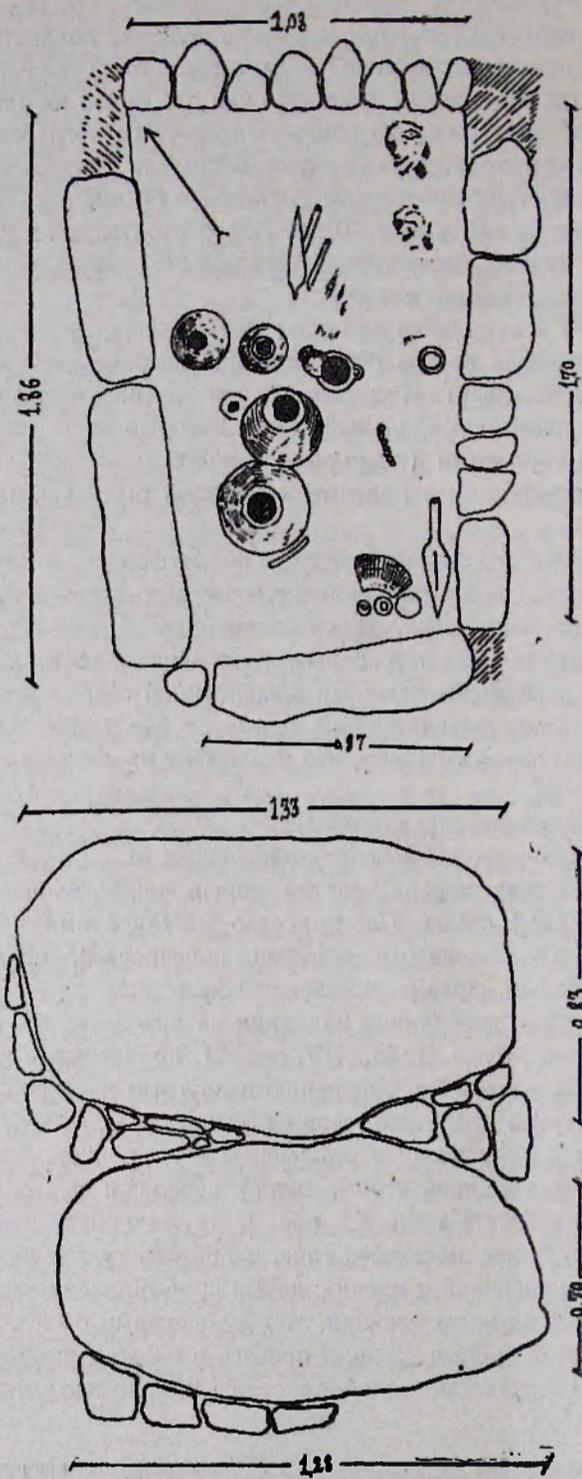


Рис. 6. Кромлех № 2, открытый в 1950 г.
Ситуационный план и обмер верхних плит.

шим орнаментацию пластинчатого браслета из кромлеха №1 и такого же браслета из коллекции № 291 ГМА.

В юго-восточном углу погребения находилась II группа керамических сосудов, состоящая из одной чернолощеной кружечки и двух изящных маленьких горшков. В чернолощеной кружечке были собраны украшения всех погребенных и наиболее дорогие для них предметы. Из этой кружки извлечено следующее: 9 бронзовых гладких и с насечками браслетов (табл. XV, рис. 1—5), из коих 3 (табл. XV, рис. 1—2) совершенно не отличаются от браслетов первой коллекционной группы, 2 (табл. XV, рис. 3) отличаются только тем, что наружная поверхность их украшена насечками; остальные 4 браслета (табл. XV, рис. 4) и по форме и по размерам соответствуют второй коллекционной группе (ср. табл. V, рис. 9—11); два колечка (табл. XV, рис. 6); шейная проволочная гладкая гривна типа первой коллекционной группы (табл. XV, рис. 7); большое пряслице из белого камня (табл. XV, рис. 8); бронзовый наконечник древка (?) или посоха (табл. XV, рис. 9); скифский топорик из железа (табл. XV, рис. 10); агатовые, сердоликовые, бронзовые, пастовые, яшмовые и стеклянные бусы (табл. XIV, рис. 3); бронзовая прорезная колоколовидная подвеска с длинной цепочкой (табл. XV, рис. 11).

Здесь же, рядом с сосудиками, лежало железное копье (табл. XV, рис. 12) типа табл. I, остатки древка которого прослеживались по направлению северо-западного угла. У восточной стены могилы были найдены бронзовое колечко и бронзовая цепочка (длина 70 см) с подвесочками в виде плодов.

Чрезвычайно интересно то, что могила № 2 искусственно разделена на две равные части. В северной части ее находятся костяки, а инвентарь, принадлежащий им, собран в южной части могилы, за исключением железного кинжала и находящегося на шее одного из покойников ожерелья.

Костяки принадлежат мужчинам.

Следует отметить, что инвентарь этой могилы находит точное соответствие среди материалов из коллекции и кромлеха № 1. С конструктивной стороны можно сказать то же самое. Глубина склепа достигает 70 см, культурный слой — 30 см.

Кромлех № 3 находился в трех метрах от кромлеха № 2 с юго-западной стороны, на краю мощеной дороги, ведущей в санаторий селения Головино. Камни кромлеха, а также плиты перекрытия были удалены, по видимому, во время земляных работ в районе подсобного хозяйства санатория.

Могила, направленная с северо-востока на юго-запад, подобно кромлеху № 2, имела форму вытянутого четырехугольника. Западная и восточная стены ее были сооружены из больших каменных глыб и частично разрушены, южную стену составляла одна большая, сдвинутая с места плита, а северная стена была сложена из ряда мелких камней (рис. № 7) и когда-то разрушена давлением земли извне. Вследствие этого не удалось выяснить ни количество захоронений, ни их положение. В различных местах могилы попадались мелкие разбитые косточки, не поддающиеся

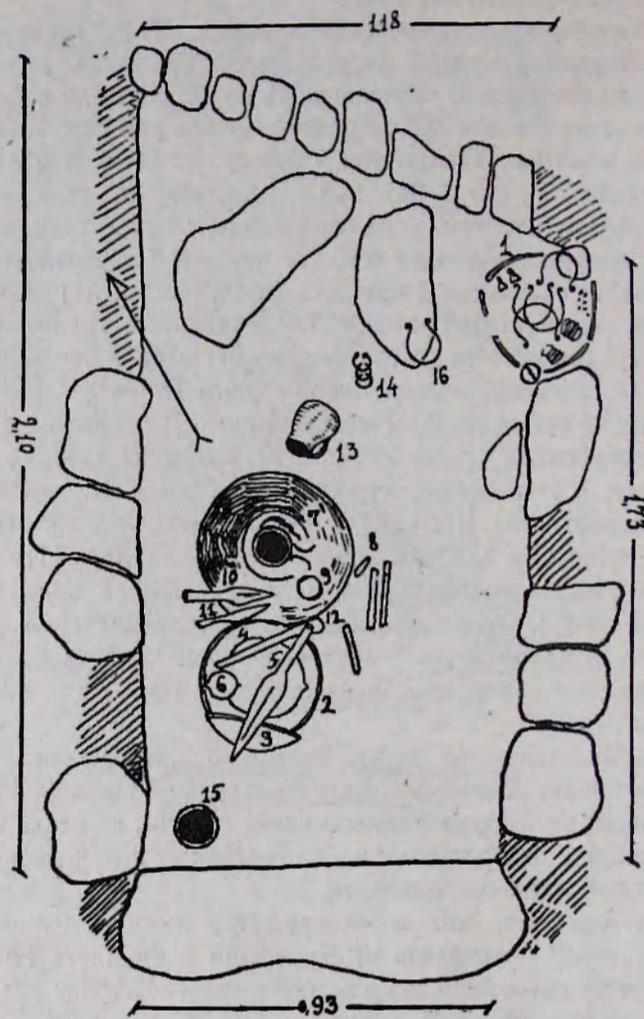


Рис. 7. Кромлек № 3, открытый в 1950 г.

определению. Зубы человека были обнаружены в северо-восточном углу могилы, около сильно закрученной шейной гривны (табл. XVI, рис. 1) и трех браслетов с концами, украшенными змеинными головками (табл. XVI, рис. 2—4). Отдельные же трубчатые кости (ног) находились около большой чаши. Судя по общей обстановке, здесь мы имеем, вероятно, лишь одно мужское захоронение в скорченном положении, направленное с северо-востока на юго-запад и имеющее у ног керамику и вооружение, а у головы — огромную чернолощеную чашу, содержащую разнообразные украшения из высококачественной бронзы.

Северо-западный и южный участки могилы были совершенно свободны от каких бы то ни было вещей, за исключением разбитой чернолощен-

ной чаши с треугольным выступом под венчиком, обнаруженной в юго-западном углу могилы.

Как было упомянуто выше, керамика и предметы вооружения были сосредоточены у западной стены могилы, где мы наткнулись на следующую картину. Севернее разбитой чаши № 2 был обнаружен крупный фрагмент чернолощеной чаши, рядом с которым стояла большая краснолощенная с тремя подтреугольными выступами чаша. В ней стояла на трех «человеческих» ножках красивая, красноватого оттенка ваза и чернолощенная чаша маленьких размеров с четырьмя выступами под венчиком, а также остатки железного миниатюрного ножа и кости мелкого рогатого скота. Сверх всего этого лежал прекрасно сохранившийся огромный наконечник копья из железа (типа табл. I, рис. 7), со сравнительно длинной втулкой и коротким лезвием. Он отличается от всех известных нам наконечников копий тем, что шейка его, соединяющая втулку с лезвием, в сечении ромбовидна и приспособлена, таким образом, к боевому действию. Здесь же были обнаружены бронзовые ножны от кинжала (табл. XVI, рис. 7) с орнаментированным кончиком, а также большой сероватый кувшин с ручкой, украшенной вдавленными треугольниками. Между этим кувшином и красноватой чашей был обнаружен цельный пояс из листовой бронзы и кинжал с бронзовыми накладками на рукоятке (табл. XVI, рис. 6), а также железный наконечник копья (табл. XVI, рис. 7) второго коллекционного типа. Тут же недалеко от пояса лежал точильный камень с надетым на него бронзовым кольцом (табл. XVI, рис. 8). С восточной стороны кувшина находилась чернолощенная чаша с выступом под венчиком, содержащая остатки костей мелкого рогатого скота, а с северной стороны — одноручная характерная кружка.

Огромная чернолощенная чаша, найденная в северо-восточном углу погребения, на глубине 15 см от поверхности земли, содержала целый комплекс замечательных украшений, заключавший в себе: шейные гривны (табл. XVI, рис. 9—13), 20 ручных и ножных браслетов — гладких и с насечками, маленький железный нож типа табл. XIII, рис. 27, три бронзовые подвески (табл. XVI, рис. 15), три прорезные колокольчикообразные подвесочки из высококачественной бронзы типа табл. XVI, рис. 16, отлитые по восковой модели, одну бронзовую подвесочку в виде плода (табл. XVI, рис. 17), другие подвески — генделевидные (табл. XIV, рис. 18), литые бронзовые кольца (табл. XVI, рис. 17), а также огромное количество бус из агата, сердолика и яшмы (табл. XIII, рис. 3).

Отметим, что погребение № 3, отличаясь особым богатством, по всем признакам повторяет ахталинский каменный ящик № 47, о чем будет сказано ниже.

Заканчивая описание кромлехов, нужно констатировать факт наличия «кладов» в кромлехах, раскопанных в 1950 г. Интересно было бы сравнить эти погребения с кладами в урнах, обнаруженных в большом количестве в разное время на территории Западной Грузии, но для этого нет никакого основания. В погребениях же VII—VI веков подобные факты не были зарегистрированы. Как общее замечание, нужно сказать, что погребения, раскопанные в могильнике ущелья Хртаноц в 1929 г., по типу

и инвентарю не отличаются от погребений, открытых в 1950 году, как это было видно из сравнительного описания коллекционного материала и раскопок 1950 года. Отличительным моментом в работе экспедиции 1929 года является обнаружение на этом же могильном поле грунтовой могилы с совместным погребением коня и человека. К сожалению, этот комплекс остается для нас также не установленным. Тем не менее констатирование наличия подобного, весьма характерного для эпохи широкого освоения железа погребения имеет большое значение для интересующей нас темы.

Раскопки второго могильника, обнаруженного случайно в августе 1950 г. при земляных работах на северной окраине с. Головино по двум сторонам дилижанского шоссе, в метрах 500 от только что описанного, дали также очень важные результаты. Важность их заключается в одновременности открытых здесь погребений и в установлении, со временем, последовательной связи между ними. В надежде отыскать гробницы эпохи широкого распространения железа, мы открыли здесь четыре погребения; первые два погребения оказались малосодержательными, отчасти разграбленными, и были заключены в неглубокие, продолговатые каменные ящики, сложенные из базальтовых легких плит. Плиты же перекрытия были удалены еще до раскопок. Датировка этих погребений еще не ясна, но вполне вероятно, что они относятся к первым векам нашей эры. III и IV погребения резко отличались от вышеупомянутых и конструктивно и по культурно-хронологическому облику. Это склепы, сооруженные из огромных каменных глыб и перекрытые сверху двумя-тремя огромными камнями, которые служили внешними признаками погребений, ориентированных с СВ на ЮЗ. Одна из стен склепа, как правило, сооружалась из мелких камней, но есть и исключения (рис. 8—9).

В первом склепе человеческого костяка не оказалось, но вместе с костями конечностей быка, скелетом барана и маленькой бронзовой пластиночкой была обнаружена характерная для хртаноцской коллекции глиняная посуда. Четыре из этих сосудов (табл. XII, рис. 1—4) представляют собою глубокие, лощеные и хорошего обжига миски темного или светлокоричневого оттенка, вполне соответствующие описанным на стр. 26—27 коллекционным мискам (инв. 55, 61 и др.). Размеры этих мисок почти одинаковы: высота их колеблется от 9,3 до 12,5 см, диаметр на самом широком месте от 17 до 26 см, диаметр венчиков от 14,5 до 24 см. Горшки, обнаруженные вместе с мисками, принадлежат здесь двум типам. Два из них лощены, имеют округло-оформленный корпус с отогнутым венчиком (табл. XII, рис. 7—8), цвет черный, по форме точно соответствуют горшкам из коллекции (инв. 82, 87 и др.), третий — светлокоричневого оттенка, имеет раздутый корпус и широкое горло с несколько отогнутым венчиком (табл. XII, рис. 6). Подобные горшки были обнаружены при раскопках Хртаноцкого могильника в 1929 году. Среди этой посуды была обнаружена также большая чаша (табл. XII, рис. 5) из черного теста, аналогичная коллекционной (инв. 5). Плечики сосуда резко отделяются от корпуса изгибом во внутрь. Последний сосуд этого погре-

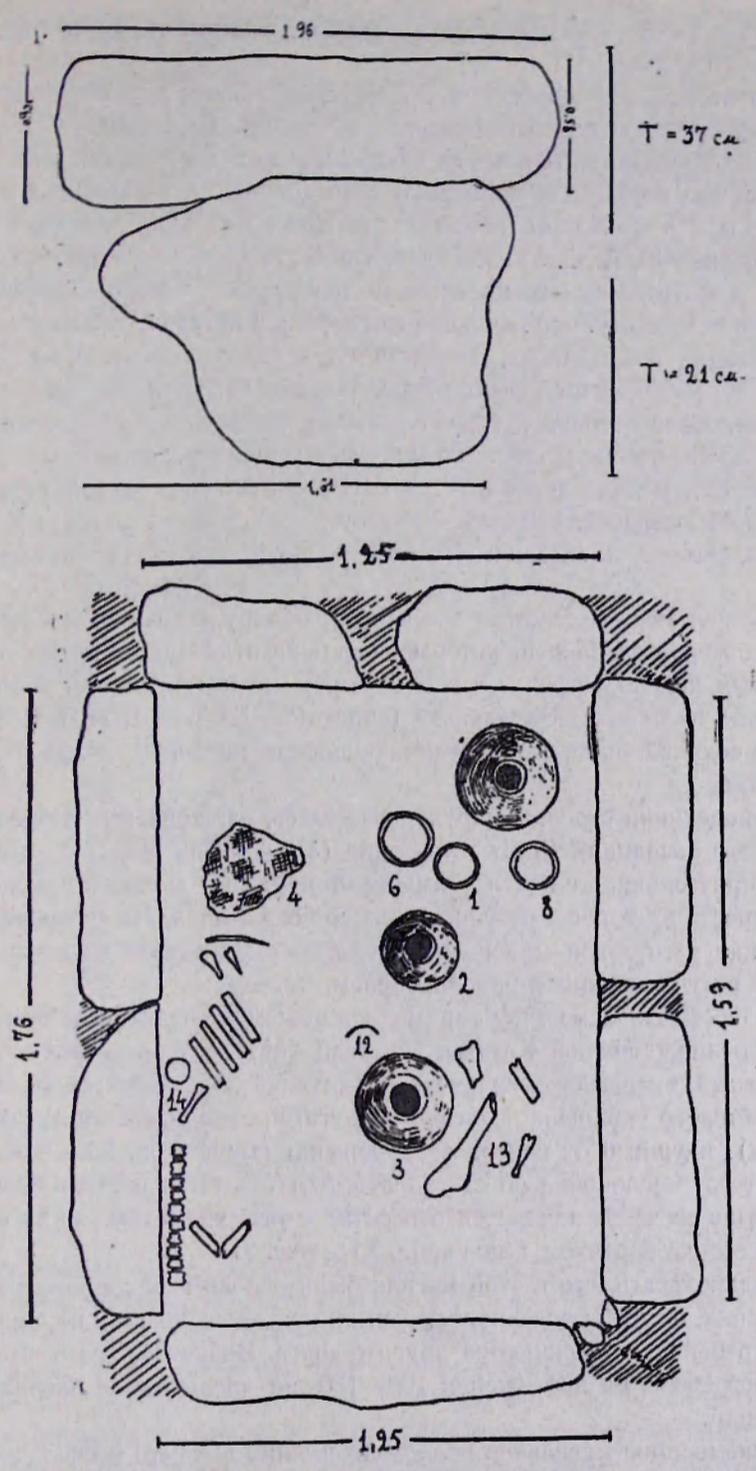


Рис. 8. Погребение № 1, раскопанное в с. Головино, и обмер надмогильных камней.

бения был найден в незначительных фрагментах, так что даже трудно судить о его форме.

Во втором же погребении вместе с образцами подобной керамики были обнаружены разрозненные кости человеческого скелета и больше ничего. На основании описанной здесь керамики мы склонны думать, что раскопанные погребения совпадают с хртаноцскими по времени, тем более, что при раскопках подобной же гробницы (№ 2), находящейся рядом с приведенными, А. О. Мнацаканян в августе 1950 г. обнаружил характерный для Хртаноцкого могильника инвентарь. У северо-восточной стены этого склепа было обнаружено три черепа с незначительными остатками скелетов, погребенных, повидимому, в сидячем положении. Вторая группа черепов (15 шт.) была расположена в центральной части могилы и размежована от первой горизонтальным слоем земли. Эти погребения представлены также в сидячем положении. Обнаруженный здесь инвентарь характерен для периода VIII—VII вв. и сходен, с одной стороны, с инвентарем погребений ущелья Хртаноц и Лалварского массива и, с другой стороны,—с материалом, известным по раскопкам урартских поселений.

Из железных предметов здесь были обнаружены: остатки не менее четырех железных ножей, которые ничем не отличаются от серповидно-изогнутых ножей, встречаемых в большом количестве в могильниках и урартских поселениях Закавказья (типа табл. III, рис. 1, 2), и железный, хорошо сохранившийся серп, отличающийся от кармирблурских только по размерам.

Наконечники стрел, обнаруженные здесь, изготовлены из прозрачно-дымчатого обсидиана (5 шт.) и кремня (3 шт.). Они имеют форму вытянутого треугольника с почти прямыми сторонами и выемкой в основании. Поверхность их хорошо ретуширована со всех сторон. Из прозрачного же обсидиана изготовлен маленький продолговатый скребочек с округлым, хорошо ретушированным рабочим краем.

Разнообразная по типу керамика в общем не отличается от керамики могильника ущелья Хртаноц. Особый интерес представляют здесь одноручный с перегибом, красноватого оттенка лощеный кувшин, поверхность которого украшена рельефными дугами, заполненными лучами (лощением), идущими от центра веерообразно (типа табл. XXI, рис. 6), и, кроме того, маслбойка со слегка отбитым горлом и вертикальной ручкой, около которой находится отверстие с выступающим над поверхностью сосуда бортиком (типа табл. XIX, рис. 2).

Предполагать, что в этой могиле были основные и сопровождающие погребения, было бы неверно, так как ни по положению, ни по инвентарю эти погребения не отличаются друг от друга. Вероятнее всего, что здесь были погребены на протяжении 100—150 лет члены одной патриархальной семьи¹.

Описываемое могильное поле было именно покрыто несколькими десятками гробниц подобной конструкции, направленных опять-таки с СВ

¹ А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у села Головино, КСИИМК вып. XLVI, 1952, стр. 62—71.

на ЮЗ. Некоторые из этих гробниц, раскопанных А. О. Мнацаканяном в 1950 г., дали весьма характерный материал, непосредственно предшествующий, хронологически, культуре, обнаруженной в погребениях Хртаноцкого ущелья и того же головинского могильника. Инвентарь этот по своему культурно-хронологическому облику вполне соответствует культуре первоначального освоения железа, наблюдавшейся в Ленинакане, Кировакане, Степанаване, старшей группе Ворнака и Качаганского кургана, а также в Самтавро (в хорошо датированных комплексах) и в ряде других районов Армении.

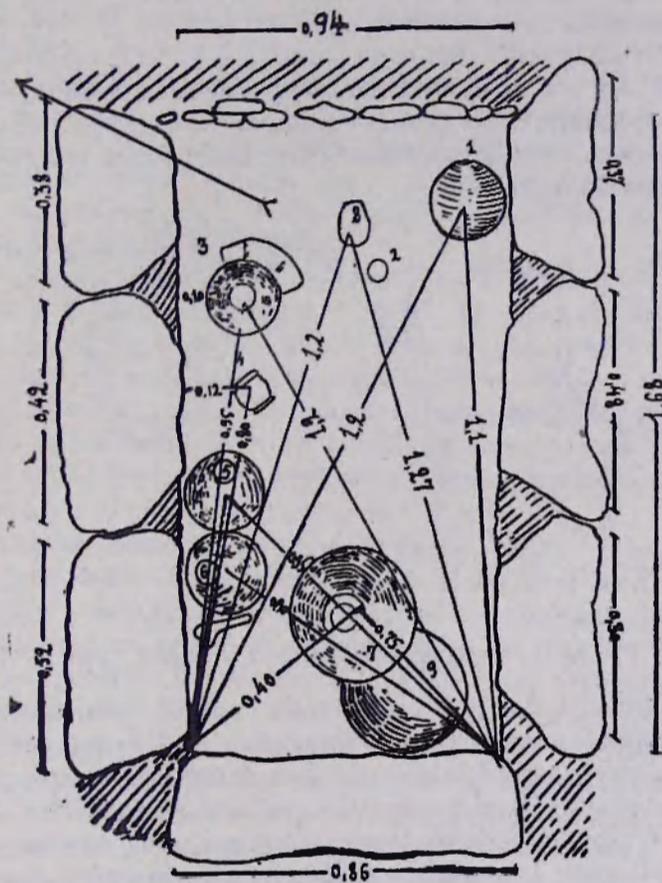


Рис. 9. Погребение № 2, раскопанное в с. Головино.

Заканчивая рассмотрение могильников, расположенных у с. Головино, хотелось бы отметить наличие здесь еще и других «кромлехов», находящихся на противоположном скате ущелья Хртаноц, как раз напротив могильника, на возвышенном холме с плоской макушкой. Эта хорошо укрепленная местность царит над всей округностью и является очень удобной именно для поселения. Северная сторона холма укреплена огромной циклопической кладкой в два вертикальных ряда, отличающейся старинных циклопических кладок (ряд наваленных друг на друга камней) строительной техникой, основанной уже на принципе сооружения верти-

кальных стен путем складывания одного ряда хорошо пригнанных друг к другу камней на другой. «Кромлехи», расположенные здесь, вдвое больше по размерам (диаметр 7—8 метр.) в сравнении с кромлехами могильника. Торчащие из-под земли огромные камни этих круглых в плане сооружений дали возможность начертить их приблизительный план (рис 10). В отличие от могильника, кромлехи которого были расположены в отчетливо выделенных рядах, на определенном друг от друга расстоянии, эти большие «кромлехи», имеющие в плане круглую, а иногда и подквадратно-удлиненную форму, примыкали друг к другу так, что внешняя стена одного сооружения составляла внутреннюю стену другого.

Вопрос о назначении этих интересных сооружений останется, однако, открытым до тех пор, пока не будут произведены здесь раскопочные работы. Можно полагать, что это не могильные сооружения, а скорее жилища укрепленного поселения, связанного с выше рассмотренным могильником хртаноцского ущелья.

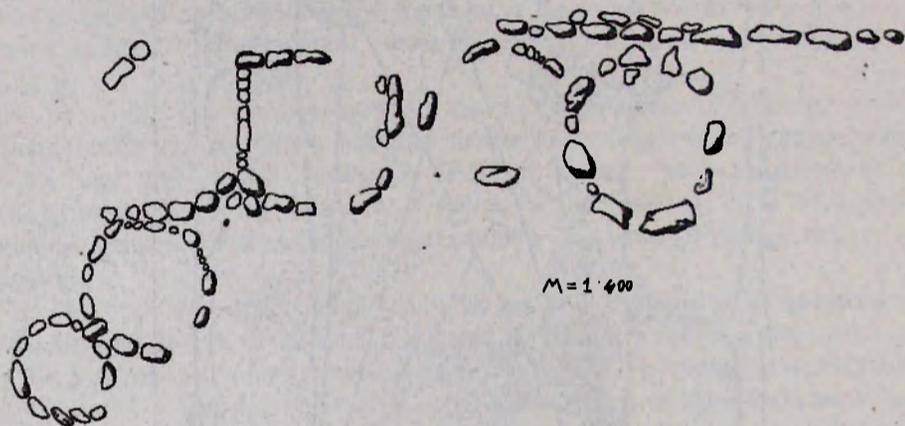


Рис 10. План жилищ, обнаруженных в ущелье Хртаноц.

Очень возможно, что в соответствии с верой в загробную жизнь древнее население этих районов придавало своим могилам овальную или округлую форму, наподобие того, как оно строило свои укрепленные поселения или жилища. Ведь жилища многих энеолитических поселений Армении имели округлые формы. Развитие строительной техники и архитектурных форм также не позволяло придавать могилам особо выделяющуюся форму, тем более, что в этом не было и надобности. На протяжении тысячелетий население страны, сооружая огромные поселения, окружало их несколькими мощными оборонительными оградами, имеющими в основном овальную форму. В историческом Уеликухи доминирующими видами могильных сооружений являются курганы, окруженные двумя кругами камней, и кромлехи, иногда даже с тремя каменными кругами. Такую же округлую форму имели все 22 крепости Уеликухи, относящиеся к доурартскому периоду и существовавшие, по всей вероятности, и в период урартского господства¹.

¹ Նյուսթեր չրն չալատտար պատմութիւն, ՀՍԽՀ Կուլտուրայի պատմութիւն Ինտերուտի աշխատութիւններ, Երևան, 1936, էջ 88.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в районах горы Арагац, где древние поселения укреплены несколькими овальными оградами, расположенными уступами, в соответствии с рельефом местности, а за оборонительными стенами устроены курганы и кромлехи обычного типа.

Но в археологии Армении имеются более красноречивые факты, подтверждающие эту мысль. В 1903 году Е. А. Лалаян обнаружил поселение в селе Султан-Кааси¹ (Даралагёз). Произведенными им пробными раскопками выяснилось, что полуземляные жилища поселения имели округлую форму. Стены их, возвышающиеся от поверхности земли на 50—60 сантиметров, были сооружены из мелких камней и перекрыты тремя—четырьмя каменными плитами 3—4-метровой длины и 1—1,5 м ширины. Каждое жилище состояло из одной комнаты, имея дверь с восточной стороны и световое окно сверху. Недалеко от поселения находились кромлехи и мелкие курганы. Проведенные наспех Лалаяном раскопки не дали вещественного материала, датирующего поселения, однако, последнее относится, несомненно, к числу древнейших археологических памятников Армении.

В этом отношении весьма интересное наблюдение было сделано и в Сисианском районе Армянской ССР. М. С. Асратян, производивший (1950 г.) разведочные работы в сел. Ахлатян указанного района, отмечает, что многочисленные долменовидные сооружения служили здесь как для жилья, так и для погребальных целей. «Долмены» эти имели в плане прямоугольную или овальную форму. Стены их сооружены из огромных каменных глыб в 3—4 ряда по вертикали и перекрыты несколькими (5—6) мощными необработанными каменными плитами.

Ряд ценных наблюдений в этом отношении сделала экспедиция с участием А. А. Аджяна, Л. Т. Гюзальяна и Б. Б. Пиотровского, обследовавшая в 1930 г. ряд циклопических крепостей и примыкающих к ним поселений. Разделив их на три разновременные группы, исследователи к урартскому времени (IX—VI вв. до н. э.) отнесли первую группу. Для крепостей и поселений этой группы, как пишут авторы, «выбирался холм, господствующий над местностью и наименее доступный... Поселение, представляющее собой остатки каменных фундаментов жилищ, имеющих в плане обычно круглую или овальную форму, непосредственно прилегало к крепости. Стремление быть по возможности ближе к укреплению привело к тому, что поселение концентрировалось вокруг крепостного холма и даже частично занимало его склоны»².

На основании своих наблюдений исследователи пришли к выводу, что в эпоху урартов «данная группа крепостей-поселений была основной и единственной формой поселений»³.

¹ Աղղաղրաղան շահէն, 1904, գրք 12, էջ 246—248.

² Л. Т. Гюзальян и Б. Б. Пиотровский, Циклопические крепости Закавказья, Сообщ. ГАИМК, № 1—2, стр. 62, 1934. Подчеркнуто нами.

³ Там же, стр. 64.

Г Л А В А III

СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

Могильники у с. Головино являются характерными, но не единственными памятниками эпохи широкого освоения железа. Севернее этой группы, на высоком, хорошо укрепленном природой плато реки Дебед-чай, у с. Ворнак расположены разновременные могильники, обследованные археологами неоднократно¹.

К важным результатам привели работы, произведенные здесь Е. С. Такайшвили в 1894 году, открывшим 40 каменных ящиков, сложенных из базальтовых плит и перекрытых таковыми же. Большая часть этих погребений, подобно раскопанным нами у села Головино, являлась рядовой, бедной, содержащей исключительно керамическую посуду. Некоторые же из них особо выделялись содержащимся в них характерным инвентарем, как это заметил еще Е. С. Такайшвили:

«Из всех гробниц особенного внимания заслуживает гробница № 16; она является выдающейся по своему содержанию не только в пределах Ворнака, но и в пределах окрестностей Лалварских гор»². Разумеется, автор этих строк не мог при начальном этапе развития археологических работ характеризовать эту культуру.

Исчерпывающую же характеристику Ворнакского могильника дал Б. Б. Пиотровский: «Для хронологического разделения погребений Ворнакского могильника, — писал он, — важное значение имеют материалы Е. С. Такайшвили 1894 г., в которых отчетливо различаются два комплекса предметов, один (погр. № 16), аналогичный комплексу предметов из Самтавро (погр. № 591), и другой (погр. № 5), соответствующий могильникам VII—VI вв. до н. э. Лори-Памбакского района»³.

Таким образом, эти погребения являются в сущности двумя хронологическими опорами для разделения во времени не только Ворнакских могильников, но и могильников всей Армении. Одно (№ 16) из этих двух погребений, описанных в литературе впервые Б. Б. Пиотровским, относится к периоду начального освоения железа, а второе (№ 5) — к эпохе широкого освоения железа⁴.

¹ А. Д. Ерицян, 1871 г., Н. Я. Марр, 1893 г., Е. С. Такайшвили, 1894 г.

² Е. С. Такайшвили, Дневник раскопок, стр. 16.

³ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, 1949, стр. 64.

⁴ Инвентарь из этих погребений хранится в отделе Востока Гос. Эрмитажа.

Погребение № 5 близко напоминает, с одной стороны, кромлех № 3 в ущелье Хртаиоц, а с другой—некоторые погребения Лалварских могильников. Погребение № 5, расположенное в средней части плато, на узкой его террасе, было сооружено из цельных, довольно массивных каменных плит и направлено с ЮЗ на СВ. Положение человеческого костяка не установлено ввиду плохой его сохранности, но, судя по расположению инвентаря, труп был погребен в лежащем положении¹. В северной части могилы вместе с кувшином и горшком оказалась только часть украшений погребенного: височное кольцо из бронзы, шейная гривна (табл. XVII, рис. 5, инв. 16723), орнаментированные точечным узором щипчики (табл. XVII, рис. 1, инв. 16724) и небольшая фибула с выгнутой дужкой (табл. XVII, рис. 2, инв. 16725). Другие украшения—змеиноголовый браслет из бронзы (табл. XVII, рис. 3, инв. 16728) и два орнаментированных четырехугольных в сечении кольца (табл. XVIII, рис. 4, инв. 16730) оказались в средней части погребения вместе с оружием, изготовленным исключительно из железа: изогнутый нож с пятью гвоздиками и отпечатками деревянных накладок на рукоятке (табл. XVII, рис. 6, инв. 16726), миниатюрный, сильно перержавевший наконечник копья (табл. XVII, рис. 7, инв. 16733), железный кинжал лалварского типа с ножнами из листовой бронзы (табл. XVII, рис. 8, инв. 16731), украшенными выдавленным точечным рисунком, представляющим собою человеческую фигуру с поднятыми вверх руками и перекрещенные круги под и над нею, и второй железный кинжал с изогнутой рукояткой, в ножнах из листовой бронзы, имеющих деревянную подкладку изнутри и украшенных тремя выпуклыми продольными полосами снаружи (инв. 16732, табл. XVII, рис. 9)². Вместе с оружием здесь же был обнаружен точильный камень (инв. 16727, табл. XVII, рис. 10) с железным кольцом.

В южной части погребения вместе с черепками глиняной посуды был обнаружен цельный сосуд, слепленный из трех сообщающихся между собою сосудиков, снабженных ручками (инв. 17265, Эрмитаж). К сожалению, не удалось составить точное представление о керамике этого погребения, но нужно отметить, что керамика ворнакских погребений в целом резко отличается от керамики, рассмотренной нами выше, хотя в ней имеются довольно близкие к последней образцы. Наоборот, металлический инвентарь этих погребений по целому ряду основных линий обнаруживает большое родство с инвентарем могильников у с. Головино, разве с той только разницей, что здесь появляются новые, по сравнению с инвентарем из могильников у села Головино, образцы украшений (фибула и щипчики). В связи с этим необходимо иметь в виду то обстоятельство, что говоря о тождестве той или иной культуры, мы подразумеваем всегда основное направление развития материальной культуры на сравнительно большой территории и вовсе не игнорируем специфические черты, присущие синхронным памятникам, расположенным в различных районах Армении или Закавказья.

¹ Е. С. Такайшвили, Дневник раскопок, стр. 45—51.

² Краткое описание этой могилы см. Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 118.

Аналогичные погребению № 5, но, правда, менее характерные, каменные ящики были раскопаны Е. С. Такайшвили и в восточной части Ворнакского плато (погреб. №№ 1, 2 и другие) и в селениях, близлежащих от Ворнака (Матур — погр. №№ 3, 5, 6, 7, Ахпат — погр. № 2).

Но богатейший сравнительный материал дали раскопки разновременных могильников, расположенных севернее предыдущей группы, на Лалварском массиве. Огромное их значение заключается в том, что они дали весьма характерный для железного века Армении, хорошо датированный и четко разграничивающийся массовый материал, который замечательно связывает культуры, обнаруженные южнее (Головино) и севернее Лалвара (Дманиси).

Приведем два—три примера для сравнения.

Раскопками Ахталинского могильника, произведенными Ж. Морганом в 1888 году, наряду с более ранними погребениями, были открыты и более поздние, относящиеся к VII—VI вв. до н. э. Одно из них (№ 47) по своему инвентарю и даже по его расположению в могиле почти не отличается от кромлеха № 3, раскопанного в ущелье Хртаноц (1950 г.). Погребение № 47 представляло собою «каменный ящик» обычного для Лалвара типа. Костяк лежал в нем на левом боку в скорченном положении и был направлен головой на север. Здесь же, у головы (перед лицевой ее частью) находились чернолощенная большая миска и лощеный орнаментированный кувшин с дугообразной ручкой, а в противоположной стороне — большой железный наконечник копья (типа табл. I, рис. 1). Около шейных позвонков помещались полусферические бронзовые пуговицы (типа коллекционных), фибула с плоской дугой и маленького размера булава с массивной продырявленной головкой. На каждой руке были надеты по паре браслетов. В средней части могилы, у тазовых костей, рядом с бронзовым неорнаментированным поясом лежали железный кинжал с бронзовыми накладками на рукоятке, аналогичный кинжалу из кромлеха № 3, железный изогнутый нож и продолговатой формы точильный камень. На каждой ноге погребенного имелось по четыре браслета. Здесь же, рядом с ними, стоял одноручный большой кувшин. Все это покоилось на деревянной (не сохранившейся) молотилке, кремневые вкладыши которой были рассыпаны по всей могиле¹.

Датировка подобных погребений дается двуперыми и трехгранными наконечниками стрел раннескифского типа и аналогиями в материале из Кармир-блур, как на это указал Б. Б. Пиотровский².

Двуперые наконечники стрел раннескифского типа были обнаружены Морганом при раскопках богатейшего Лалварского могильника (1888 г.) в Мусиери, состоящего из каменных ящиков и могил, сложенных из мелких камней, где кроме железных изогнутых ножей, крупных наконечников копий и других материалов, обычных для могильников Лалвара, были обнаружены в большом количестве железные кинжалы, а иногда и железные крупные мечи (погр. 472).

¹ J. de Morgan, *Mission Scientifique au Caucase*, 1, стр. 59—62.

² Б. Б. Пиотровский, *ук. соч.*, стр. 117.

Погребение № 242 этого могильника близко напоминает ахталинское погребение № 47. Оно представляет из себя каменный ящик, сложенный из четырех цельных базальтовых плит и ориентированный с северо-запада на юго-восток. Костяк, направленный головой на северо-запад, лежал на левом боку в скорченном положении. Шея его была украшена двумя бронзовыми, сильно закрученными гривнами типа табл. VIII, рис. 7—8, а руки восьмью однообразными замкнутыми браслетами типа таблицы VI, рис. 8—10. В северо-западной части могилы лежали два крупных наконечника копий из железа и рядом большой сосуд. В северо-восточном и юго-западном углах могилы были помещены два кувшина с дугообразными ручками и другой сосуд. У поясицы костяка, рядом с двумя ромбическими украшениями, изготовленными из бронзовых пластин, лежал железный изогнутый нож, а немного ниже, у ног — фибула с плоской дугой, бусы из сердолика и стекла и восемь наконечников стрел из бронзы и железа, среди которых и оказались скифские двуперые стрелы¹.

Аналогичные 242-му, погребения на этом могильном поле составляют огромное количество (№№ 79, 134, 215 и многие другие).

Поздняя группа погребений Шейтандагского могильника датируется также скифской, трехгранной по форме стрелой, но, к сожалению, Ж. Морган не приводит описания могилы, где была обнаружена эта стрела, и ограничивается лишь общим замечанием о том, что в погребениях Шейтан-дага были обнаружены железные и бронзовые стрелы². Тем не менее, очень не трудно среди описанных Морганом погребений выделить позднюю их группу, к которой относятся погр. №№ 14, 38, 40, 23 и, вероятно, многие другие, так как к этой группе Морган относит 40 погребений.

Между Лалварскими и Цалкинскими могильниками времени широкого использования железа промежуточное (географически) положение занимает могильник, открытый у стекольного завода в сел. Дманиси, в Башкичетском районе Грузинской ССР. Причисление его к ряду рассмотренных могильников кажется нам необходимым не только по географическому его расположению, что имеет огромное значение в смысле культурных связей, но и потому, что в сущности могильник этот своим материалом обнаруживает более, чем близкие отношения, с одной стороны, с погребениями Лалвара, с другой — с погребениями Цалкинской группы и даже Северной Осетии, датируемыми VII—VI вв. до н. э.

Несомненно, могильник этот содержит разновременные погребения, но отнесение их к X—IX вв. до н. э., как это делал Г. К. Ниорадзе, отрывая, таким образом, их от всей окружающей культурной среды, нам кажется необоснованным. Несомненно, прав Б. А. Куфтин, когда он сравнивает могилу № 2 у стекольного завода с 74 погребением в Мусиери, относящимся к поздней группе лалварских могил³. Рассмотрим погребение № 2, раскопанное Ф. Рейсмером и Н. Квезерели в числе четырех других, еще до раскопок Г. К. Ниорадзе.

¹ J. de Morgan, ук. соч., стр. 69—71.

² Там же, стр. 55.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 49.

Это ящичное погребение, заключавшее в себе костяк в сидячем или же скорченном на боку положении, содержало весьма характерный инвентарь: бронзовый пояс в обломках, имеющий на себе два ряда спиралей и под ними изображения фантастических зверей, круглоголовые с отверстием «булавки», украшенные изображениями подобных же зверей, железный кинжал с обоймчатой бронзовой ручкой (типа, обнаруженного в погребении № 74 Мусиери), гнутые ромбические бубенчики из бронзовых пластинок, узкогорлый с широким корпусом кувшин и круглая миска (блюдо) с вертикальным бортом¹.

Позднее Г. К. Ниорадзе вторично обследовал этот могильник, открыв здесь 14 погребений, состоящих, главным образом, из каменных ящиков и, частично, из грунтовых ям. Среди них особенно выделяется погребение № 4, где вместе со скорченным костяком оказались кости собаки и коня. Инвентарь погребения довольно характерный. Керамика, состоящая из горшочка и трех острореберных чаш, довольно своеобразна и не находит близких аналогий среди керамики из других могильников Закавказья. В общих чертах она близка к керамике из некоторых могил близ Кармир-блур и к случайно найденным образцам близ ереванского вокзала. Для всех сосудов этих групп характерны горизонтальные полосы, нанесенные на их плечиках, и форма, сложенная как бы из двух симметричных частей. Таким образом, сосуды эти близки друг к другу, по крайней мере, по технике их изготовления, что имеет большое значение для их хронологизации.

Бронзовый инвентарь этого погребения состоял из браслетов, украшенных часто насечками, «булавок» маленького размера, типа шейтандага, цепочек с круглыми звеньями, широко распространенных во всем Закавказье, фрагментов пояса, изготовленного из гладкого (неорнаментированного) бронзового листа и мелких ромбовидных полусферических бубенчиков.

Комплекс этот дополняется сердоликовыми, хорошо шлифованными бусами, бисером из голубой и белой пасты, раковинами каури и бронзовым умбоновидным предметом, найденным около скелета лошади².

Оружие этого погребения оказалось железным: обломки меча, плохо сохранившиеся ножи и наконечники копья знакомого нам типа.

По пути от Дманиси на север, на территории Цалкинского плоскогорья, известного своими богатейшими курганами, расположено несколько могильников, раскопанных экспедицией Комитета по охране древностей Грузии (Б. А. Куфтин) в разное время. Они очень близки к выше рассмотренным могильникам по обнаруженной в них материальной культуре. В эту группу входят два могильника с ящичными погребениями у селения Цинцкаро (1937 г.), датированных Б. А. Куфтиным ванской эпохой, могильник около с. Бешташени (1939 г.), датированный Б. А. Куф-

¹ Г. К. Ниорадзе, Могильник „стеклянного завода“, ПИДО, № 3, Москва, стр. 91—99, 1934.

² Г. К. Ниорадзе, Некоторые особенности Дманисского некрополя, Вестник Гос. Музея Грузии, XIV—V, стр. 1—66, 1949.

тиным раннеахеменидской эпохой на основании трехгранной стрелы раннескифского типа и пятилучевой серьги, типа Казбекского клада и, наконец, к этой же группе относятся погребения в урочище Маралын-дереси, датированные Б. А. Куфтиным ванской эпохой. Характернейшую часть инвентаря этих могильников составляет оружие, изготовленное из железа: изогнутые ножи и наконечники копий урартского типа, а также кинжалы с бронзовыми прорезными рукоятками и редкие железные топоры. Керамика этих могильников выказывает отдаленное сходство с более южной керамикой, но есть образцы (кружки и др.) весьма близкие к типам керамики из ущелья Хртаноц.

Из украшений особенно характерны сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы в виде «домино», а также бронзовые булавки с отверстием, спирально-свернутые кольца, браслеты и другой инвентарь типа поздней группы могильников Лалвара¹. Вместе с этим особенный интерес представляет и то важное обстоятельство, что здесь уже четко подчеркиваются связи с горным Кавказом, как на это указал Б. А. Куфтин². В этом отношении весьма характерны два погребения (№№ 4—5), раскопанные в урочище Маралын-дереси.

Погребение № 5 представляет собою каменный ящик, обставленный плитами только с двух сторон, заключающий в себе человеческий костяк в сидячем положении. Инвентарь погребения, состоящий из бронзового пояса, спирального перстня и семи глиняных сосудов, беден, но весьма характерен. Пояс этот по двухрядно-спиральному орнаменту краев и по изображению фантастических животных, расположенных в двух продольных рядах, передающих сцену охоты, близко напоминает лалварские мотивы и вместе с тем почти копирует пояс, происходящий из Северной Осетии (коллекция Ольшевского), опубликованный П. С. Уваровой. Такое наблюдение подтверждается особенно инвентарем погребения № 4, содержащего одночленную фибулу кобанского типа и бронзовую мотыгу, гребешок с полумесяцем, выступающим сверху, типа, найденного Морганом на Лалваре, а также два браслета из бронзы, железный ножик, сердоликовые, пастовые и стекловидно-апаковые бусы и раковины каури, весьма характерные и для южных районов.

Проследив распространение синхронных и идентичных, по значению, археологических памятников с юга на север, по прямой линии, на некотором участке территории северной Армении и частично Грузии, мы ограничиваемся описанием приведенных уже выше памятников. В силу необходимости, только отметим, что культура, представленная здесь несколькими лишь памятниками, сплошным покровом распространена на всей территории междуречья Куры и Аракса. Севернее описанной группы расположена весьма характерная группа мцхетских погребальных памятников, куда входят погребения нижнего яруса Самтаврского могильника, прочно датируемые архаичными скифскими стрелами (погр. №№ 592 — Байэрна и 27, 194—А. Н. Каландадзе), и совместное погребение челове-

¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 49—53.

² Там же, стр. 50—52.

ка и коня, раскопанное Г. С. Читая (1924 г.), датируемое также архаическими скифскими наконечниками стрел, найденными вместе с очень характерным инвентарем¹. В эту группу следует включить также и могильник, раскопанный Л. Меликсет-Беком в Манглиси.

Южнее сел. Головино также четко наблюдается ряд синхронных памятников. Лишь вкратце остановимся на комплексе предметов из раскопок, произведенных в марте 1929 года экспедицией Комитета по охране памятников древности в сел. Бджни, Ахтинского района. Весь материал этого комплекса до мельчайших деталей соответствует инвентарю из хрtaноцских кромлехов. В него входят четыре наконечника копья (инв. 319/44) из железа типа табл. I, рис. 1—7, трубочки из листовой бронзы (инв. 319/40), отличающиеся от найденных в кромлехе № 1 (табл. XII, рис. 11) лишь тем, что не имеют на себе геометрического орнамента, витые (319/3) и гладкие (319/1) шейные обручи типа табл. IX, рис. 1, 8, браслеты в сечении ромбовидные (инв. 319/27, 28), близко напоминающие таковые из Ворнака (табл. XIII, рис. 4), браслеты с насечками и с заходящими друг на друга концами, характерные для кромлехов в ущелье Хрtaноц, два змеиноголовых браслета (инв. 319/20) типа табл. XVI, рис. 2, из голубой пасты круглые пронизи с насечками (инв. 319/35), характерные также и для Хрtaноцкого могильника, замечательный широкий пояс в четырех фрагментах из листовой бронзы (инв. 319/45), орнаментированный по краям гравированным «жгутом», соответствующим подобному орнаменту на обломках декоративного щита Русы, сына Эримены из храма на Топрах-кале, и, наконец, часть железных уди², соответствующая по типу удилам, найденным в 1940 г. на Кармир-блуре, около крепостной стены восточного здания. Подобного типа удила охватывают всю Переднюю Азию и Закавказье. Аналогичные удила, происходящие из Афин, датируются VI в. до н. э.³

В бассейне оз. Севан расположено несколько групп курганов и кромлехов, относящихся определенно к интересующему нас времени. Сюда входят: группа погребений в сел. Загалу (№№ 4, 25, 26, 40, 42 и др.), две группы курганов в селе Кишлаг, на Маничаровом холме (№№ 3, 4, 5, 6, 7 и др.); группа курганов в сел. Паташар (№№ 23, 41), курганы у сел. Гулалу и др.⁴

Работами, произведенными летом 1950 г. М. С. Асратяном, удалось намстить близкие к перечисленным погребения южнее севанской группы, в селе Сисиан, Сисианского района, представлявшего из себя до тех пор белое пятно в интересующем нас отношении.

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 310.

Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 47.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 208—210, рис. 60, 61.

³ Из этого же могильника происходит очень интересный комплекс более раннего возраста, соответствующий, повидимому, старшей группе Ворнака.

⁴ В. Л. Шанян, Գեղարքունիքի կամ Նոր-Բայազետի գավառ, էջ 35—128. Ազգագրական չանդես, գիրք 14, 15, էջ 164—205, գամբանները պեղումները Պորհրդային Հանրապետության:

К западу от Мшхета культура эта представлена могильником с ямными погребениями у села Двани, датированным С. И. Макалатиа¹ с помощью наконечников стрел раннескифского типа, кинжалов, близких по типу к скифским акинакам, и других материалов.

Юго-западным пунктом распространения этой культуры можно считать село Заким, Карсской области, ссылаясь на находку там браслета, украшенного на концах змеиными головками, бронзового пояса, украшенного деревьями жизни и изображениями фантастических зверей, датированного Б. Б. Пиотровским VII—VI вв. до н. э. по аналогии с раннескифскими блестящими памятниками Келермеса и Литого Кургана и с материалами Кармир-блур. Таким образом, мы получаем довольно большую территорию, охватывающую среднее течение рек Куры и Аракса и образующую форму неправильного четырехугольника, северо-восточным пунктом которого является сел. Цицамури, северо-западным сел. Двани, юго-восточным сел. Сисиан, а юго-западным сел. Заким². При этом бросается в глаза то обстоятельство, что могильники на территории этого четырехугольника расположены довольно густо не только в горных районах, но и на долинах. Такое месторасположение археологических объектов эпохи широкого распространения железа очень близко напоминает картину распространения закавказского энеолита, названного Б. А. Куфтиным Куро-Аракским³. Это явление не может быть случайным, тем более зачастую культурные слои периода урартского владычества в Армении залегают прямо над слоями энеолита в буквальном смысле этого слова. Но как бы широко не были распространены эти могильники, характеризовать культуру данного периода только на основании их изучения представляется невозможным, так как древние поселения, представляющие собою, в сущности, остатки материальной жизни общества, дают более широкое и правдивое понятие о материальном производстве и об уровне его развития в ту или иную эпоху. К сожалению, в междуречье Куры и Аракса поселения эпохи железа до сих пор не изучены, хотя комплексное изучение могильников и поселений является одним из важнейших требований советской археологической науки.

Этот существеннейший пробел в связи с изучаемым нами вопросом значительно восполняется изучением археологических памятников древневосточного типа, находящихся на территории Армении и тесно связанных с рассмотренными могильниками как по культуре, так и по времени.

Одним из самых замечательнейших древневосточных памятников, широко распространенных на территории Армении, является урартская крепость Тейшебаини, на холме Кармир-блур, близ Еревана, которая

¹ С. И. Макалатиа, Раскопки Дванского могильника, СА, XI, 1949.

² Несомненно, памятниками исследуемой эпохи богата и Западная Армения, как на это указывают обнаруженные там отдельные предметы, намекающие на близкое культурное родство, но в силу неизученности этой территории целиком, мы вынуждены ограничить пока ареал рассматриваемой культуры армянскими историческими областями Ширак и Сюни.

³ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подножья Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. Музея Грузии, XIII—V, 1944.

имеет очень много близких элементов с памятниками из отмеченных могильников. Постройка ее царем Руса, сыном Аргишти (вторая четверть и середина VII в. до н. э.), была засвидетельствована обломком клинообразной надписи, сохранившей на себе имя царя Русы и формулу проклятия, направленную разрушителям ее¹, а также надписью на бронзовом замке, найденном в одном из помещений цитадели². Раскопки этой грандиозной цитадели, дворца урартского наместника, сооруженного на левом берегу р. Раздан, не только подтвердили первоначальную ее датировку, но и дают богатейший из года в год все умножающийся материал, освещающий не только вопросы урартской истории в экономическом, политическом, и в культурном отношении, но и вопросы истории первобытного общества времени урартской экспансии в Армении, характеризуя собой, таким образом, культуру этапа древневосточного рабовладельческого общества на территории Армении, когда оно входило в состав древне-восточного государства Урарту. Говоря о закавказской культуре отмеченного этапа, Б. Б. Пиотровский неоднократно указывал, что: «В культуре Закавказья VII и нач. VI вв. до н. э. отчетливо наблюдаются три слагающих ее элемента: основной — местный закавказский, явившийся наследием культуры эпохи бронзы, урартский, обеспечивший связи Закавказья с культурой древнего Востока, и скифский. Эти три элемента, в их взаимосвязи, особенно четко должны выступить при исследовании урартских административных центров. Поэтому неудивительно, что в настоящее время наиболее богатый материал по этой проблеме, имеющей исключительное значение для понимания древнейшего этапа истории Закавказья, дают раскопки урартской крепости на Кармир-блуре...»³.

Взаимосвязь этих трех элементов особенно ярко иллюстрируется сравнительным изучением урартских и местных синхронных археологических памятников. И в указанном отношении Кармир-блур представляет незаурядный интерес, так как в сущности на маленьком участке земли (всего 44 гектара) в едином комплексе и в неразрывной связи представлены замечательные памятники как урартской, так и местной культур. Сравнительное их изучение с учетом материалов из раскопок могильников Армении может привести нас к интересным результатам. В этой связи мы приводим описание раскопок некоторых помещений цитадели на Кармир-блуре, имевших хозяйственное назначение.

Помещение № 18, раскопанное нами в 1948 г., представляло собою маленькую продолговатую комнату (дл.—8,30 м, шир.—4,20 м), расположенную параллельно комнате № 17. Культурный слой ее располагался на глинобитном полу и содержал большое количество пшеничного зерна, рассыпанного по полу, а также разнообразные комплексы вещей, изготовленных из железа, бронзы и других материалов.

Среди железного инвентаря, обнаруженного в помещении, выделяются, как весьма близкие по форме к предметам из могильников Закав-

¹ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 157—158.

² Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 20—21.

³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 12.

казья, так и отличные от них изделия. Первые из них представлены железными серпами (2 шт.), отличающимися от серпа из погр. № 2 с. Головино несколько большим размером¹, разнообразными по форме ножами, среди которых количественно преобладают (3 шт.) серповидно изогнутые ножи известного нам типа², двумя железными вилами-трезубцами³, неизвестными среди закавказского материала, но, несомненно, применявшимися в сельском хозяйстве, и, наконец, одним кинжалом. Вместе с ними была обнаружена часть железной накидной петли, обычной для урартских поселений формы и совершенно не применяемой в Закавказье.

Но исключительный интерес представляет комплекс бронзовых предметов, состоящий из шести плохо сохранившихся чаш⁴ разной формы, двух дисков и одного шлема ассирийского типа. Некоторые из этих чаш с низким бортом имеют совершенно простую форму и близко напоминают чаши, представленные в коллекции Государственного Исторического музея Армении, другие же представляют собой глубокие миски с отогнутым венчиком.

Сплюснутый остроконечный шлем ассирийского типа имел в лобовой части вертикальную полосу, а у височных частей через сделанные там отверстия были прикреплены два ушка из бронзовых проволочек. Нижняя часть шлема была украшена четырьмя горизонтальными выпуклыми полосками.

На полу помещения, среди бронзовых сосудов, были обнаружены также скифские и египетские предметы. Скифские предметы принадлежали частям конского убора, совершенно отличного от урартских, и состояли из железных удил⁵, плоских костяных трензелей, имеющих по три отверстия и украшенных на концах изображением копыт, широко распространенного в Причерноморье типа, четырех бронзовых клювовидных пояжек, наделенных отверстием снизу и повторяющих в форме келермесские золотые и роговые пряжки, а также одной барабановидной бронзовой пряжки с двумя накрест помещенными отверстиями⁶. Для этого конского убора особенно характерны костяные пластинчатые псални, которые ведут нас к скифам северного Причерноморья⁷.

В этом помещении было найдено, кроме того, огромное количество бус из сердолика, сардоникса и пасты, среди которых оказались скифская полусферической формы пастовая бусина, покрытая зеленой глазурью и украшенная глубокими рубцами, известного из раскопок Моздокского

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, рис. 16.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., рис. 17.

³ Там же, рис. 20.

⁴ Там же, рис. 34.

⁵ Среди предметов конского убора некоторое сомнение по части скифского происхождения вызывают железные удила и мы склонны считать их изделиями местными, так как в могильниках Армении, относящихся к концу урартского времени, сплошь и рядом встречаются подобные удила, изготовленные из бронзы (поселение и могильник в Ленинакане, Садахло, Лори-берд и др.).

⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, рис. 61—62.

⁷ Там же, рис. 54.

раннескифского могильника и из курпанов близ Смелы (Украина) типа, а также две овальной формы пастовые пронизы (скарабеонды) с египетскими иероглифическими знаками. Одна сторона пронизей была плоской, а другая — выпуклой. Исследовавший эти предметы Б. Б. Пиотровский пишет о них следующее: «На плоских сторонах пронизок вырезаны иероглифические знаки. На первой из них четыре иероглифа. Вверху помещен знак «солнце», а ниже три иероглифа, знак «красота» между двумя знаками «правда». Пронизка со знаками, близкими нашей, была найдена в Навкратисе, в Египте (W. M. Flinders Petrie, Naukratis, I, табл. XXXVII, 109). На второй пронизке вырезан знак «золото» или же изображение жертвенника»¹.

Несмотря на то, что подлинно египетские изделия в VIII—VII вв. до н. э. были широко распространены в странах Передней Азии (Ассирия, Урарту) и через Закавказье доходили до районов Главного Кавказского хребта (Рача, село Геби) и переходили на другую сторону его (в верховьях р. Чегема), играя, таким образом, роль предметов междуобщинного обмена, Б. Б. Пиотровский вполне уместно выражает сомнение по поводу того, что они были изготовлены в Египте, так как многие города Малой Азии выпускали подражания египетским изделиям, которые мы не можем отличить от подлинных. Большое количество таких пронизок обнаружено при раскопках Ашура.

Большой интерес представляет также группа бронзовых и железных предметов, найденных в огромной кладовой² (№ 25, дл. 31 м, шир. 10,30 м) с тремя столбами, украшенными многоцветной росписью. Между этими столбами (из сырцового кирпича) стоял оОо-образный глиняный, сильно обожженный жертвенник, рядом с которым были обнаружены курительница и глиняные статуэтки пяти однообразных божков с накинутыми на спину рыбьими шкурами, окрашенными в голубой цвет. Вдоль кладовой, с обеих сторон столбов, в двух рядах были врыты до половины в земляной пол 82 винных караса (большие сосуды) разных величин, носящих на себе меры емкости, обозначенные иероглифически или же клинописью. В одном из порожних карасов оказалось 97 бронзовых чаш, снабженных изнутри клинообразными надписями, упоминающими имена четырех урартских царей Менуи, Аргишти, Сардура и Русы (IX—VIII вв. до н. э.). Кроме расположенных на дне по кругу клинообразных надписей, чаши эти носили на себе иногда еще иероглифические знаки, а также изображения в виде башен, с насаженными на них деревьями, и головок зверей. В этом помещении был обнаружен еще целый ряд глиняных изделий: светильники, воронка, подвесная булла с клинообразными знаками и оттисками печатей. Но исключительный интерес с точки зрения разрабатываемого вопроса представляют обнаруженные здесь металлические предметы.

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 84.

² В раскопках этого помещения участвовали также З. М. Касабян, А. С. Султан-Шах, А. О. Мнацаканян и Г. Х. Сарксян.

Заслуживает упоминания опять-таки скифский конский убор, состоящий из трех бронзовых пряжек в виде птичьего клюва, одной бронзовой пряжки в форме головки барана, железных удил, таких же, какие были в помещении № 18, и железных трэнзелей древнейшего скифского типа. Скифский конский убор был найден также в 1946 году в одном из других помещений вместе с костяками четырех лошадей с завернутыми под туловище шеями, оставляющих впечатление падения с большой высоты. В отличие от предыдущего, этот конский убор происходит из районов Прикубанья¹. Среди этих скифских предметов были найдены обломки склепанного из листовой бронзы сосуда (ситулы), снабженного двумя ручками². Подобные сосуды широко распространены на Кавказе. Они все склепаны из листовой бронзы, имеют расширенный отогнутый венчик и одну или две ручки, украшенные сверху головками животных, а иногда вместе с тем и веревочным орнаментом по всей наружной поверхности ручки. Самым южным пунктом находки подобной ситулы является могильник урартского времени в сел. Малакю, бывш. Игдырского уезда, а самым северным — селение Жаботин на Украине (Киевская обл.). Между этими двумя пунктами, на территории Закавказья и Северного Кавказа, в могильниках и кладах VIII—VI вв. до н. э. неоднократно были обнаружены ситулы, служащие, подобно египетским предметам, показателями межплеменного обмена. Они, несомненно, изготовлялись на Кавказе и вероятнее всего на территории горного Кавказа, где они выступают в огромном количестве.

В культурном слое урартского времени на Кармир-блуре обнаружено большое количество вещей, скифских по происхождению. Следует отметить, что в соседнем помещении (№ 24), наряду с другими предметами, было найдено два наконечника (трехгранный и двуперый) стрел архаического скифского типа с шипами на втулке, наподобие тех, которые были найдены у западного фасада здания. Найденные в основном культурном слое Кармир-блур скифские предметы указывают на близкие отношения урартов и скифов еще до штурма крепости, последовавшего около 590 г. до н. э.

В то время как материалы из описанной кладовой дают ярко выраженные урартские и скифские комплексы, раскопки аналогичного большого помещения (№ 28)³ вместе с предметами, характерными только для ванской культуры, дали замечательный комплекс железных и бронзовых предметов, обнаруживающих близкое сходство с таковыми же из могильников Армении (табл. XXI). Здесь также по двум сторонам столбов, сооруженных из сырцовых кирпичей, были вкопаны в земляной пол 70 больших карасов с обозначениями емкости, выполненными иероглифически. Карасы эти оказались порожними, за исключением некоторых. Один из них был перекрыт сверху бронзовым щитом обычного урартского типа с конусообразно выступающей средней частью и широким отогнутым бор-

¹ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., рис. 62.

² Там же, рис. 60.

³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, стр. 28—40.

том, на котором была вычеканена посвятельная надпись царя Аргишти, сына Менуи, с указанием принадлежности щита городу Ирпунн, находящемуся на холме Арин-берд (близ Еревана), как это выяснилось летом 1950 г. после обнаружения там клинообразных надписей двух урартских царей Аргишти, сына Менуи и Сардура, сына Аргишти (VIII в. до н. э.). У караса, рядом стоящего, был обнаружен другой щит с надписью Русы, сына Сардура. В этом карасе оказались склепанный из листовой бронзы котел, а под ним цельный бронзовый шлем с надписью царя Аргишти, сына Менуи, с чеканным изображением деревьев жизни со стоящими перед ними крылатыми богами и урартской колесницы, обрамленных дугообразно свисающими головками львов. Здесь же были обнаружены 8 бронзовых умбонов от боевых щитов, изготовленных из прутьев нвы. Все они имели на себе надписи двух урартских царей VIII в. до н. э.¹

Карас (№ 46), покрытый щитом с надписью Аргишти, сохранил нам замечательный комплекс железных и бронзовых изделий, состоящий из трех железных тесел типа, обнаруженного Ж. Морганом на Лалваре (табл. XVIII, рис. 1—3), двух крупных фрагментов изогнутых ножей, обломков втульчатых топоров или молотов (табл. XVIII, рис. 4), наконечника копья среднего размера (табл. XVIII, рис. 5), обычного для Закавказья типа, железного браслета (табл. XVIII, рис. 6), бронзовой головки кинжала (табл. XVIII, рис. 7) и двух фрагментов пояса из листовой бронзы, украшенного пятью полосками выбитого точечного узора и снабженного по краям равно удаленными друг от друга отверстиями для обшивки кожаной подкладки (табл. XVIII, рис. 8). Один из сохранившихся фрагментов пояса, представляющий слегка закругленный конец его, сохранил на себе гравированное изображение дерева жизни, не отличающегося по деталям от остальных урартских изображений подобного рода. Недалеко от этого караса, вместе с урартскими гиревидными печатями из глины и жировика и бусами различных форм и материала, был обнаружен бронзовый браслет, украшенный на концах змеиными головками, широко известного в Армении типа, ножные браслеты из бронзы типа, обнаруженного в ущелье Хртаноц, а также маленькие фибулы с выгнутой дужкой², не отличающиеся от фибулы, найденной в ворнакском погребении № 5.

В этом же помещении был обнаружен обломок бронзового колчана или же горита с гравированным изображением быков и львов, не отличающихся композиционно и по деталям от изображения бронзового щита, найденного Рассамом на Топрах-Кале. Быки, изображенные на этом фрагменте, по всем признакам соответствуют таковым же на фрагменте пояса из с. Гуши, на берегу оз. Урмия³, где, между прочим, были изображены также фантастические крылатые существа (грифоны), напоминающие изображения на фрагментах пояса из Головино, но более грубой отделки. Вместе с поясом были обнаружены здесь головы быков, сделан-

¹ Б. Б. Петровский, ук. соч., стр. 35—37.

² Там же, стр. 18.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч.

ные из бронзы, принадлежность которых урартскому искусству подтверждается находкой на Кармир-блуре ведерки с прикрепленными к ней аналогичными головками и таковыми же на замечательной глиняной вазе. Но об этом ниже.

Изображения аналогичных быков мы встречаем на вновь обнаруженных на холме Арин-берд стеновых росписях с изображением сильно стилизованных деревьев, молящихся перед ними богов, держащих в руках корзины, ряда быков, розеток, пальметок и крупных фигур крылатых гениев. Кроме карасов, в помещении было обнаружено большое количество разнообразных керамических изделий: глиняные статуэтки, аналогичные найденным в предыдущем помещении, глиняные гири в виде четырехгранного усеченного конуса с отверстием в верхней части, а также глиняная табличка с четырнадцатью строками клинописи.

Наконец, в разных местах на полу помещения было обнаружено большое количество глиняных сосудов урартского и местного типов. Относительно керамики, обнаруженной до сих пор на Кармир-блуре, нужно сказать, что она разнообразна и разнотипна. Краснолощенная керамика урартского образца (кувшины с одной ручкой, чаши и двойные сообщающиеся сосудики) резко отличаются здесь от другой группы, представленной в сравнительно меньшем количестве. Это образцы местной керамики, сосуды черного или красноватого теста с широким горлом, украшенные елочным, гребенчатым, семячковым и волнообразным орнаментами, и кувшины темного или светлого оттенка, с украшенной лощением и рельефом поверхностью, для которых характерны прорезные ручки. Подобная керамика характерна для археологических памятников Армении VII—VI вв. до н. э.

Однако, как бы интересны ни были раскопки цитадели на Кармир-блуре, они дают все же, главным образом, урартский материал, на основании которого восстанавливается широкая картина духовной и материальной жизни урартов накануне их исчезновения с исторической арены. Менее ярко освещается путем этих раскопок жизнь местного населения, уходящая своими корнями в самостоятельную местную почву, жизнь населения, вошедшего в скором будущем в состав армянского народа. В этом отношении исключительный интерес представляет изучение поселения городского типа у Кармир-блур, населенного в большей своей части местными жителями и отличающегося целым рядом местных элементов. Город этот был расположен к югу и западу от крепости на широком, ныне безжизненном, плато реки Раздан (пл. 40 га), огражденном стеной с восточной и юго-восточной сторон, сврагом с запада и каньоном реки Раздан с севера.

Раскопками, произведенными здесь в 1948—1950 гг.¹ (К. Л. Оганисян, В. С. Сорокин) выяснилось, что город был построен по определенному, заранее намеченному плану, что имеет место во всех городах древневосточного типа. Однако выяснилось также, что строительство его осу-

¹ В. С. Сорокин. Раскопки древнего поселения, Кармир-блур, II, стр. 79—86.

существовало не без применения местной строительной техники, силами местного, подчиненного урартской власти населения.

Город имел длинные, широкие улицы, по сторонам которых расположены были целые комплексы жилищ, состоящие из отдельных однотипных домов, образующих собой монолитную застройку под единой крышей. Отдельные же дома состояли из одного открытого дворика, двух жилых помещений и имели отдельные входы¹.

Остатки этих жилищ залегают непосредственно под дневной поверхностью и сохранили три-четыре ряда сухой кладки, сложенной из грубо обработанных или же необработанных камней. Внутреннее пространство этих помещений было завалено камнем, шедшим на глубину 60—70 см. Ниже каменного завала, в слое мелкой сыпучей земли, был обнаружен основной культурный слой, очень небогатый, но очень характерный².

Более древний слой, представленный остатками чернолощеной керамики эпохи поздней бронзы и зольным напластованием, располагался ниже основного слоя. Он был обнаружен в помещении № 10 и уходил под кладку стен. К этому слою, несомненно, нужно причислить створу литейной формы для крупного топора-секиры, найденную на территории города еще в 1936 году и, кроме того, случайно найденную каменную форму для отливки прорезного дисковидного украшения. Таким образом стратиграфические наблюдения с большой определенностью указывают на существование поселения на этом месте еще в эпоху поздней бронзы, имеющего развитое ремесло и гончарное производство. Нет сомнения, что городские кварталы жилищ с основным культурным слоем, были воздвигнуты на развалинах более раннего поселения.

Но в помещениях городских жилищ был обнаружен и более поздний слой. Глинобитные полы некоторых помещений (№№ 1, 3, 16, 18) были прорезаны могильной ямой овальной формы, обставленной грубоотесанными камнями и перекрытой такими же сверху в виде ложного свода. В одной из этих могил оказался скелет ребенка, лежавший на левом боку, с подогнутыми ногами. Около костяка было обнаружено незначительное количество вещей, но у нижней челюсти оказалась серебряная драхма с изображением Александра Македонского (по определению А. А. Быкова IV в. до н. э.). Наличие этого слоя скорее указывает на прекращение жизни в городе, по крайней мере во время штурма крепости, тем более, что керамика, обнаруженная в городе, не переходит за VII в. до н. э. Таким образом, основной культурный слой залегал над слоем эпохи поздней бронзы и был прорезан сверху погребениями IV в. до нашей эры. Эти общие культурно-хронологические рамки для основного слоя в совершенной определенности уточняются при рассмотрении керамики этого слоя, которая представляет собою основную и характернейшую массу инвентаря, обнаруженного в жилищах. С помощью керамики и других данных основной слой этого поселения датируется временем существования

¹ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 17.

² В. С. Сорокин, Тейшебаини—урартский город на территории Закавказья (рукопись).

крепости Тейшебаини и близких ей по культуре могильников Армении. В этом особенно убеждает нас разбор керамики, обнаруженной в жилищах города и подробно исследованной В. С. Сорокиным в своей неопубликованной еще работе.

Мы лишь вкратце перечислим урартскую и местную керамику, не связывающуюся типологически с нашей, и более подробно остановимся на группах ее, сходных с образцами местной керамики из могильников VII—VI вв. до н. э.

Среди «городской» керамики, найденной исключительно в фрагментированном состоянии, огромным количеством выделяются большие толстостенные сосуды с округло-оформленными неорнаментированными венчиками розового цвета, с плоскогранными, орнаментированными зашипами, венчиками красно-коричневого цвета, находящими аналогии среди сосудов из временных жилищ у стен дворца, построенных наспех теми же городскими жителями перед нападением скифов, в надежде найти спасение за оградой мощной крепостной стены.

Горшки, миски и кувшины являются основной домашней посудой, представленной в массовом порядке, но не имеющей убедительные сопоставления. Для мисок светлорыжевого или красноватого оттенка характерны венчики, обращенные во внутрь сосуда. Венчики горшков представлены тремя типами: венчики с округлым краем без утолщения, находящие полную аналогию в сосудах из жилищ во дворе цитадели, венчики с утолщенным краем и округлые венчики, нависающие над стенками сосуда, не имеющие аналогии в знакомых нам комплексах. Следующую группу составляет краснорыжевая урартская керамика, покрытая ангобом. Эта керамика в помещениях городского поселения встречается в незначительном количестве. Фрагменты эти принадлежат мискам, одинаковым с найденными в цитадели, а также кувшинам, верхняя сторона которых всегда вогнута во внутрь, а нижняя сторона имеет выпуклость. Эти сосуды отличаются от найденных в самой крепости своим рыжеватым оттенком. Керамика указанных урартских образцов, характерная для всего периода существования Урарту, известна из урартского могильника, раскопанного П. Ф. Петровым в 1914 году¹, из раскопок А. С. и П. С. Уваровых и А. Д. Ерицяна на Армавирском холме, из столицы Ванского государства — Тушпы и, наконец, из урартской крепости Ирпуни, датированной VIII в. до н. э., двумя надписями Аргишти, сына Менуи, и одной надписью царя Сардура, сына Аргишти.

В одном из помещений среди керамических остатков были обнаружены крупные фрагменты маслосбоек, дающие возможность В. С. Сорокину реставрировать сосуд, не отличающийся по форме от известных в Закавказье маслосбок с коротким горлом, широко отогнутым венчиком и вертикальной ручкой ниже венчика. неотъемлемой частью этих сосудов является маленькое отверстие у ручки с рельефно выступающим над поверхностью сосуда бортом. Сосуд этот, в отличие от других, имел серый цвет

¹ Б. А. К у ф т и н, ук. соч., Вестник Гос. Музея Грузии, т. XIII—V.

и был орнаментирован двумя валиками, а также прямыми и волнистыми линиями, проведенными штампом. Изнутри он был снабжен пятью рядами заостренных выступов. По краям дна, имеющим отверстие, были расположены такие же выступы. В 1947 году подобный сосуд был найден в «комнате привратника», у южных ворот крепости (табл. XIX, рис. а и б).

Наконец, последняя группа чернолощеной керамики представлена в жилищах города фрагментами большого кувшина (помещения №№ 5 и 6) и ручками кувшинов. Эти кувшины ничем не отличаются от знакомых нам из раскопок могильников Армении и Кармир-блур (цигадели) образцов. Характерным их элементом, как уже было отмечено во второй главе настоящей работы, является штампованная треугольниками ручка. Эти кувшины являются, несомненно, замечательными образцами местного керамического производства (табл. XX). К местной же керамике относятся два замечательных фрагмента, лощенные сеткой и орнаментированные рельефными дугами в виде неправильного полукруга с шишечкой посередине. Черепки эти своим наружным оформлением вовсе не отличаются от замечательных кувшинов, известных по раскопкам в Головино (погр № 2) и на Лалваре. Впоследствии появились, в небольшом количестве, подобные образцы урартского производства.

Каким бы то типам не принадлежала керамика из городских помещений, совершенно ясно, что она изготовлялась в основном на месте, в самом городе, что документируется находкой гончарного глиняного круга в одном из помещений его.

Остальные немногочисленные изделия, найденные вместе с керамикой, представляют собой бытовой инвентарь. Среди них отдельную группу составляют каменные зернотерки, ступки или блюда с цилиндрическими пестами, встречаемые в жилищах во дворе цитадели, а также выдолбленные из камня «кормушки».

Другую группу составляют железные изделия: ножи из железа, обломки серпа, известного из могильников Армении, игла, шило и др. предметы. Были найдены также отдельные бусины и урартская гиревидная печать из камня, характерные для времени широкого освоения железа. Одна из них изготовлена из сердолика, а две — из пасты. Интересно, что одна из этих последних принадлежит к типу «домино», каковые имеются в коллекции Государственного Исторического музея Армении. В виде остатков пищи были обнаружены разбитые кости быка, буйвола, лошади, свиньи, джейрана, дикого барана и козла. Остатков зерен в помещениях обнаружено не было, равным образом не были обнаружены также помещения для скота, кладовых и других хозяйственных мест. Отсутствие следы сколько-нибудь значительного хозяйства. Эти наблюдения привели руководителя Кармирблурской археологической экспедиции Б. Б. Пиотровского к тому заключению, что жилища эти являются «типично городскими постройками» и его «жители не имели собственного хозяйства и жили на государственном довольствии»¹.

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 18.

Заканчивая описание раскопок на территории городского поселения. следует отметить, что рассмотренный здесь вещественный материал имеет одинаковый характер с материалом из крепости на Кармир-блуре и из могильников эпохи широкого освоения железа в Армении, что говорит за одновременность этих памятников. Но кроме того, в материале из поселения, правда менее четко, но определенно наблюдаются связи и с другим памятником. Это могильник, расположенный к югу от Кармир-блур, за пределами абрикосовой рощи. Здесь на ровной площадке, покрытой скудной растительностью, в 1940 и 1948 гг.¹ были обнаружены и раскопаны грунтовые, овальной формы погребения, окруженные по краям кругами или полукругами, выложенными из мелкого камня. Они были покрыты в своем большинстве каменными плитами и содержали по одному скорченному скелету с незначительным количеством вещей.

При изучении этого могильника сразу же бросается в глаза отсутствие оружия, так много встречаемого во всех могильниках Закавказья. Это обстоятельство невольно приводит к мысли о том, что, по всей вероятности, мы имеем дело с погребальными памятниками поработанного, подчиненного властью урартских завоевателей населения, составляющего значительную часть жителей города, и приходим к выводу о некоторой синхронности могильника и урартского поселения. Инвентарь могильника беден, главную массу его составляют керамические сосуды и шесть наконечников стрел из дымчатого обсидиана, аналогичных найденным в погр. № 2 у с. Головино. Еще в 1940 г. Б. Б. Пиотровский писал, что керамика из этого могильника обнаруживает большое сходство с чернолощеной керамикой могильника у крепости Кизил-кала, относящейся к началу I тысячелетия, а часть керамики, в частности сосуды с семячковым орнаментом (типа табл. XI, рис. 3), имеет соответствие в материале из циклопических крепостей Арагаца (Хором). В дальнейшем такие сосуды стали известными из самой Кармирблурской цитадели, из раскопок, произведенных нами в ущелье Хртаноц, как в виде фрагментов, так и совершенно целые. Одновременно Б. Б. Пиотровский выразил предположение, что поселение может содержать тождественный с могильником материал, предшествующий возведению цитадели. В этой связи небезынтересно остановиться еще на одной группе керамики из помещений города. Это чернолощенная керамика, встречающаяся в культурном слое в виде мелких фрагментов. Среди этих черепков особенно выделяются те, которые кроме лощения, имеют еще орнамент, выполненный иным способом, и кроме того сосуды, обработанные не только лощением, но и дополнительной полировкой. Анализ этой группы фрагментов указывает на совершенную одинаковость керамики из городских помещений и из могильника. Для последнего характерна орнаментация сосудов горизонтальными линиями, наподобие черепков, обнаруженных в первом кромлехе ущ. Хртаноц; полное же соответствие с чернолощеной керамикой города и могильника у

¹ См. С. В. Тер-Аветисян, Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур. Предварительный отчет о раскопках 1940 г. Изв. АрмФАН СССР, № 4—5, стр. 158—159.

² Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, 19—20.

Кармир-блур обнаруживает выше уже упомянутая керамика с территории Ереванского вокзала, примыкающего с севера к поселению урартского времени, датированного урартскими гиревидными печатями.

Кроме того, в могильнике были найдены в большом количестве чернолощенные миски, отличающиеся от обнаруженных в поселении фрагментов мисок с вогнутым венчиком — вертикально стоящим бортом. Они были снабжены ручками в виде треугольного выступа с вертикально проткнутым отверстием, наподобие мисок из Головино и из долменовидного погребального сооружения в Сисиане (табл. XXI). Близкие к этим, продырявленные ручки на фрагментах мисок встречены были и на поселении (табл. XXI).

Таким образом, можно заключить, что датировка могильника одним своим концом опирается на вещественный материал поселения и могильников VIII—VII вв. до н. э., а другим концом — на чернолощеную керамику типа могильника Кизил-кала (нач. I тысячелетия).

Все описанные археологические памятники, как видно, характеризуются одними и теми же чертами, за исключением цитадели на Кармир-блуре, где вместе с характерным для закавказских могильников инвентарем очень сильно представлены урартские вещественные памятники и Кармирблурского могильника, примыкающего к группе рассмотренных нами памятников, но не идентичного. На основании всего этого можно без затруднения выделить характерные для всех этих памятников группы металлических предметов, имеющих совершенно близкие формы, а следовательно и назначение. Это обстоятельство делает возможным рассмотрение отдельных групп металлического инвентаря закавказских могильников VII—VI вв. до н. э. на основании археологического материала, добытого раскопками одного лишь могильника, хотя каждый из этих могильников, если даже они примыкают друг к другу территориально, обнаруживает часто и свои специфические черты. В дальнейшем изложении попытаемся анализировать инвентарь синхронных археологических памятников Армении на основании вещественных комплексов из раскопок могильника в ущелье Хртаноц. Анализ этих комплексов поможет нам в деле установления культурно-хронологического места выделенной группы памятников среди других археологических памятников Закавказья.

Г Л А В А IV

ИНВЕНТАРЬ ИЗ МОГИЛЬНИКА В УЩЕЛЬЕ ХРТАНОЦ И СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Предметы вооружения. Во второй главе этой работы, при описании оружия из могильника в ущелье Хртаноц, было упомянуто, что железные наконечники копий и ножи делятся на две разнотипные группы, причем первая из них соответствует по форме урартским изделиям, а вторая — тяготеет скорее к вещественным памятникам эпохи поздней бронзы или же образует более самостоятельную группу. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

Крупные или среднего размера наконечники копий, образующие первую группу (табл. I, рис. 1—7) распространены на весьма широкой территории. Они особенно характерны для урартских поселений и закавказских могильников. Огромное количество подобных наконечников копий было обнаружено Ж. де Морганом при раскопках в Мусиери (погр. №№ 218, 242), Ахтале, Шейтан-даге и в других могильниках Лалвара, датировка которых определяется двуперыми или трехгранными стрелками раннескифского образца (погр. № 242)¹.

Аналогичные наконечники копий были обнаружены в могильниках ворнакской группы во время раскопок Е. С. Такайшвили (Матур—погр. №№ 6, 7, инв. I отдела Востока Эрмитажа, 16832, 16835)² и Н. Я. Марра (Ворнак—инв. э. 16954)³, а также при раскопках могильников дманисской⁴, цалкинской⁵, мцхетской, севанской и других групп, где они также сопровождаются часто наконечниками стрел скифского типа. Указанного типа наконечник копья (Ист. музей АН Арм. ССР, инв. № 319144) был обнаружен и в с. Бджни, Ахтинского района Арм. ССР, при раскопках Комитета по охране древностей в марте 1929 года, вместе с инвентарем, вполне соответствующим археологическому материалу из кромлехов ущелья Хртаноц, а также в районе Лениакана, в комплексе вещей, относящихся ко времени широкого использования железа.

На территории Ванского царства при работах немецкой экспедиции Леманна-Гаупта было обнаружено 500—600 железных предметов, среди

¹ J. de Morgan, Mission, I, рис. 28, 18, 15.

² Е. С. Такайшвили, Дневник раскопок.

³ ОАК за 1893 г., стр. 14—16.

⁴ Г. К. Ниорадзе, Некоторые особенности Дманисского некрополя.

⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. XVI и XXXV.

которых вместе с изогнутыми ножами находились и наконечники копий рассматриваемого типа¹. Раскопки урартской крепости Тейшебаини также дали огромное количество подобных наконечников, встречающихся во всех помещениях цитадели, а наконечник копья из приведенного нами выше комплекса железных предметов (пом. № 28, карас 46) не отличается от многих хртаноцских и других копий даже по размерам.

Чрезвычайный интерес, однако, представляет то обстоятельство, что распространение этого типа наконечников копий не ограничивается Ванским царством и Закавказьем. В могильниках скифского периода, на территории северо-восточного Кавказа, у аулов Исти-су, Бойси-ирзо и Ани-ирзо были обнаружены наконечники копий, весьма близкие к закавказским образцам². О. А. Артамонова-Полтавцева, опубликовавшая недавно эти комплексы, вполне справедливо отметила близость их к так-килисинским образцам. Судя по рисункам, несколько наконечников копий, происходящих из раскопок скифского городища близ с. Голушино (бывш. Киев. губ.) близко напоминают закавказские³, хотя наконечники копий, обнаруженные в скифских курганах VII—VI вв. до н. э., в целом отличаются от наших.

В то время как первая группа наконечников копий хорошо связывается с урартскими, вторая группа их (табл. I, рис. 8—11) из могильника в ущелье Хртаноц, состоящая из миниатюрных образцов, не имеет аналогий среди материалов из урартских поселений и встречается в могильниках Армении совместно с крупными наконечниками копий. Развитие этой группы идет, повидимому, по линии подражания бронзовым предметам в полном соответствии с процессом развития технологии обработки железа, позволяющей копировать бронзовые, более выработанной формы изделия при изготовлении железных. Здесь, конечно, нет полного отрыва от первой группы. Это предположение подкрепляется тем, что наконечники копий второй группы выделяются более четким внешним оформлением, а некоторые из них, резко отличаясь по форме от наконечников первой группы, находят аналогию в погребениях VII—VI вв. и в комплексах более поздних. Так, например, наконечник копья из могильника ущелья Хртаноц, представленный на табл. I, рис. 10, резко отличается от всех других и находит близкие аналогии в группе хранящихся в Историческом музее АН Арм. ССР наконечников копий из могильников Армении, относящихся в основном к VII—VI вв. до н. э. В эту группу входят два наконечника копья из раскопок Н. Я. Марра в с. Ворнак (инв. 697/2), один наконечник (инв. 1578) из Ноемберянского района (собрание С. В. Тер-Аветисяна), один (инв. 478) — из Алавердского района (случайная находка), два наконечника копья из кургана близ с. Качаган, Алавердского района (инв. 1892/21)⁴. Этот курган содержит ряд погребений, часть ко-

¹ G. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, Zweiter Band, S. 507, 544—546.

² О. А. Артамонова-Полтавцева, *Культура северо-восточного Кавказа в скифский период*. СА, XIV, 1950, рис. 20, 1—2.

³ Б. и В. Хапенко, *Древности Приднестровья*, вып. II, 1900, табл. I, рис. 3, 5, 6.

⁴ Ориентировочные раскопки А. О. Мнацаканяна в 1951 г.

торых относится к самому началу освоения железа, а другая к эпохе широкого освоения железа. Характерно то обстоятельство, что как в ворнакских, так и в качаганском погребениях эти миниатюрные наконечники копий находятся вместе с скифскими стрелками позднего типа (V в.). Приведенный наконечник копья находит свое точное соответствие среди инвентаря из недавно раскопанного долменовидного могильного сооружения близ сел. Ахлатян, Сисианского района (Арм. ССР), связывающегося по многим ответственным линиям (железные предметы, керамика, бусы) с погребениями в Головино, но принадлежащего, несомненно, к более позднему времени (V—III вв. до н. э.), судя по находкам там бус из египетской пасты и другого материала¹.

В Дванском же могильнике вместе с бронзовыми стрелами архаичного скифского типа были найдены как железные, так и бронзовые наконечники копий, которые, судя по рисункам, не отличались друг от друга (см. рис. №№ 1 и 3)². То же самое можно сказать при сравнении некоторых железных наконечников копий из Лалвара с бронзовыми наконечниками копий из могильника у «Редкина Лагерь». Наконечник к этой группе наконечников копий нужно причислить найденные Ж. де Морганом³, Е. Лалаяном (инв. ГМА 1577) и покойным А. П. Кругловым (Исти-су, погр. № 7)⁴ короткие наконечники копий, которые своим широким листовидным лезвием существенно отличаются от обычных железных копий и передают формы бронзовых образцов.

В указанном отношении весьма характерную картину представляет комплекс железных и бронзовых предметов, обнаруженных в 1934 г. в Леникане при исследовании поселения урартского времени⁵, и в 1939 году там же при земляных работах. Найденная здесь в 1934 г. бронзовая секира закавказского типа была дополнена в 1939 г. одновременными с нею предметами, среди которых особенно выделяются топорик кобаноколхидского II типа с заостренным обушком (Лениканский краеведческий музей, инв. 282), бронзовые тесла (инв. 276, 277), наконечники копий из железа (2 шт., инв. 269) и из бронзы (инв. 268, 270), а также много другого оружия. Это единственный комплекс (XI—V вв. до н. э.), где наряду с бронзовыми наконечниками копий встречаются миниатюрные железные наконечники, точно соответствующие по форме бронзовым наконечникам того же комплекса. Особенно типичен здесь один из железных наконечников, который своим широким листовидным лезвием с четким срединным ребром и втулкой, представляющей сплошную, суживающуюся к лезвию трубочку, напоминает бронзовые наконечники копий, изготовленные литьем.

Наличие наконечников копий обоих типов в могильниках Армении указывает на высокое развитие железной металлургии и на местное их изготовление, хотя изучение первой группы показывает, что эти крупные

¹ Раскопки М. С. Асратяна (результаты не опубликованы).

² С. И. Макалатян. Раскопки Дванского могильника.

³ J. de Morgan, ук. соч., т. I, рис. 48.

⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева, ук. соч.

⁵ ПИДО, № 9—10, стр. 166 и сл., 1934.

железные копья появились в Закавказье в большом количестве в период непосредственной урартской экспансии (VIII—VI вв. до н. э.), а между тем, по данным археологии, нельзя проследить развитие этого типа на местной почве. Широкое распространение их на огромном пространстве в неизмеримо короткий промежуток времени говорит в пользу сильного внешнего воздействия. Такое влияние могла оказать урартская высоко-развитая металлургия, основанная на применении железа для орудий и оружия. В этом особенно убеждает нас сравнение форм урартских и местных изделий.

Аналогичная картина наблюдается и на примере железных ножей. Серповидно изогнутые ножи, составляющие первую группу (табл. III, рис. 1—2), являются спутниками наконечников копий и встречаются во всех перечисленных могильниках. Отметим лишь, что сравнение изогнутого ножа из кромлеха № 8 с ножом упомянутого уже кармирблурского комплекса не оставляет сомнения в их тождественности (даже по размерам). В редких экземплярах они встречаются на территории Азербайджанской ССР (2 шт. в с. Доланлар, Нагорн. Карабаха); зато в курганах Приднепровья они встречаются сплошь и рядом. Так, в кургане № 4 у хут. Дариевка были найдены изогнутые железные ножи с костяными накладками вместе с типично скифским акинаком, наконечниками копий, боевым топориком типа, найденного во II кромлехе у Головино, стрелами раннескифского типа из бронзы, костяными наконечниками стрел, близко напоминающими самтавские, и множеством золотых бляшек. Таковые были обнаружены и в курганах у с. Шандра (бывш. Киев. губ.) и у бывш. Холоднрянской экономии и в могильнике у с. Долинское¹ и в городище близ с. Галушино и в курганах на Майдане (близ Смелы). Один из этих курганов (XIX) представляет большой интерес. В этом разграбленном кургане вместе с изогнутыми ножами были найдены наконечники копий, бронзовые наконечники стрел и замечательная цилиндрическая печать из халцедона позднеассирийского времени с изображением коня и крылатого диска².

Совершенно отличную группу от предыдущей составляют миниатюрные (табл. III, рис. 3) ножи с подтреугольным лезвием. В могильнике ушелья Хртаноц они встречаются гораздо больше по сравнению с изогнутыми и вместе с тем не находят (пока что) аналогий ни среди урартских, ни среди местных образцов. Сплошное их распространение в могильнике Хртаноц и вместе с тем отсутствие таковых среди материалов из древневосточных поселений убеждают нас в местном происхождении и указывают в данном случае на отрыв от урартской традиции, на создание собственно местного типа железных изделий.

Подобно ножам этого типа, совершенно самостоятельную и разнообразную группу образуют железные кинжалы Хртаноцкого могильника. Отсутствие какого бы то ни было стандарта в области их изготовле-

¹ О. Н. Мельниковская, Могильник у с. Долинское, Черниговской области, КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.

² А. А. Бобринский, Курганы близ Смелы, т. I, стр. 76—77.

ния затрудняет дело классификации образцов по типам и подыскивания сравнительного материала, поэтому при анализе их коснемся лишь тех образцов, которые имеют более или менее близкие аналогии.

Большой интерес представляет железный кинжальный клинок с двумя гвоздиками в верхней части из кромлеха № 8 (табл. II, рис. 1), напоминающий в общем бронзовые кинжальные клинки с насадными головками из могильников Закавказья эпохи поздней бронзы и первоначального появления железа (Триалети, Самтавро). Более или менее близкий по типу бронзовый кинжал происходит из раскопок Бешташенского могильника¹, относящегося к эпохе поздней бронзы. В одно и то же время железный кинжальный клинок более широкий, но довольно близкий к нашemu, также с гвоздиками для прикрепления насадной головки (Эрмитаж, инв. 16923), происходит из раскопок Н. Я. Марра в Ворнаке. Инвентарь этого могильника, находящийся отчасти в фондах Эрмитажа, по ряду очень близких признаков — железное оружие и бронзовые предметы — соприкасается с инвентарем из могильника ущ. Хртаноц, но с несомненностью должен быть отнесен к более позднему времени, благодаря находке там скифской трехгранной стрелы (инв. 17028) с опущенными концами граней позднего типа, шейных гривен из железа и других предметов. Среди археологического материала из северо-западного Кавказа, датированного временем между IX—VII вв. до н. э., имеются два кинжальных клинка, близко напоминающих наш экземпляр².

Другой железный фрагментированный кинжал (табл. XII, рис. 7), происходящий из кромлеха № 1, имеет, как уже было упомянуто, короткий, узкий черенок для посадки головки и в этой части опять-таки напоминает бешташенские черенковые клинки из бронзы³, но находит точное свое соответствие в материалах из раскопок Н. Я. Марра в Ворнаке (Эрмитаж, инв. 16913). Два близких по типу кинжала (инв. 488г, 487с) происходят из могильника в с. Ани-Пемза, датированного с помощью бронзового гравированного пояса урартским временем, и один кинжальчик (инв. 1904/29) — из могильника, раскопанного на территории описанного выше древнего поселения близ с. Какси, Ахтинского района. Инвентарь из этого могильника типичен для эпохи широкого освоения железа.

Последний, аналогичный приведенному, бронзовый кинжал происходит из погребения на р. Гоначхир, относимого к концу медно-бронзовой эпохи на северо-западном Кавказе⁴.

Сравнительное изучение этих образцов показывает, что, подобно наконечникам копий второго типа, они тяготеют, с одной стороны, к предметам поздне-бронзовой эпохи, а с другой стороны, находят аналогии в более поздних памятниках эпохи широкого освоения железа.

Характерную группу для могильников северной Армении VII—VI вв. до н. э. составляют железные кинжалы в бронзовых ножнах, орнаменти-

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, рис. 77, 2.

² А. А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронз. века, МА СССР, № 23, стр. 114—115, рис. 52, 3.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч., рис. 77, 5.

⁴ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 91, рис. 52, 2.

рованных чаще всего геометрическим рисунком. Один из подобных кинжалов происходит как раз из кромлеха № 3 (табл. XVI, рис. 5—6). Обломанное толстое лезвие его имеет ромбовидную форму в сечении, а рукоятка, выкованная вместе с клинком, имеет с обеих сторон бронзовые накладки, покрывающие собою часть клинка и прикрепленные к ней с помощью пяти заклепок. Ножны кинжала, представленные в трех больших фрагментах, не отличаясь по форме от аналогичных, украшены внизу тремя полосками геометрического орнамента. Два подобных кинжала, обнаруженных Е. С. Такайшвили в V погребении Ворнака, были описаны во второй главе. Подобные же кинжалы в бронзовых ножнах были найдены и во время работ Ж. де Морпана в Мусиери и Садахло, а также в паташарском кургане № 3 (Севанский район)¹, где вместе с ним были найдены бронзовый пояс и другой железный кинжал без ножен, и в загалинском кургане № 42, содержащем два мужских костяка. Но самой близкой аналогией являются бронзовые ножны, обнаруженные в одном из погребений Басаргечара. Последний железный кинжал из Хртаноца с четким серединным ребром (табл. II, рис. 2) ближайших аналогий не имеет, но напоминает кинжалы, найденные Ж. де Морганом на Шейтан-даге и в Ахтале².

Наконец, к числу предметов железного вооружения относится и маленький боевой топорик скифского типа, происходящий из кромлеха № 2 (см. табл. XV, рис. 9). Он представляет из себя топор-молот удлиненной формы с обухом в виде молотка, один конец его тупой и отломанный, другой — согнут и заострен. Подобные топорики не получили в Армении широкого распространения. Единственный, аналогичный нашему топорик, известный в литературе, происходит из могильника в Мусиери³. Ближайшие аналогии он находит среди материалов из скифских курганов Киевской области. Так, в кургане близ хутора Шумейко (бывш. Роменский уезд, Полт. губ.) в 1899 г., при раскопках С. А. Мазараки⁴, были обнаружены 3 подобных топорика вместе с типично скифским акинаком в золотых ножнах (№ 461), железным чешуйчатым панцырем (172) и двумя железными наконечниками копий. Огромный интерес представляет здесь находка скифского конского убора (типа, найденного в пом. № 18 на Кармир-блуре), состоящего из 18 железных удил с костяными резными псалями, украшенными в противоположных концах изображениями головок животных и копыт (529—530), одной пары железных удил с железными же псалями, а также прекрасно сохранившейся уздечки с бронзовым набором пряжек, в форме птичьих клювов (№ 333) и псалями из бронзы. Подобные конские уборы широко распространены в Приднестровье. В кургане № 1 близ с. Райгорода (бывш. Черкасск. уезд., Киевск. губ.) при раскопках В. В. Хвойко⁵ в 1899 г. были найдены 8 железных

¹ Д. Г. Мусиери, *Археологические находки в Мусиери*, стр. 14, 15, 17.

² J. de Morgan, *ук. соч.*, т. I, рис. 121, 2.

³ J. de Morgan, *ук. соч.*, рис. 52.

⁴ Б. и В. Ханенко, *Древности Приднестровья*, вып. II, стр. 7—8.

⁵ А. А. Бобринский, *ук. соч.*

удил с костяными псалями (№ 528) и костяными барабановидными пряжками, снабженными четырьмя отверстиями (№ 534), в которых сохранились деревянные шпеньки. Они известны и из с. Пруссы (б. Черкасск. у., Киевской губ.) и из многих других мест. Но особенно близкие к кармирблурскому конские уборы происходят из курганов №№ XXXVIII, XL (т. XI), ССXLIV (т. X), расположенных в окрестностях местечка Смелы, и, в частности, из курганов близ с. Аксютинцы, Волковицы, Поповка, Роменского уезда, б. Полтавской губ. (табл. XIII, рис. 17 и XIV, VIII)¹.

Возвращаясь к железному топорiku из кромлеха № 2, нужно отметить, что таковые были обнаружены и в курганах, расположенных в средней области р. Днепр. В одном из курганов близ Триполья в 1897 г., при раскопках В. В. Хвойко², вместе с акинаком, наконечником копья, изогнутым ножом, ланцетовидными стрелами и костяными псалями было обнаружено два боевых топорика. Близкие по типу железные топорики распространены на Северном Кавказе, в частности, в могильниках Северной Осетии, и опубликованы П. С. Уваровой (МАК XIII, табл. II, рис. 10—11, табл. XLIX, рис. 5—6). Один из этих топориков (рис. 10) вполне соответствует нашему. Последний, соответствующий нашему, бронзовый топорик мы находим к северу от упомянутых среди инвентаря из раскопок кургана № 7 близ Андрюковской станицы (1897 г.)³. Несколько отличные железные топорики известны также из раскопок Долбежева в Дагестане, близ аула Псе-дахе⁴, однако они относятся, по видимому, к более позднему времени.

Предметы вооружения из бронзы

В то время как предметы железного вооружения составляют характернейшую часть инвентаря упомянутых могильников VII—VI вв. до н. э. и, в частности, могильника ущ. Хртаноц, бронзовое оружие выступает здесь в единичных экземплярах либо в пережиточной форме, либо в форме оружия, мало применяемого и не получившего широкого распространения. Зато некоторые из них вместе с предметами другого назначения ведут нас вглубь веков, указывая, таким образом, на непрерывную генетическую связь между предыдущим и последующим этапами развития культуры первобытного общества. Более или менее выразительны в этой группе бронзовые пики, происходящие из кромлехов №№ 1 и 8 (табл. III, рис. 4—5). Все четыре пики совершенно аналогичны. Находки этого типа оружия в Закавказье ограничиваются несколькими экземплярами, подчас не совсем сходными. Пики этого типа, но изготовленные из железа, известны по раскопкам А. А. Ивановского⁵. Две из них были обнаружены в каменном ящике № 81, около с. Кюлатак, на берегу одноименной речки, вместе со втульчатым наконечником копья и железным ножом, отличными от рассмотренных нами типов, а также в погребении № 62, между Кедабеком и

¹ А. А. Бобринский, ук. соч.

² Б. и В. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, стр. 11—12.

³ А. А. Иессен, ук. соч., рис. 55.

⁴ ОАК за 1898, стр. 160—164.

⁵ МАК, вып. VI, табл. V. 4—7.

Калакентом, в долине реки Шамхор, недалеко от г. Мисдаг. Они были обнаружены в единичных экземплярах Н. Я. Марром в Ворнаке¹, Ф. Байэрном в Самтавро (погр. № 583)² и в 1950 году М. С. Асратяном в дольмене близ с. Ахлатян, Сисианского района. Еще реже они встречаются на Северном Кавказе и в Приднепровье. На территории северо-восточного Кавказа они известны из раскопок могильников близ аулов Исти-су (погр. № 18) и Бойси-ирзо (погр. № 3)³. О. А. Артамонова-Полтавцева, опубликовавшая результаты работ Северо-кавказской археологической экспедиции, по этому поводу пишет: «А. А. Ивановский эти наконечники считал самостоятельными предметами—наконечниками пик, но они несомненно являются «втоками». Нам представляется, что действительно эти предметы являются самостоятельными, так как наружное их оформление (четырёхгранное, заостренное) указывает на военное их назначение и, кроме того, совершенно несомненно, что они надевались на древко. На обнаруженных в ущелье Хртаноц пиках сохранились остатки древка. В этом нас убеждает и другой пример. В городище Галушино (б. Чигирск. у., Киев. губ.) вместе с изогнутыми ножами и железным серпом⁴, не отличающимся от серпа, найденного в погребении № 2 близ с. Головино, был обнаружен еще удлиненный с заостренным концом железный предмет с трубчатым насадом, близко напоминающий закавказские образцы. Верхняя его часть имела подчетырёхгранную форму и несколько напоминала лезвие копья. Ханенко называет его наконечником пики или же копья, так как военное назначение этого типа предметов не вызывает сомнения. Таким образом, хотя эти пики встречаются в памятниках широкого освоения железа, они не являются характерными для этой эпохи оружием, по видимому, потому, что боевые возможности их по сравнению с наконечниками копий очень ограничены.

Последние два предмета из бронзы совершенно не характерны для данной эпохи и тем самым представляют большой интерес. Один из них (табл. II, рис. 4), как уже было упомянуто, представляет собой обломок кинжального клинка с широкой полоской посередине, превращенный умышленно в нож. Отсутствие верхней части клинка лишает нас возможности приводить точные аналогии, так как кинжалы с широкой срединной полоской и насадной головкой очень характерны для кобанской (МАК VIII, табл. XII, рис. 1—2) и западно-грузинской бронзы (примерно VII в. до н. э.) и, с другой стороны, встречаются в могильниках Армении (Кировакан, Пашакенд)⁵. Кинжал очень близкого к обнаруженным в Армении типа был найден в Ленкоране Ж. де Морганом, считавшим его пережиточным типом, употреблявшимся наряду с новыми типами вооружения. Вслед за Морганом к тому же мнению пришли также Т. С. Пассек и Б. А.

¹ ОАК за 1893, стр. 14—16.

² Б. А. К у ф т и н, Раскопки в Триалети, рис. 76.

³ О. А. А р т а м о н о в а - П о л т а в ц е в а, Культура северо-восточного Кавказа, рис. 20.

⁴ Б. и В. Х а н е н к о, ук. соч., табл. IV, рис. 86, табл. I, рис. 7.

⁵ Կ. Ղ ա ֆ ա ղ ա ռ յ ա ն, Դ ա ղ ա ճ ա ճ ի ղ ի պ հ զ ու ճ յ եր ր Կ ի ռ ո լ յ ա ն ու մ :

Латынин¹. Таким образом, точно определить, к какому типу относится клинок, представляется невозможным, однако совершенно определенно можно сказать, что некогда широко распространенный тип оружия в период широкого распространения железа окончательно вышел из употребления. Некоторое сомнение вызывает замечательный бронзовый кинжал (табл. II, рис. 5) с рамочной рукояткой и ажурной головкой, происходящий как будто из совместного погребения человека и коня в ущелье Хртаноц². Погребальный комплекс этой могилы не выяснен, поэтому отнесение кинжала к рассмотренным выше комплексам чрезвычайно затрудняется, и вопрос остается открытым.

На первый взгляд в более древнюю эпоху ведут нас также наконечники стрел из кремня и дымчатого обсидиана, обнаруженные в погр. № 2 у с. Головино, но сравнительное их изучение показывает, что каменные наконечники стрел удлиненной формы с выемчатым основанием никак не переходят за рубеж первого тысячелетия. Наконечники стрел из обсидиана и кремня были обнаружены И. И. Мещаниновым в 1926 году совместно с крашеной и чернолощеной керамикой, а также бронзовыми стрелами при исследовании шести нарушенных погребений на территории Кизил-Ванского могильника³.

Вещи, найденные И. И. Мещаниновым, не опубликованы, но снимок одной из могил, где показан бронзовый наконечник стрелы, дает возможность заключить, что этот последний совершенно не отличается по форме от наконечников стрел, обнаруженных А. А. Ивановским в кургане № 91 у села Карабулак⁴, где совместно с ними были обнаружены наконечники стрел из обсидиана и яшмы, очень близкие по форме к нашим. Курган № 91 может датироваться началом 1-го тысячелетия до н. э. Еще ближе ко второму погребению у с. Головино подходит Кармирблурский могильник⁵, где вместе с аналогичными нашим обсидиановыми стрелами была найдена керамика, частично связывающаяся с керамикой из Головино и Кармирблурской цитадели.

Обнаружение их в погребении № 2 у с. Головино вместе с изогнутыми ножами и серпом, а также орнаментированным кувшином лалварского типа, с несомненностью указывает, что они здесь могут быть датированы VIII—VII вв. до н. э., в то время как в других могильниках конца VII в. появляются уже раннескифские наконечники стрел. К сказанному нужно добавить, что для северо-восточной части Армянского нагорья обсидиановые, кремневые и яшмовые стрелы весьма характерны. Достаточно упомянуть, что в 86 погребениях Редкина Лагерь, исследованных Ф.

¹ Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, Очерки доистории Азербайджана.

² *Кинжал и стрелы, найденные в ущелье Хртаноц*, стр. 105.

³ И. И. Мещанинов, Краткие сведения о работах археолог. экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. Сообщ. ГАИМК, I, 1926, стр. 236—237.

⁴ А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, вып. VI, стр. 157—164, табл. XV, 1911.

⁵ В. С. Сорокин, Тейшебани—урартский город на территории Закавказья (рукопись).

Байэрном¹, было обнаружено огромное количество замечательных стрелок из камня при отсутствии каких бы то ни было бронзовых стрел, а между тем часть этих погребений отнеслась к эпохе VII—VI вв. до н. э. как на это указал Б. А. Куфтин.

Предметы искусства и украшения

Бронзовые пояса из могильника ущелья Хртаноц, как и все другие пояса, встречающиеся в могильниках Закавказья, относятся, безусловно, к военному снаряжению, но военно-защитная их значимость сходит совершенно на второй план при первом же ознакомлении с таковыми. Поэтому большая часть исследователей справедливо считала их культовыми предметами. И действительно, эти пояса дают богатый материал для изучения религиозных представлений, о чем речь будет ниже. С другой стороны, отражая религиозно-культовые представления весьма близких друг к другу по культуре племен и относясь в основном к эпохе железа, они хорошо иллюстрируют связи между этими племенами иногда на чрезвычайно больших пространствах. С этой точки зрения и надлежит нам рассмотреть бронзовые пояса, обнаруженные при раскопках хртаноцских кромлехов, дающие возможность для установления факта наличия широких связей.

Большой интерес представляет бронзовый пояс с двухрядным спиральным бордюром (табл. V, рис. 3), представленный лишь несколькими мелкими фрагментами, что лишает нас возможности реконструировать его или же найти для него точные аналогии. Тем не менее наличие двухрядного спирального бордюра прочно связывает этот пояс с определенными группами поясов. Очень характерная группа поясов со спиральным бордюром, окаймляющим изображения животных—представителей трех горизонтов в охотничьей обстановке, обнаружена на территории Армении Ж. де Морганом в могильниках поздней его группы в Мусиери и Ахтале². Ж. де Морган вполне справедливо отмечал, что пояса, украшенные спиральным орнаментом, характерны для поздних могильников Лалвара. Находка фрагментов нашего пояса подтверждает мнение Моргана.

Вторая группа поясов, украшенных спиральными бордюрами и изображающих охотничьи сцены, была обнаружена в могильниках урартского времени южной Грузии и Северной Осетии (Дманиси, Маралын-дереси, Кобань и описана в III главе настоящей работы (стр. 53).

Б. А. Куфтин³ отметил уже особенную близость поясов этих двух групп, синхронизовав в общем указанные памятники Лалвара, Дманиси, Триалети и Северной Осетии. Таким образом, устанавливается, что бронзовые пояса рассматриваемого типа весьма характерны для культуры Армении эпохи интенсивного освоения железа и не находят никаких аналогий за пределами Кавказа. Иначе обстоит дело у Ж. Моргана. Анализи-

¹ Rud. Virchow, Friedrich Bayerns Untersuchungen über die ältesten Gräber in Kaukasien, Zeitschrift für Ethnologie, Anthropologie und Urgeschichte, Berlin, 1885, VIII.

² J. de Morgan, ук. соч., т. I, рис. 190.

³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 51—52.

руя изображения животных и мотив спирали на предметах из могильников Закавказья и, главным образом, Северной Осетии (Кобань), он утверждал, что таковые не могли возникнуть на местной кавказской почве и являются элементами, привнесенными миграционной волной арийских племен, а может быть и индоевропейцев. При этом он опирался на употребление мотива спирали в арийских странах (II доисторический слой Гиссарлика, Греция, Этрурия, Австрия, Пруссия, Италия, Испания и т. п.)¹. Несомненно, во всех перечисленных Морганом странах мотив спирали бытовал, однако можно определенно утверждать, что этот мотив знаком чуть ли не всему миру и не только арийскому. Спираль была широко распространена в Египте, у хеттов, в Вавилонии и многих других местах и поэтому установление этнических связей путем изучения этого мотива представляется нам совершенно невозможным.

Между тем, нужно отметить, что спираль, как орнаментальный мотив, характерный для всего Закавказья еще с энеолитического времени, пережила долгий путь закономерного развития на собственной почве. Бронзовые пояса, украшенные по краям двухрядной спиралью, но с несколько иной трактовкой, известны и из других мест (Севан, Санаин).

Вторая, характерная для территории Армении группа поясов, украшенных точечным узором, представлена среди материалов из Хртаноцкого могильника двумя поясами (табл. V, рис. 1—2). Аналогичные пояса встречаются в урартских поселениях и могильниках на территории Армении. В 1914 г., при раскопках урартского могильника близ селения Малаклю (П. Ф. Петров)² был обнаружен пояс с точечным узором вместе с характерной урартской краснолощеной керамикой, бронзовыми змеиноголовыми и железными четковидными браслетами, ручкой от ситулы, гиревидными печатями и другим материалом. Для определения их культурно-хронологического места более отчетливый материал дали раскопки кармирблурской цитадели. В 1941 году при раскопках помещения № 4 был обнаружен фрагмент подобного пояса совместно с урартской гиревидной печатью и головкой грифона скифского типа, изготовленной из рога³. Другой обломок аналогичного пояса был найден в помещении № 13 вместе с разнообразными железными кинжалами, серпами, железным мечом закавказского типа, урартскими гиревидными и ассирийскими цилиндрическими печатями. Но последний, самый интересный экземпляр сходного пояса (в двух фрагментах) обнаружен во второй карасной комнате (1950 г.) вместе с комплексом железных орудий и оружия, приведенном выше (табл. XVIII, рис. 8). Один из этих фрагментов, представляющий слегка закругленный конец пояса, был обрамлен точечными полосками и внутри их украшен изображением священного дерева урартского типа, каковым украшены и пояса, обнаруженные в могильниках Армении (с. Заким, б. Карсск. обл. и Ани-Пемза, Артикского района Армян-

¹ J de Morgan, ук. соч., т. I, стр. 173—179.

² Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подножья Арарата и Куро-Араксский энеолит, стр. 40.

³ Б. Б. Пиотровский Кермир-блур, I, стр. 50—51.

ской ССР) и золотые ножны акинаков из Литого и Келермесского курганов. Таким образом, примыкая по времени к группе закавказских поясов со спиральным украшением краев, эти пояса ведут нас еще дальше от Кобани, на территорию Северного Кавказа и южно-русских степей. Несомненно, что они изготовлялись на месте и являются памятниками местного искусства, отражающего глубокое влияние урартской культуры и как бы передающего это влияние скифам Северного Кавказа и Приднепровья. Об этом красноречиво говорят два фрагмента пояса (табл. IV, рис. 5) с изображением трех грифонов. При раскопках могильника, произведенных Комитетом охраны древностей Армении в с. Ани-Пемза в 1930 г., в погребении № 6 были обнаружены обломки бронзового пояса, украшенного изображениями львов, быков, птиц и деревьев жизни, а также двух очень близких к нашим грифонам фантастических существ, причем одно из них представлено с птичьим туловищем и человеческими головой и ногами, а другое—с птичьим же туловищем, но головой и ногами грифона. Очень близкий к этому пояс происходит из с. Заким, б. Карсской обл., найденный, повидимому, в разрушенном погребении вместе со змеиноголовыми браслетами¹.

Б. Б. Пиотровский на основании большого сравнительного материала из урартских крепостей на Топрах-кале и Кармир-блуре, а также из раннескифских курганов Северного Кавказа и Приднепровья с большой убедительностью показал, что закавказские пояса, украшенные изображениями деревьев жизни и фантастических животных, а также золотые акинаки из Келермесского и Литого курганов, украшенные подобным образом, и многие другие изделия были сделаны под непосредственным влиянием урартского искусства². Довольно близкий к этим по типу пояс происходит из погребения № 1, раскопанного близ древнего поселения около Лениканского мясокомбината (инв. 1501), а также из с. Куши на берегу оз. Урмии, найденный, по свидетельству Атрпета³, в погребении быка вместе с серебряной посудой и бронзовыми головками быков. Б. А. Куфтин доказал принадлежность этого комплекса урартскому культурному кругу⁴. Новые археологические находки подтверждают в полной мере сказанное выше. Так, например, клад золотых и серебряных изделий в Саккызе (Иранский Курдистан), где рядом с предметами чисто ассирийского и скифского типа имеются и предметы, очень близкие по своим орнаментальным мотивам к изображениям на закавказских поясах, а также на скифских золотых ножнах из Келермесского и Литого курганов. В частности имеются в виду изображения священных деревьев на золотой пластинке, пекторали и, особенно, обломок золотого пояса, на котором сочетаются элементы урартского искусства (разделка поля пласти-

¹ Н. Я. Марр, Ани, табл. VII, Ленинград, 1934. Пояс был опубликован впервые в рисунке Н. Я. Марром.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 312—324.

³ Ա. Թ. Գեղամյան, Երկրագործական շինությունները Արարատյան դաշտում, Վրաստանի հանրապետության պատմություն, 1934, էջ 114—124.

⁴ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий, стр. 40—45.

ны), с элементами скифского (фигуры оленей с подогнутыми ногами) и ахеменидского (фигуры козлов) искусств¹

Таким образом, работами советских археологов выявлена широкая картина взаимосвязи урартской и кавказской культур, а между тем, не так давно немецкий ученый Р. Вирхов, анализируя закавказские бронзовые пояса, утверждал, что сравнение предметов, обнаруженных в Закавказье, с древневосточными ни к какому положительному результату, в смысле установления культурного взаимоотношения, не приводит. При том, ссылаясь на материалы Клейтона из Топрах-кале, полагает, что культура Урарту, связанная прочными узами с ассирийской, не имела никаких связей с культурой северной Армении. Наоборот, по его мнению западно-европейская (в частности германская) и кавказская культуры имели одинаковые истоки, а колоссальная разница между этими культурами объясняется, мол, независимым развитием этих культур в дальнейшем². Миф об индоевропейской прародине давно похоронен советской археологической наукой, а интенсивное археологическое изучение Кавказа все больше и больше выясняет вопросы культурной взаимосвязи.

Наконец, последние 2 пояса без гравировки (табл XIII, рис. 25) находят близкие аналогии среди моргановского материала из Садахлу, Ахталы, а также в археологическом инвентаре из района того же Ленинкапского мясокомбината (инв. 1502), из открытого в 1930 г. погребения в с. Ани-Пемза (инв. 487а), где вместе с этим поясом были обнаружены железный кинжал, совпадающий по форме с черенковым кинжалом из хртаноцкого кромлеха № 1, и браслеты из бронзы, один из коих украшен на концах змеиными головками (инв. 487б). Остается отметить аналогичный пояс (инв. 1296а) из с. Гюлакарак, Степанаванского района Арм. ССР, найденный вместе с шейными гривнами головинского типа (инв. 1299а, 1299с, 1302 и др.), бронзовыми удилами, а также пояс (инв. 1891/7) из самого Степанавана, добытый раскопками А. У. Погосяна в сентябре 1951 г.⁴ С кромлехами в ущ. Хртаноц совпадает по времени и ахталинское погребение № 47, в котором был обнаружен гладкий бронзовый пояс, очень близкий к поясу из кромлеха № 3 (табл. XVI, рис. 8).

Наличие орнаментированных и неорнаментированных поясов в синхронных погребениях в ущелье Хртаноц указывает на то, что пояса обоих типов долгое время бытуют совместно, хотя появление гладких поясов нужно, повидимому, отнести к более раннему периоду, как это отметил Ж. Морган. Сказанное подтверждается еще тем, что несколько бронзовых неорнаментированных поясов происходит, по сведениям Б. А. Куфтина, из двух Цинцаройских могильников, железный и другой инвентарь которых вполне совпадает с инвентарем могильника в ущелье Хртаноц.

¹ R. Chirschman, Le Trésor de Sakkez. *Artibus Asiae*, т. XIII, № 3, 1950, fig. 8, et 14.

² Использована соответствующая работа Вирхова в армянском переводе («Կոն-կուսի տեղը բաղաբաղրթութիւնն պատմութիւն մեջ», Աղագրական Հանդէս, դիրք Ա, 1895, էջ 54—116.

³ J. de Morgan, ук. соч., т. 1.

⁴ Приведенный материал, за исключением моргановского, еще не опубликован.

В то время как бронзовые пояса относятся в значительной своей части к эпохе железа, огромное большинство браслетов из Хртаноцкого могильника, сохранив свою традиционную форму, находит многочисленные аналогии как среди инвентаря из могильников эпохи бронзы, так и среди материалов из могильников железного века. К этой категории браслетов относятся все группы выделенных выше образцов (за исключением шестой группы), широко распространенных на территории Армении. Мы уже видели, что этим (коллекционным) группам соответствуют и браслеты, обнаруженные в кромлехах, раскопанных в 1950 году, и что выделение отдельных браслетов в различные группы было вызвано одинаковостью их формами и размерами. Это обстоятельство неизбежно ведет к той мысли, что отдельные группы браслетов были отлиты в определенных каменных или глиняных формах, но вес браслетов одной определенной группы различный, в зависимости от приплавов. Точно такая картина наблюдается при анализе браслетов из могильников Лалвара. Эти факты привели Ж. Моргана к заманчивой, но не оправдавшей себя гипотезе о кавказском цикле и о тождественности его с ассирийским. Действительно, было бы заманчиво, и на первый взгляд даже естественно, увидеть в этих браслетах какие-то меновые единицы в условиях широкого междуобщинного обмена; однако факты не позволяют пока делать подобные выводы. В результате работы над коллекцией браслетов хртаноцкого и других могильников Армении, мы неоднократно получали совершенно противоречивые весовые данные, что лишало возможности анализировать материал по весу. А Ж. Моргану удалось построить такую привлекательную схему только потому, что он брал из всех коллекций лишь те браслеты, которые по весу делились на 2,4 и т. д., а остальные браслеты им оставались в стороне; кроме того, в основе его схемы лежат не определенные весовые данные, а абстрактные, произвольно взятые средние весовые величины. Просматривая моргановскую таблицу (Mission..., т. I, стр. 109), легко убедиться, что в ней приведены самые разнообразнейшие браслеты, которые по своему весу могут быть разделены не только на кратные, но и на некратные цифры. Также весьма условно группированы в ней отдельные браслеты. Так, в группе «D» имеется браслет, весящий 35 граммов, в той же группе другой браслет весит 44 грамма, между тем один из браслетов группы «C» весит 33 грамма. Возникает вопрос, не лучше ли браслет в 35 граммов группы «D» включить в группу «C» (тогда разница будет всего на 2 грамма), чем в группу «D», где получается разница на целых 9 граммов? Можно привести множество таких примеров, показывающих ошибочность этой гипотезы. Однако, сама идея о применении некоторой части бронзовых браслетов в качестве меновых единиц заслуживает, конечно, серьезного внимания, так как в условиях высокого развития междуобщинного обмена, непременно должны были существовать какие-то единицы—эквиваленты: скот, мегалл и пр.

Шестая, по порядку, группа, состоящая из шести змеиноголовых, двух четковидных железных браслетов и одного двойного браслета характерна, в частности, для эпохи широкого освоения железа.

Первый из змеиноголовых браслетов (табл. XVI, рис. 4, кромлех № 3) отличается от других массивными, сильно стилизованными головками, на которых особенно четко выделены глазницы и пасти. Два совершенно аналогичных браслета происходят из урартских крепостей на Кармир-блуре и в Цовинаре. Змеиноголовые же браслеты, найденные в Малаклинском могильнике, в Армавире (ГМА, инв. 13336) и эрмитажный браслет из селения Заким (б. Карсская обл.), обнаруживающие близкое сходство с подобными браслетами из Луристана, несколько отличаются от наших более подчеркнутыми подробностями морды: резко выраженными поднятыми ноздрями, валиками бровей, более четко выраженными круглыми глазами. Но общее сходство этих браслетов состоит в том, что эти массивные головки грубо переданы почти в кубической форме.

Б. А. Куфтин на основании анализа закимского и гушчинского комплексов показал, что появление браслетов типа малаклю на территории Армении связано с урартской культурной средой¹. Однако несколько труднее утверждать то же самое относительно наших браслетов, так как сопоставление их с малаклинскими указывает все же на некоторые их стилистические отличия, что объясняется их местным изготовлением, по-видимому, первоначально по урартскому мотиву, но отнюдь не по форме. Трудно представить, чтобы в условиях высокого развития бронзовой металлургии и широкого распространения культа змеи в Закавказье местные племена стали бы копировать подлинно урартские браслеты. Нам представляется поэтому, что в северной Армении переняли у урартов «идею» изготовления подобных браслетов. На это намекает также изучение остальных змеиноголовых браслетов, совершенно стилизованных и менее массивных. Второй браслет из того же третьего кромлеха украшен на концах менее массивными подкубическими головками (табл. XVI, рис. 2) с особенно подчеркнутыми глазами и надбровными дугами, а также несколько выступающей верхней челюстью по сравнению с нижней. Этому браслету соответствует и по форме и по размерам браслет, происходящий из кромлеха № 1 (табл. XIII, рис. 30), а также браслет из раскопок того же могильника, раскопанного в 1929 г. Эти браслеты настолько аналогичны, что отливка их в одной форме не вызывает сомнений. Браслет этого типа был обнаружен Е. С. Такайшвили при раскопках Ворнакского могильника (табл. XVII, рис. 3, инв. 16728), два браслета при раскопках урартской крепости Тейшебаини, один браслет из города Ирпуни (Аринберд), несколько браслетов из района оз. Севан², два браслета из упомянутого выше гюлакаракского погребения (инв. 1465/3а, 1300а), два—из погребения с. Бджни (инв. 319, 20), инвентарь которого вполне соответствует материалу из Головино, один браслет из раскопанной в с. Ани-Пемза могилы (4876) и один браслет из с. Цовинар Нор-Баязетского района (инв. 120/2). К северу от указанных встречается очень незначительное количество подобных браслетов. Здесь нам известны два сходных браслета: один из погребения у с. Мхарт, Борчалинского района, один из курга-

¹ Б. А. Куфтин, *ук. соч.*, стр. 40—45.

² *Ե. Հակոբյան, Պատմամշակութային հուշարձանները Խորհրդային Հայաստանում, նկ. 146.*

на близ Смелы¹, где подобные браслеты совершенно не характерны и, наконец, эрмитажный экземпляр (инв. 17194), приобретенный покупкой в Азербайджане. Погребальный комплекс с. Мхарт, откуда происходит змеиноголовый браслет, нам неизвестен, но Б. А. Куфтин датирует его ванской эпохой. Третий браслет, происходящий также из кромлеха № 3, представлен двумя фрагментами, один из концов отсутствует, другой — украшен плоской головкой длинноухого животного (табл. XVI, рис. 4). Браслет этот точно соответствует тому, который был обнаружен Б. А. Куфтиным в Бешташенском могильнике, датированном на основании наконечников стрел скифского образца, может быть концом VI в. до н. э. Железный инвентарь могильника характеризуется изогнутыми ножами и наконечниками копий урартского типа. Четвертый браслет из того же кромлеха отличается от только что приведенных. Уплощенные его концы симметрично расширены в головной части, напоминая головки змей, а по наружной поверхности головок проведены продольные линии (табл. XVI, рис. 19). Единственную аналогию этот браслет находит в инвентаре из могильника, раскопанного Н. Я. Марром в Ворнаке (Эрмитаж, инв. 16969). На головках этого последнего, в расширенных местах кружками обозначены глаза и точками ноздри. Возраст этого могильника, как уже было отмечено, определяется железным инвентарем и скифскими стрелками позднего типа. Таким образом время распространения этих браслетов падает в основном на период VII—VI вв. до н. э. Особенно характерны они для территории Армении; браслеты эти сравнительно меньше встречаются в южной Грузии и не встречаются в других районах Грузии. К этому же времени относится сложенный вдвое браслет из довольно толстого бронзового прута, обнаруженный в кромлехе № 1. Подобные браслеты особенно характерны для Цинцаройских могильников (VII—VI вв. до н. э.), где совместно с ними были обнаружены гладкие бронзовые пояса, как в кромлехе ущ. Хртаноц, и другой, очень родственной инвентарь². С другой стороны, они известны в нескольких экземплярах из раскопок Н. Я. Марра (Эрмитаж, инв. 16928, 15929 и др.) в Ворнаке, Е. Лалаяна на Севане³ и А. О. Мнацаканяна близ Кахсинского древнего поселения (инв. 1904/3, 4).

Из раскопок Хртаноцкого могильника происходят также железные четковидные браслеты (табл. V, рис. 24), совершенно сходные с браслетами, обнаруженными П. Ф. Петровым в могильнике с. Малакю. В то время как браслеты VI группы характерны лишь для эпохи широкого использования железа, в кромлехах ущелья Хртаноц встречаются (редко) и такие украшения, которые вовсе не характерны для данной эпохи и представлены здесь как пережиточные формы. К этому виду украшений относятся колоколовидные подвески, находящие также аналогии в соседних районах. В кромлехе № 2, в маленьком сосудике—«кладе» вместе с другими предметами была обнаружена бронзовая колоколовидная под-

¹ А. Бобринский, Курганы близ Смелы, табл. XI, рис. 4.

² Б. А. Куфтин, *ук. соч.*, стр. 64, рис. 51.

³ Ե. Լալայան, Համրանների պեղումները Մորհրդային Հայաստանում, ԿԿ, 148.

веска, отлитая по восковой модели (табл. XV, рис. 11). Ажурная поверхность ее была украшена тремя спиральными завитками, сверху она имела большое ушко для подвешивания (через шею), а в самой расширенной нижней части — три крючка, на которых сохранились отдельные звенья цепочки. Недалеко от сосудика были найдены бронзовые плодovidные маленькие подвесочки с петелькой в верхней части, в одном комочке с бронзовыми цепочками. Сличение звеньев цепочки, сохранившихся на большой колоколовидной подвеске с цепочками плодovidных подвесок, не оставляет сомнения в том, что здесь мы имеем одни и те же цепочки, с помощью которых плодovidные подвесочки соединялись (подвешивались) с крючками колоколообразного украшения. Две подобные подвески с тремя рядами треугольных прорезей и обломанными ушками были обнаружены в крмлехе № 1 (табл. XIII, рис. 37) и два великолепных экземпляра при раскопках крмлеха № 3 (табл. XVI, рис. 15) в чаше—«кладе» вместе с большим количеством изящно изготовленных крупных и мелких украшений, покрытых молочной патиной. Среди мелких украшений имелись плодovidные подвесочки, конусовидная подвесочка с ушком, точно такая, как лалварские¹, две подвесочки, близко напоминающие серьги, и др. Колоколовидные ажурные подвески мастерски были отлиты в тонкой восковой модели. Поверхность их украшают три спирали, обрамленные двойным веревочным орнаментом. Сверх веревочных обрамлений имеется несколько полосок, среди которых одна украшена также веревочным орнаментом. Массивное ушко подвески, украшенное снаружи также веревочным орнаментом, имеет в диаметре 2 см, диаметр у нижнего основания подвески составляет 4,5 см, а высота ее — 6,5 см. Снизу эти подвески имеют по три крючка для подвешивания только что описанных мелких украшений, о чем свидетельствуют остатки цепочки, найденные в этой же чаше. Нужно отметить, что техника выполнения этих подвесок подходит к филиграну, характерной для более ранней поры развития закавказской металлургии. Все бронзовые предметы, найденные в этой чаше, отличались большой гибкостью. В других крмлехах подобные подвески не встречаются. Эти украшения, широко распространенные в эпоху поздней бронзы, главным образом в Азербайджане и Армении, ко времени интенсивного использования железа начинают исчезать. В погребениях конца II и начала I тысячелетий имеются многочисленные аналогичные украшения. Приведем только два примера, которые в то же самое время помогут точно реконструировать наши.

В погребальном кургане № 1 близ Ханлара Я. И. Гуммелем была обнаружена очень близкая к нашим колоколовидная подвеска с висящими на мелких цепочках конусовидными подвесочками. Инвентарь Ханларского кургана, ничем не связывающийся с памятниками эпохи широкого распространения железа, может быть отнесен, примерно, к первым векам I тыс. до н. э.²

¹ J. de Morgan, ук. соч., т. I, рис. 106

² Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940.

В одном из курганов близ с. Пашакенд (к ЮЗ от Нор-Баязета) Е. А. Лалаян обнаружил подобное украшение, с той только разницей, что к колоколовидной ажурной подвеске были присоединены цепочками через крючки не массивные, а ажурные «плодовидные» подвесочки.

Большой интерес представляет и другое украшение, состоящее из бронзовых трубочек. В материалах из раскопок могильника в ущелье Хртаноц они представлены в сравнительно большом количестве. В кромлехе № 1 две бронзовые трубочки с украшенной пятью полосками ромбического орнамента поверхностью были найдены недалеко от черепа (№ 22), вероятно у грудной части скелета. Бронзовые трубочки, орнаментированные или неорнаментированные, характерны для могильников Закавказья, относящихся к эпохам поздней бронзы и железа (Севан, Головино, «Редкий Лагерь», Ворнак, Лалвар, некоторые погребения триалетских могильников, Самтавро, Шамхор, Ханлар и др.). На территории Северного Кавказа они также нередки. Здесь они были обнаружены в Северной Осетии (Кобань), Дагестане и в предскифских могильниках северо-восточного Кавказа (с. Хорочой). Орнаментированные трубочки из кромлеха № 1 особенно близкие аналогии находят среди материалов Моргана из Садахло². Назначение этих трубочек не совсем ясно. Многие считают их наконечниками, но такое предположение в данном случае неубедительно. Ж. Морган в одном из каменных ящиков в Мусиери, у грудной клетки скелета обнаружил большое роскошное украшение, состоящее из бронзовых трубочек, крупных бусин из кости, конусовидных подвесочек и тонких орнаментированных «булавок», соединенных между собою веревкой (остатки которой сохранились)³. Нижний конец этого составного украшения завершался конусовидными украшениями, а верхний—прикреплялся к кольцу, надетому на головку «булавки». Реставрация Моргана отражает, на наш взгляд, приблизительно верную картину. Об этом свидетельствуют некоторые детали подобного украшения, найденные при раскопках Хртаноцкого могильника в 1929 году («гофрированные» бронзовые трубочки с надетыми на конце черными крупными бусинами, иногда подкубической формы белопастовые крупные бусы, а также крупные бусы из зеленоватого стекла). Безусловно, в различных местах эти украшения должны были быть разными, в зависимости от традиций и состоятельности носителя украшения, но в общем они характерны для многих кавказских племен.

Среди материалов Хртаноцкого могильника огромный интерес представляют бусы из белой и голубой пасты, агата, сердолика, яшмы и стекла, особенно характерные для памятников Армении, эпохи интенсивного освоения железа. Бусы в виде «домино», обнаруженные в большом количестве в кромлехе № 8 вместе с бисером из белой и голубой пасты, находят ближайшие соответствия среди ожерелий из двух синхронных Хртаноцкому могильников у сел. Цинцаро и Гуниа-кала в Триалети. Одна

¹ Ե. Ա. Լալայան, Գործարանների պեղումների և որհրդային հայտնաբերումներ, նկ. 130.

² J. de Morgan, ук. соч., рис. 102.

³ Там же, рис. 103.

такая бусина происходит из раскопок городского поселения Кармир-блугра. Б. А. Куфтин, исследовавший эти триалетские могильники (1937 г.), указал вполне справедливо, что подобные бусы бытовали в Закавказье на протяжении весьма ограниченного промежутка времени и поэтому они типичны для могильников, синхронных Цинцаройским¹.

Но нельзя согласиться с предположением Б. А. Куфтина о том, «что эти бусы до сих пор остаются тесно связанными с районом Триалети...» и что поэтому отдельные могилы Редкина Лагеря, Нор-Баязетского района и нижнего этажа Самтаврского могильника, где были обнаружены подобные бусы, «не могут никак оказаться древнее описываемой группы триалетских могильников с белыми тальковыми бусами, поскольку иначе цалкинская буса не могла бы попасть в 59 погребение «Редкина Лагеря». То же можно сказать и о 565-ом погребении Байэрна из нижнего яруса Самтавро, с его характерным инвентарем»².

Находки белопастовых бус в 59-ом погребении «Редкина Лагеря», в 565-ом погребении Самтавро, в некоторых погребениях района оз. Севан и особенно наличие их в большом количестве в кромлехе № 8 могильника ущелья Хртаноц, а также в погребении № 1 около древнего Кахсинского поселения в ущелье р. Раздан в сопровождении мелкого разноцветного бисера и круглых подвесочек из голубой пасты³ указывают на то обстоятельство, что бусы этого типа были широко распространены во всей Армении в период интенсивного освоения железа и не являлись характерными только для Триалети. Нам кажется, что упомянутые погребения «Редкина Лагеря» и Самтавро являются более древними и, действительно, триалетские бусы никак не могли бы попасть в эти погребения. Дело в том, что сопровождающий бусы в виде «домино» бисер встречается во многих могильниках не только Армении, но и всего Закавказья этой поры и даже в таких отдаленных местах, как Сисианский район Арм. ССР⁴.

Помимо всего этого, в комплексе бус из Хртаноца представлены еще четырехгранно-столбчатые бусы с горизонтальными нарезками на внешней поверхности и плоские бусы типа «домино», изготовленные из белой кости. Подобные бусы в единичных экземплярах известны только из раскопок Н. Я. Марра в Ворнаке (Эрмитаж, инв. № 16942). Это костяные плоские бусы с тремя резными кружками на больших поверхностях и тремя сквозными поперечными отверстиями. Бусы в виде «домино», бисер, бусинки кубической, овальной, бочкообразной формы из белой или голубой пасты, а также костяные бусы составляют единый комплекс, характерный для VII—VI вв. до н. э., и поэтому трудно представить, что весь этот сложный комплекс был привезен из района Триалети, как это думает Б. А. Куфтин.

¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 57—59.

² Там же.

³ Материал из кахсинских погребений не опубликован.

⁴ Опубликованные М. С. Асратяном бусы несколько отличаются от бус в виде «домино», представляя собой позднейший пережиток. «Известия» АН Арм. ССР, 1, 1952.

Вместе с бусами из белой пасты и кости в погребениях ущ. Хртаноц были обнаружены сердоликовые, сардониковые и яшмовые бусы, служащие показателями культурных связей Закавказья со странами древнего Востока.

Овальной, реже шаровидной формы сердоликовые бусы были большей частью сверлены штифтом с двух противоположных сторон. Сердоликовые бусы этого типа получили в Армении широкое распространение особенно в урартскую эпоху. В одном из помещений западного здания на Кармир-блуре было обнаружено ожерелье из сердоликовых и сардониковых бус, среди которых встречались и розовые бусы шаровидной формы, сверленные только с одной стороны трубкой. Бусы, изготовленные подобной техникой, встречаются среди хртаноцских ожерелий. В могильниках на территории Северного Кавказа подобные бусы встречаются часто, но в меньшем количестве (Пятигорск, Моздок, Дагестан и мн. др.). Г. Г. Леммлейн их родиной считает Ассирию, а распространение этих бус на Кавказе относит к X—VI вв. до н. э.¹

Сардониковые бусы являются, главным образом, боченковидными, но среди них попадаются и овально-плоские и цилиндрические. Боченкообразные бусы точно соответствуют ожерелью, обнаруженному на Кармир-блуре. Овально-плоские же бусы близко напоминают бусину с именем ассирийского царя Ададнрари, найденную Э. Реслером в Ходжалах². По технике сверления сардониковые бусы соответствуют сердоликовым бусам Кармир-блур, сверленным трубкой. Формальная и техническая близость этих изделий с ассирийскими делает возможным предположение об их ассирийском происхождении, но утвердительно ответить на этот вопрос пока рано, возможно, что часть этих бус является местной. По сравнению с сердоликовыми агатовые бусы в могильниках Закавказья менее распространены, но встречаются в большом количестве именно в погребениях урартского времени. На территорию Северного Кавказа они попадали через Закавказье. Здесь они встречаются не редко, но в малом количестве. В единичных экземплярах они известны из окрестностей Пятигорска (Каррас, Чеснок гора и др.), могильников Моздока и Константиновки, из Ахалгорийского клада, Дагестана и др. мест, но первоклассный интерес представляет то обстоятельство, что таковые были обнаружены в могильниках скифского времени у сел. Исти-су и Бойси-ирзо (сев. вост. Кавказ) вместе с сердоликовыми бусами и железным инвентарем, очень близкими к нашим, и, кроме того, в Маджалисе и в предскифских погребениях у с. Хорочой.

В наименьшем количестве представлены типичные стеклянные бусы. Первым делом нужно упомянуть крупную подквадратную бусину из зеленоватого стекла, найденную в кромлехе № 2 вместе с бусами рассмотренных уже типов.

¹ Г. Г. Леммлейн, Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, вып. XVII, стр. 22—30, 19.

² И. И. Мещанинов, К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника. ИООИА, № 3, 1926 г., а также И. И. Мещанинов, Ассирийская вотивная бусина из Азербайджана, ИООИА, № 2, 1926.

Точно такие же стеклянные бусы были обнаружены во время раскопок урартской крепости Тейшебаини¹. Очень близкие по форме к кармир-блурским стеклянные бусы происходят из раскопок могильника в Мусиери, отнесенного Ж. Морганом к III своей группе, а также из погребений нижнего этажа Самтаврского могильника. Таким образом, в то время как сердоликовые и сардониковые бусы можно приурочить вообще к урартскому времени, подквадратные из зеленоватого стекла бусы относятся, по всей вероятности, к VII—VI вв. до н. э. К этому времени относится и другая крупная бусина биконической формы с центральным отверстием, изготовленная из того же материала. Точно такая бусина происходит из Так-килисинского могильника в Триалети², где комплексы бус и металлических изделий вполне соответствуют комплексам из Хртаноцкого могильника. Так-килисинский могильник датирован Б. А. Куфтиным временем урартской экспансии.

Анализ бронзовой и керамической посуды подтверждает датировку всего комплекса из Хртаноца VII—VI вв. до н. э. Бронзовая посуда, совершенно не встречавшаяся в погребениях эпохи бронзы, появляется в Закавказье в урартское время. Находки бронзовых сосудов здесь весьма немногочисленны (Малаклю, Пашакенд, Головино, Кармир-блур, Мингечаур), но характерны. Одни из них относятся к кругу ассирийских, другие—урартских, а некоторые—местных изделий. Чаша-фиала (табл. IX, рис. 1), имеющая на дне розетку с выпуклыми лепестками, не находит аналогии ни среди фиал из Вана, Кармир-блур и Малаклю, относящихся к кругу ассирийских изделий, ни среди собственно ассирийских изделий. Эту фиалу несколько напоминает чаша-фиала ассирийского типа, обнаруженная в помещении № 12 на Кармир-блуре, но ближайшие аналогии она находит в чашах позднего типа, обнаруженных в Пашакендском и Мингечаурском могильниках. Остальные две простые чаши, описанные во второй главе этой работы, довольно близко напоминают урартского типа чашу из листовой бронзы, обнаруженную в помещении № 18 на Кармир-блуре вместе с предметами скифского конского убора. Вспомним, что чаши, обнаруженные в этом помещении, относятся к двум типам: 1) чаши с отогнутым широким венчиком, 2) чаши с вертикально стоящим низким бортом. Как раз эти последние соответствуют по форме хртаноцским.

Глиняная посуда Хртаноцкого могильника указывает на более близкие связи с урартской керамикой из города Тейшебаини. Урартская краснолощенная керамика широко известных форм, носящих иногда иероглифические урартские клейма, обнаруженная на территории Армении (Малаклю, Армавир-блур, Кармир-блур, Арин-берд), относится определенно к VIII—VI вв. до н. э. и несколько отличается от керамики центральной части Урарту более светлым ангобом. К сожалению, керамика из других урартских поселений Армении совершенно не изучена и трудно сказать, какая местная керамика сопровождает урартскую. На Кармир-блуре же встречается большое количество местных керамических изделий, совпа-

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, рис. 29.

² Б. А. Куфтин, *и.к. соч.*

дающих по форме с керамикой из могильников раннего железного века, как это видно из описания керамики могильника в ущ. Хртаноц. Кармир-блуре, городского поселения и могильника близ этой урартской цитадели. Наиболее характерным образцом местной керамики, встречавшейся в урартских поселениях, являются чернолощеные или серые кувшины, ручки которых имеют перегиб в средней части и украшены рядом глубокоштампованных треугольников, находящихся друг на друга вершинами, или же мелких четырехугольников, всажённых друг подле друга.

Один из этих кувшинов (табл. XI, рис. 5) из Хртаноцкого могильника украшен ниже горла тремя рельефными валиками. На верхней половине корпуса, ниже валиков, расположен ряд треугольников, наведенных лощением, обращенных остриями вниз и заполненных горизонтальными линиями. Ручка сосуда имеет перегиб и вертикальную прорезь. Точно такой же кувшин (больших размеров) происходит из раскопок на Кармир-блуре (табл. XI, рис. 7). Сравнение их не оставляет никакого сомнения даже в том, что кармирблурский кувшин принесен урартами из какого-то местного поселения. Близкие к этим кувшины происходят из могильников Лалвара VII—VI вв. до н. э.

Более массовый характер носят в могильнике Хртаноц кувшины с дугообразными ручками, имеющими характерный узор в виде вдавленных треугольников, но не имеющими перегиба на середине (табл. XI, рис. 6). Такие сосуды были обнаружены, как мы уже видели, в помещениях Кармирблурской цитадели, где они представлены чаще всего только ручками от сосудов, и в могильниках Севанского района (раскопки Е. А. Лалаяна¹).

Другая группа сосудов Хртаноцкого могильника также находит аналогии среди местной керамики урартских поселений. Это сосуды с широким горлом, украшенные семячковым однорядным или двух-трехрядным орнаментом, отличаются от наших только тем, что орнамент расположен здесь в трех рядах. Такое, однако, отличие не может играть решающей роли, так как над плитами перекрытия кромлеха № 1 и в самом кромлехе были обнаружены черепки горшков, украшенных тремя рядами семячкового орнамента (табл. XI, рис. 2).

Следующая группа керамики, состоящая из чернолощеных мисок с вогнутым венчиком и одним или несколькими подтреугольными выступами, прикрепленными у основания венчика (табл. XI, рис. 1), особенно характерна для Хртаноцкого могильника. В цитадели на Кармир-блуре она вовсе не встречается. Обнаруженные в могильнике Кармир-блуре чернолощеные миски сходны с нашими по выступу, подтреугольному в плане, проткнутому вертикальным отверстием, но отличаются от них вертикальным бортом (табл. XXI). Очень близкие к последним по форме ручки были обнаружены в кварталах города у Кармир-блуре (табл. XXI), в весьма отдаленном Сисианском районе (Арм. ССР) при раскопках дольменовидного сооружения², а также при раскопках Е. Лалаяна на Севане³.

¹ Մ. Քարիբուրջյան, Վեդիքոսի երկիրը, նյութեր չրս չայտարար պատմաբան, հ. 1, էջ 179:

² Результаты раскопок не опубликованы.

³ Ե. Լալայան, Գամրանների պեղումները Սորթղայի չայտարարում, նկ. 28:

где имеется керамика, очень близкая к нашей. Таким образом, при всех формальных отличиях этих сосудов, постоянное сходство их выказывается при сравнении ручек, что определенно говорит о единых приемах их изготовления и о едином их назначении.

Группу местной керамики, характерную как для кармирблурского комплекса памятников, так и для закавказских могильников эпохи широкого освоения железа составляют так называемые маслбойки, описанные нами в трех случаях (погр. № 2 с. Головино, город близ Кармир-блур и цитадель). Подобная маслбойка происходит еще из раскопок Так-килисинского могильника¹, обнаруживающего очень много сходных черт с могильником ущелья Хртаноц. Как общее замечание, нужно сказать, что помимо комплексов железных, бронзовых, пастовых предметов, аналогичных нашим, в Так-килисинском и Цинцаройском могильниках выступает довольно близкая к нашей керамика (маслбойка, чернолощенные кувшины, украшенные горизонтальными линиями ниже горла и заштрихованными треугольниками, наведенными по корпусу лощением, кружки с вогнутыми широкими полосками на внешней поверхности и др.).

Маслбойка, обнаруженная в городских жилищах, отличается от других тем, что поверхность ее орнаментирована гребенчатым штампом. Кроме того, остается не выясненным вопрос: маслбойки, обнаруженные в могильниках Закавказья имели ли внутренние выступы, подобно Кармир-блурским, или нет? Мы думаем, что вопрос назначения этих сосудов можно считать решенным. На то, что мы имеем в данном случае маслбойку, указывает наличие на подобных сосудах горизонтальной ручки и отверстия около него. В пользу этого соображения говорят также этнографические параллели. С. И. Макалатиа указывает², что в Мтиулетии подобные маслбойки применяются до наших дней и описывает несколько аналогичных кармирблурской маслбоек. Нужно дополнить, что очень близкие по форме маслбойки применяются до сих пор и в селах Армении.

Вместе с маслбойкой в погребении № 2 у с. Головино был обнаружен одноручный (с перегибом) желто-коричневый лощеный кувшин, поверхность которого украшена рельефными дугами, заполненными лучами, идущими от центрального выступа веерообразно (табл. XX, рис. 6). Подобные, богато украшенные сосуды весьма характерны для Лалварских могильников. Здесь они были встречены неоднократно Ж. Морганом при раскопках погребений в Ахтале и Мусиери³. Сравнение лалварских сосудов с нашим не оставляет сомнения в их совершенной тождественности и делает возможным предположение, что сосуд погребения № 2 происходит из района Лалвара, так как он совершенно не характерен для керамики вообще Дилижанского района (Арм. ССР).

В жилищах городского поселения (помещ. №№ 5—6) найдены были два фрагмента подобного сосуда, описанные в третьей главе настоящей

¹ В. А. Куфтин, ук. соч.

² S. Makalathia, Einige ethnographisch-archeologische Parallelen aus Georgia, Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Bd. LX, Heft VI.

³ J. de Morgan, ук. соч., т. I.

работы (табл. XX). Наконец, характернейшую группу керамики Хртаноцского могильника составляют одноручные кружки с рельефно-вогнутыми полосками на внешней поверхности (табл. XI, рис. 4). В могильниках Армении, относящихся к раннему железному веку, такие кружки встречаются чаще по сравнению с другими образцами рассмотренной нами керамики. Точно такие кружки вместе с кувшинами с дугообразной, украшенной вдавленными треугольниками ручкой были обнаружены Е. А. Лалаяном при раскопках могильников Нор-Баязетского района¹. К сожалению, ни погребения, ни комплексы их выяснить не удалось. Очень близкие по форме кружки были обнаружены в Ворнакском могильнике при раскопках Н. Я. Марра (Государственный Эрмитаж, инв. 16809, 17208). Погребения, где были они обнаружены, остались не установленными, но, несомненно, эти керамические изделия относятся к более позднему времени (V—IV вв.). Они отличаются от наших чрезмерно грубой отделкой и представляют здесь выродившийся, нехарактерный тип керамики. Поразительную близость к нашей керамике обнаруживают глиняные кружки, найденные при раскопках Так-килисинского и Цинцаройского могильников в Триалети². Севернее Триалетского района подобные кружки не встречаются. Самым южным пунктом находки этого типа керамики является селение Сисиан, Сисианского района Арм. ССР, где при раскопках долменовидного сооружения было обнаружено большое количество черепков от керамики с рельефно-вогнутыми широкими полосками на внешней поверхности вместе с фрагментами мисок с подтреугольным продырявленным выступом, металлическим инвентарем и бусами (паста, сердолик), близкими к найденным в могильнике ущелья Хртаноц.

С другой стороны, большой интерес представляет находка кружки этого типа при раскопках помещения № 13 в цитадели на Кармир-блуре. Некоторые предметы, найденные в этом помещении, обнаруживают большое сходство с предметами, найденными в могильнике ущелья Хртаноц. К этой категории изделий относятся: обломки пояса, украшенного продольными полосами с точечным узором, массивные железные и бронзовые браслеты, изогнутые железные серпы, каменные бусы и т. п. Некоторые же другие изделия определяют время этого комплекса, помимо клинообразных надписей. К числу таковых относятся урартские гиревидные печати, ассирийская фаянсовая цилиндрическая печать со сценой охоты, скифская пастовая бусина полушаровидной формы с зарубками на поверхности, типа, широко распространенного в древнейших скифских погребениях, и другие вещи.

Место Хртаноцского могильника среди археологических памятников Армении

Рассмотрение инвентаря из могильников в ущелье Хртаноц в общей связи с инвентарем из одновременных закавказских археологических памятников совершенно определенно показало невозможность отождествле-

¹ Ե. Ալալայան, Դարձանիկի պեղումները Նոր-Բայազետի համալսարանում, ԿԳ. 88:

² Б. А. Куфтин, ук. соч., табл. XXIX.

ния его с культурами периода первоначального появления железа или же ахеменидского времени, хотя культура, только что рассмотренная нами, уходит своими корнями именно в глубь эпохи раннего железа и обнаруживает прочные связи с более поздней культурой так называемой ахеменидской эпохи. Вместе с тем изучение инвентаря Хртаноцкого могильника дало возможность установить наличие тесных культурных связей, с одной стороны, с позднеурартской и раннескифской культурами, а с другой стороны, тождество Хртаноцкого могильника с могильниками Армении и Закавказья, датированными совершенно определенно VII—VI вв. до н. э. Связи местной культуры с урартским административным центром—городом Тейшебаини, прочно датированным VII—VI вв. на основании письменных памятников, вырисовываются совершенно четко не только при анализе железного инвентаря (наконечники копий, серпы, ножи и пр.), но и при рассмотрении бронзовых изделий—продуктов ремесла и искусства (браслеты, пояса и пр.), ожерелий из стекла, пасты и полудрагоценных камней и местной керамики, представленной в кармирблурском комплексе кувшинами, мисками, орнаментированными горшками грубой выделки и т. п.

Близкие взаимоотношения закавказской и урартской культур в некоторой мере предопределили как развитие северо-кавказской и скифской культуры, так и широкие связи последних с Закавказьем и древним Востоком. Особенно четко прослеживаются связи закавказской культуры с культурой северо-восточного Кавказа (наконечники копий, ножи, сердоликовые и агатовые бусы, некоторые бронзовые изделия) и менее определенно с так называемой кобанской культурой. Приведенные нами северокавказские могильники датируются VII—VI вв. до н. э.

Прочные аргументы для датировки хртаноцкого инвентаря дает сопоставление его с железными (изогнутые ножи, топорик, некоторые наконечники копий) и бронзовыми (пояса, ножны, змеиноголовый браслет, конские уборы) изделиями из скифских богатых курганов Прикубанья (Келермес) и Приднепровья (курганы близ Смелы), датированных VII—VI вв. до н. э. Однако изучение археологических комплексов эпохи широкого освоения железа позволяет видеть реальные связи не только с северо-кавказскими и северо-причерноморскими скифами, но и со скифами, населявшими Приурмийский район, согласно сведениям ассирийских письменных источников и данным археологии (погр. в селе Гуци, клад в Саккизе), в течение VII—VI вв. до н. э. При этом особенно важно отметить, что огромное большинство рассмотренных нами археологических комплексов сопровождается трехгранными или двуперыми наконечниками стрел раннескифского образца, получившими широкое распространение на территории всего Кавказа и Переднего Востока в комплексах материалов VII—VI вв. до н. э., как это показали исследования Б. Б. Пиотровского¹, Б. А. Куфтина² и других ученых.

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 307—312.

² Б. А. Куфтин, ук. соч.

Обнаруживая резкое отличие от инвентаря из предшествующих и последующих во времени археологических памятников, инвентарь Хртаноцкого могильника прочными узами связан с инвентарем всех могильников Армении VII—VI вв. до н. э. по всем основным формам орудий и оружия (железные копья, ножи, кинжалы, пики, серпы, предметы украшения из камня и пасты и т. п.). Единичные предметы, тяготеющие к более ранним этапам развития металлургии, являются пережиточными образцами и не имеют никакого значения для датировки памятника.

Сказанное делает несомненной датировку могильника в ущелье Хртаноц временем VII—VI вв. до н. э.

ГЛАВА V

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ В АРМЕНИИ

Заканчивая рассмотрение археологических памятников Армении эпохи VII—VI вв. до н. э., необходимо отметить, что целый ряд новых элементов, выступивших в культуре данной эпохи, свидетельствует о коренных изменениях, предопределивших весьма существенные сдвиги в материальной и духовной жизни аборигенов страны.

Интенсивный рост земледелия и скотоводства, ремесла и междообщинного обмена создали необходимые условия для перехода местного общества на более высокую ступень общественного развития.

Еще с неолитических времен в Армении непрерывно развивалось ирригационное земледелие. В течение нескольких тысячелетий племена, населявшие Армению, из поколения в поколение создавали и безуданно совершенствовали множество ирригационных систем, служащих полезному распределению водных запасов страны в полном соответствии с запросами все растущей земледельческой культуры. К моменту урартской экспансии вся территория Армянской ССР была покрыта сложной сетью ирригационных систем, обнаруженных и исследованных в районах горы Арагац, Агмаганских гор, а также на Араратской равнине (Октембриянский район). Разница между горными и равнинными ирригационными сетями заключалась в том, что первые были сооружены на основе использования горных ручьев и, главным образом, снеговой воды, а вторые использовали воду реки Аракс — главной водной артерии Армении. Горные системы, генетически связанные с более ранними этапами развития земледелия и скотоводства, существовали в данную эпоху наряду с ирригационными каналами на Араратской равнине, возникшими в более позднюю эпоху, в условиях освоения долин населением страны, перехода скотоводства в низменные ее районы и широкого использования в хозяйстве железных орудий.

Сооружение ирригационных систем, связанных с крупными водными артериями, «повелительно требовало вмешательства централизованной силы правительства» с вытекающей отсюда функцией «организации публичных работ»¹.

¹ К. Маркс, Британское владычество в Индии. 1853. Сочинения. IX, 1933, стр. 348.

При экономическом освоении районов Армении, не захваченных ранее урартами в целях эксплуатации подвластного населения, урарты стали развивать ирригационное хозяйство страны, хотя, с другой стороны, их грабительские походы и увод населения приводили (местами) в упадок древние каналы орошения—объект заботы всей родовой организации. Урартские эпиграфические памятники сообщают именно о проводке каналов, связанных с водными артериями Армении. У одного из таких каналов в Октемберянском районе была обнаружена урартская клинообразная надпись, повествующая о проводке канала¹. Следующая надпись из того же района повествует о построении Аргиштихинили (МАК, V, стр. 54—57, табл. 10), а также о проводке четырех каналов из реки Муна².

Третья урартская надпись (звартноцская), принадлежащая как раз царю Руса II, строителю цитадели на Кармир-блуре, повествует о больших строительных работах, проведенных урартами в долине реки Раздан: «Руса, сын Аргишти, говорит: (в) долине страны Кутурлпни обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халда я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдарунн я провел»³. Проводка этого и других каналов, пробитых часто в толщах андезит-базальтовых скал, требовала огромных усилий местного населения и применения высококачественных железных орудий, которые, несомненно, широко использовались в хозяйстве⁴. К сожалению, раскопки могильников VII—VI вв. до нашей эры не дают надежных комплексов железных орудий, представляющих собой наиболее характерные признаки общественного производства данной эпохи.

Раскопками урартских поселений хорошо документируется земледелие. При раскопках на Топрак-кале были обнаружены железные лемехи плугов, серпы и вилы. Как мы уже видели, железные вилы и серпы были найдены также при раскопках Кармир-блур и в погребении № 2 у с. Головино, что служит основанием для предположения о применении подобных орудий и во всей Армении, тем более, что в могильниках этой поры встречается здесь такой сложный вид (для того времени) сельскохозяйственного орудия, как молотильная доска. Обнаружение деревянной молотилки в ахгалинском погребении № 47 (*in situ*) было взято под сомнение Е. А. Лалаяном. Однако находки таковых в одном из погребений

¹ М. В. Никольский, МАК, V, стр. 57—59.

² Г. А. Меликишвили, Урартоведческие заметки, ВДИ, № 3, стр. 174—175, 1951.

³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 26.

⁴ Акад. И. И. Мещанинов, преувеличивая роль урартской власти в создании оросительных каналов на территории Северной Армении и не учитывая факта наличия здесь ирригационной системы еще задолго до урартского владычества, пришел к ошибочному выводу о том, что «основное хозяйство Закавказья было скотоводство, достигнутое здесь вторжением халдов», а земледелие не могло развиваться в условиях отсутствия ирригационной сети (Ирригация в халдском периоде Закавказья. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6, стр. 11).

нижнего яруса северного участка Самтаврского могильника¹, а также в Триалети², а еще до этого в кургане № 2 близ Ханлара³, с несомненностью свидетельствуют, что молотильная доска, появившаяся в восточной Армении примерно в начале I тысячелетия, широко применялась в земледелии.

Наличие молотильной доски, а равным образом и огромного количества скелетов лошадей, быков и других животных при одиночных захоронениях, относящихся к эпохе железа, свидетельствует еще о другом, более важном моменте в жизни родоплеменной организации, а именно о зачаточном развитии частной собственности, все больше накапливаемой в отдельных семействах или в руках глав этих семейств в виде скота, рабов или домашней утвари, в условиях давно действующего отцовского права с наследованием имущества детьми.

В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» указывает, что «На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке»⁴.

В соответствии с вышеуказанным, вполне вероятно, что обрабатываемые участки земли, находившиеся еще в собственности сельской общины, представляются в пользование отдельным семьям или дворам, как это имело место в родовом строе Чечни и Дагестана⁵. Из описаний армянских деревень в Анабасисе следует все же, что в V в. до нашей эры обрабатываемые участки общинных земель находились в руках отдельных семейств. Постепенный процесс перехода к полной частной собственности хорошо наблюдается на этнографическом кавказском материале. В то время как до XIX в. у кабардинских и адигейских племен наблюдались следы племенной и родовой собственности над землей, при которой возможность выделения отдельных участков пахотной земли в обособленное владение дворов совершенно не исключалось, а дарение и продажа этих участков запрещались, в Дагестане и Чечне двор или семейная община являлись обычными собственниками пахотных земель. Покидая свои усадьбы, они допускали пользование ими путем особого платежа. В нераздельном обладании в Чечне оставались леса и не поддающиеся обработке земли⁶.

Обработке земли по отдельным участкам, а также широкому освоению плоскогорных долинных полей не противоречит предположение Б. Б. Пиотровского о том, что разрабатываемые участки земли на территории

¹ Т. П. Чубинишвили. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XII, № 1, стр. 61—67, 1950.

² По устному сообщению Б. А. Куфтина.

³ Я. И. Гуммель, Курган № 2 близ Ханлара, КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 1, 1941, стр. 136.

⁵ М. Ковалевский. Родовой быт, СПб, стр. 289—295, 1917.

⁶ Закон и обычай на Кавказе, СПб, стр. 60—65, 1910.

Армянской ССР в урартское время располагались на тех же местах, где и современные. В селе Загалу (Нор-Баязетский район) Б. Б. Пиотровский видел поля, орошавшиеся древним каналом, протекавшим по вырубленному в скале руслу, а около Цовинарской крепости на обрабатываемом ныне участке земли он обнаружил обсидиановый вкладыш серпа. Составные серпы, как известно, бытовали в Закавказье и в эпоху широкого освоения железа. Эти поля были заняты под посевы зерновых культур, виноградников, фруктовых садов и огородов. Раскопки могильников в этом отношении дают очень незначительный материал. Так, в погребении № 3 в Ворнаке около шейных позвонков женского скелета Е. С. Такайшвили обнаружил косточки кизила, служившие пронизями. В других могильниках этой поры какие-либо остатки земледельческих культур не обнаружены. Зато раскопки цитадели на Кармир-блуре, куда поступала дань из подвластных областей Армении, дали замечательный материал, документирующий высокий уровень местного земледелия. «Среди хлебных злаков,— пишет Б. Б. Пиотровский,— особое место занимали мягкая пшеница (*Triticum vulgare vill.*) и многорядный ячмень (*Hordeum vulgare L.*) различных сортов, связанных с аборигенными формами этих злаков. Встречаются также круглозерные сорта пшеницы и ячменя особенно высокого качества»¹.

В колоссальном количестве были представлены также запасы кунжута, широко распространенной в Ассирии и Урарту культуры, культивируемой, вероятно, урартами. Запасы ржи, проса, чечевицы обнаружены в сравнительно меньшем количестве. Ксенофонт, попавший в Армению во время отступления 10 тысяч греков (401 г. до нашей эры), представляет ее как страну земледельческой и скотоводческой культуры. По его словам, в деревнях Армении имелись в изобилии «пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино» (Анабасис, IV, 5, 26), а также «...всякое продовольствие, какое считается лучшим: убойный скот, старые душистые вина, изюм и всякие овощи...» (Анабасис, IV, 4, 9)².

Садоводство, хорошо документирующееся урартскими клинообразными текстами, представлено меньшими данными. Мы хорошо знаем, что недалеко от города Тейшебаини находились виноградники, которые, по всей вероятности, располагались на правом берегу реки Раздан, на месте, занятом ныне под виноградники. В помещениях Кармир-блуре было обнаружено большое количество углей виноградной лозы и в единичных случаях виноградные косточки, принадлежащие сорту Воскехат (Харджи) или же Гаран-дмак (определение С. Г. Погосяна). Таким образом, в период VII—VI вв. до н. э., в условиях тяжелого урартского гнета, быстрыми темпами развивалось ирригационное земледелие, конечно, не без влияния урартской культуры, выразившегося, в частности, в усовершенствовании оросительной сети и во введении новых земледельческих культур (кунжут, просо).

¹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, 1, Ереван, 1950, стр. 27—31.

² Анабасис, перевод М. И. Максимовой.

Крупнейшие перемены произошли в скотоводстве. Чрезмерное увеличение численности скота, а также накопление его в руках все больше обособляющихся, отдельных патриархальных семейств обусловили переход скотоводства в степные районы страны. Высокогорные луга, дававшие некогда неограниченные возможности для развития скотоводства, оказались теперь явно недостаточными, а высокое развитие земледелия в степных районах страны создавало надежную базу для зимовки скота. Однако, степные скотоводы не могли забыть горные богатые пастбища и в летнее время угоняли в горы скот, вместе с которым перекочевывала и часть племени. Бесперывное развитие скотоводства еще с неолитических времен в благоприятных природных условиях Армении служило решающим фактором, оказавшим существенное влияние на ход развития общества. Будучи наряду с земледелием основным видом хозяйства, скотоводство превратилось в основной источник для накопления богатств и собственности, дающий впервые прибавочный продукт (молочный, мясной), и тем самым стимул для межплеменного обмена. На основе развития скотоводства усиливалось имущественное неравенство между отдельными племенами еще задолго до урартской экспансии, а в период урартского владычества — и классовое расслоение внутри этих племен, ускоренное политическим и экономическим вмешательством урартов, опиравшихся в своей деятельности на местных правителей и на близстоящий к ним слой населения, но поработивших тысячи и тысячи соплеменников или сородичей тех же самых правителей. Вместе с тем скотоводство служило яблоком раздора в отношениях соседних племен, стремившихся приобрести скот и пастбища скорее путем военного грабежа и превративших таким образом войну в источник накопления богатств, в нормальное состояние жизни, в один из видов своеобразного производства.

Весьма ценные сведения о развитии скотоводства в Армении сохранили нам урартские клинописные тексты, описывающие походы урартских царей в районы Закавказья.

Летопись царя Сардура, сына Аргишти, открытая И. А. Орбели в нише на северном склоне Ванской скалы, рассказывает об упорной борьбе местных племен против урартов: «Сардур говорит: в том же году, третий раз направился я в страну Эриах¹, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин угнал в Биайну (центральную часть Урарту), крепости там построил, страну в мою страну включил. Богу Халду великому Сардур говорит: пленными там сделал я, 6436 мужчин там я взял, 15553 женщин угнал, всего 21989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увел. 1613 коней, 115 верблюдов, 16529 голов крупного рогатого скота я угнал, 37685 овец я угнал (IV, 19—33)»².

Раскопки рассмотренных и не рассмотренных нами могильников на территории Армянской ССР дают в этом отношении колоссальный мате-

¹ Район современного города Ленинакан (Арм. ССР).

² Б. Б. Piotrovskiy. Археология Закавказья, стр. 100. Любопытно, что раскопками одного из могильников указанного района добыто совершенно незначительное количество остеологических остатков животных.

риал, полностью подтверждающий сведения урартских текстов в отношении наличия большого количества стад крупного и мелкого рогатого скота. В них обнаруживаются, кроме того, такие виды животных, которые не интересовали урартов: козы, свиньи, собаки, кошки и др. Так, в одном из курганов (№ 1), раскопанных Лалаяном в местности «Ахпри Глух» (Нор-Баязетский район), содержащем 32 мужских и женских костяка, из коих огромное большинство представляло собою сопровождающую основное погребение (лежащее) массу костяков (сидячих или сваленных в кучу), было обнаружено большое количество целых скелетов животных: быков, козлов, овец, лошадей, собак, кошек и др.¹

Существеннейшим пробелом в этом отношении является то обстоятельство, что остеологический материал, добытый раскопками могильников в разное время, не подвергался часто специальному изучению, поэтому весьма трудно определить наличный богатый материал. Специальному изучению, однако, были подвергнуты скелеты или остатки их, обнаруженные в большом количестве при раскопках цитадели на Кармир-блуре, среди которых имеются костяки, часть которых принадлежит аборигенным породам животных. Так, из двух пород крупного рогатого скота одна сближалась с туром, исходным видом кавказского крупнорогатого скота². Скелеты ослов по пропорциям, размерам и внешнему виду не отличались от скелетов ослов широко распространенной в Закавказье аборигенной породы³. То же самое можно сказать о тонкорунных овцах (меринос), козах и свиньях, костными остатками которых изобилуют закавказские могильники.

По сообщению того же Ксенофонта «В домах содержались с детенышами козы, овцы, коровы, домашние птицы. Весь скот в домах кормился сеном». (Анабасис, IV, 5, 25). Другой греческий писатель, Геродот (484—425 до н. э.) пишет, что «армяне были богаты скотом». (История, V, 49)⁴.

Широко распространенным в Армении видом животных в эпоху широкого освоения железа были лошади, костяки которых встречаются в могильниках этой поры сплошь и рядом. Значение лошади в хозяйстве страны заключалось в том, что она служила равным образом как для целей земледелия—в качестве тягловой силы, о чем свидетельствует изображение двухколесной арбы, запряженной парой лошадей на лалварском поясе⁵, так и для нужд полукочевоего скотоводства, в качестве быстрой связи. Не ошибемся, если добавим, что она служила также и для военных целей, обеспечивая быстроту действий, от которых зависела, в значительной мере, успешная борьба местных племен против урартской первоклассной конницы.

¹ *Ե. Նալբանդյան, Արարատի շահերի, գիրք 14, էջ 17:*

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 113

³ Н. О. Бурчак-Абрамович, «Природа», № 2, 1948.

⁴ В. В. Матышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, № 2, 1947.

⁵ J. de Morgan, ук. соч., том 1.

В V в. до н. э., когда Армения входила в состав обширного Ахеменидского царства, в стране выводилась особая порода лошадей в «дань царю», как сообщает Ксенофонт (Анабасис, V, 5, 34). В VI веке, по свидетельству библейского автора Иезекииля, лошади и мулы из дома Торгома продавались на рынках Тира, а в VIII в. до н. э. урартами в порядке налога взимались лошади, разводимые специально в области Суби¹. Огромное значение лошади в хозяйстве этих племен отобразилось в погребальном обряде, вырисовывавшемся на основании археологического материала совершенно определенно.

В погребальном обряде Кавказа VII—VI вв. до н. э. мы встречаем повсеместно совместные захоронения человека и коня, что является показателем нового этапа в развитии погребального обряда, отражающего коренные изменения, происшедшие в области хозяйственной жизни страны в связи с ростом полукочевого скотоводства. Появление коня в погребальном обряде известно в Армении еще со времен Шахтагинского погребения, более часто они встречаются в могильниках эпохи бронзы, а в могильниках рассматриваемого периода эти погребения выступают в массовом порядке, что дает основание считать их погребениями основной массы мужского населения Армении. В курганах Нор-Баязетского района они настолько характерны, что своим наличием указывают даже на датировку могильников. Так, в группе курганов, расположенных у с. Загалу и относящихся примерно к VII—VI вв. до н. э., погребения коней встречаются почти в каждом из них (курганы №№ 12, 14, 15, 16, 56, 57 и ми. др.). Для других курганов этого района, некоторые из которых были приведены нами в настоящей главе, погребения коней также характерны. Целые костяки лошадей, захороненных вместе с человеком, были зарегистрированы и в могильниках более северных районов Закавказья (Головино, Самтавро, Цицамури, Двани и т. п.). Иной раз погребения лошадей представлены в могилах только черепами (Дманиси, Кировакан) или же удилами.

В поздних могильниках Азербайджана погребения человека и коня были открыты В. Бельком, производившим раскопки могильников Шамхорского района, относящихся в основной своей массе к эпохе железа².

Одно из этих погребений содержало богато украшенный лошадиный скелет, в то время как человеческие кости и соответствующий инвентарь совершенно отсутствовали. Это обстоятельство представляет особенный интерес, так как в данном случае, вероятно, мы имеем могилу культового животного, наподобие того, как в Нор-Баязетском районе были обнаружены погребения культовых быков.

Близ деревни Болчалы, на правом берегу р. Кочкара (б. Елисаветпольская губ.), Э. Респер раскопал большие курганы с деревянными помостами и трупосожжением, которые были реконструированы позднее А. А. Спициным следующим образом: «На самом нижнем помосте из бревен укладывали покойника с его конем, оружием и прочими погребальными предметами. На втором помосте были сложены дикие и домашние

¹ И. М. Дьяконов, О пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, № 1, стр. 96.

² Z f E, YBGAEU, 1894, H. 26. стр. 238.

животные, а также рабы, которые должны были сопутствовать своему господину в другой мир, верхняя решетка—помост—была занята костром, пламя которого охватывало все жертвенные предметы и остатки похоронного пира и в конце погребальной церемонии этот костер забрасывался грудой камней, которые, пробиваясь сквозь обгорелые бревна, производили в могиле настоящий хаос. После всего этого насыпался курган»¹.

Культ коня отразился также в изобразительном искусстве местных племен. Ряд бронзовых поясов (два из Севана, один из Сананна) изображает бегущих коней в сочетании с астральными знаками и стилизованным рисунком птицы, а бронзовый пояс из Лалвара изображает реалистическую картину пары запряженных в арбу лошадей и погонщика.

В археологии Северного Кавказа и южно-русских степей широко известны скифские богатые погребения, содержащие скелеты лошадей и другие предметы конского убора. Приведенные выше курганы бывш. Роменского уезда содержали до несколько десятков удил, но особенно примечательно то, что погребения коней встречаются на Северном Кавказе и в рядовых могилах основной массы скифского населения, как это отметил А. А. Иессен².

В эпосе Давид Сасунский, сохранившем в себе сложившиеся задолго до образования армянского народа древнейшие мифы, чудесный морской конь Куркик Джалали выносит Санасара из морских глубин, чтобы спалить его солнцем, и уносит на себе правнука его Мгера младшего в твердь земную, «завершая тем самым исконное для человечества представление о трех небесах...»³. Особенный интерес для данной темы представляет и то обстоятельство, что Мгер старший, поделивший с внуком, Мгером младшим, образ Митры, выступает как охотник, как убийца черного быка, символа тьмы и преисподней⁴, которого и приносят в жертву Митре—солнцу⁵.

При раскопках могильников в Армении встречались также могилы, содержащие только скелеты быков, дающие возможность установить наличие культа быка. Самым характерным памятником этого типа является могила, раскопанная Е. А. Лалаяном в местности «Мртпи дзор», в селе Кишлаг, Нор-Баязетского района⁶. По характеру своего инвентаря и конструктивно она резко отличается от всех погребений Закавказья, относящихся к эпохам бронзы и железа. Сверху она была покрыта невысокой

¹ А. А. Спицин, Археологические исследования Э. Ресслера в Елисаветпольской губ. в 1901 г., ИАК, вып. 16, стр. 4, 1905.

² Б. Б. П и о т р о в с к и й, А. А. Иессен, Моздокский могильник, Л.-д, стр. 31, 1940.

³ И. А. О р б е л и, Предисловие к «Давиду Сасунскому», Давид Сасунский. Ереван, 1939, стр. XXIV; «Սասունցի Դավիթ», էջ 46—47, Մ. Արեղյան, «Սասնա ծռեր», հատ. Ա, էջ 687—688.

⁴ И. А. О р б е л и, Предисловие стр. XXIII; «Սասունցի Դավիթ», Երևան, 1939, стр. 129—130; Давид Сасунский (на русск. яз.), стр. 131; Մ. Արեղյան, «Սասնա ծռեր», հատ. Ա, էջ 690—691.

⁵ По свидетельству Ксенофонта богу солнца приносили в жертву лошадей (Анабасис, IV, 35).

⁶ Ե. Լալայան, Դավրանների պեղումները Մոզդոկի շրջանում, էջ 79—80.

курганной насыпью, имеющей у основания кромлех из камней среднего размера, диаметром 20 м. Погребальный склеп (6×2,6 м.), облицованный каменными стенами, имел форму вытянутого четырехугольника и, не имея никакого перекрытия, был заполнен мелкими камнями и землей. Скелет быка был обнаружен на глубине четырех метров. Около него стояла миска, заполненная костями барана, а у хвоста были обнаружены глиняные трубы—курильницы (3 шт.) и маленький четырехугольный сосудик. Культурная значимость этих предметов не подлежит сомнению, так как среди инвентаря обычных закавказских могильников подобные предметы не встречаются и, кроме того, некоторые предметы из погребения быка носят на себе орнамент культового характера. Курильница, например, имела на себе изображение двух змей, выполненных точками, заполненными белой глиной. Неоднократные находки подобных курильниц (случайные приобретения) в Нор-Баязетском районе намекают на то, что погребение быка кишлагского кургана не является единственным памятником этого рода и что при условии вторичного исследования указанного района таковые могут быть обнаружены вновь.

О широком распространении культа быка в Закавказье свидетельствуют и другие факты. В Ходжалинском кургане № 2 в 1895 г. при раскопках Э. Реслера были обнаружены черепа быков, украшенных бронзовыми умбоновидными предметами, а также ажурная бронзовая головка быка и другие предметы культового значения.

На многих памятниках изобразительного искусства древности мы встречаем изображения реальных или же фантастических быков в сочетании с солярными знаками и другими рисунками, служащими целям религиозной символики¹.

Возвращаясь к вопросу животноводства, нужно отметить, что разведение скота обеспечивало население не только мясными и молочными продуктами, но и сырьем для ткацкого ремесла, широко применявшимся в материальном производстве страны, о чем свидетельствуют многочисленные находки головок пряслиц из глины, камня и кости, а также отдельные находки шерстяных тканей (Ахтала, погр. № 47, Дманиси и др.) в могильниках Армении. О высоком уровне развития ремесел свидетельствуют приведенные выше многочисленные данные. Особенно высокого уровня достигли гончарное, деревообрабатывающее, ткацкое и другие ремесла.

Но важнейшим событием в материальном производстве этой эпохи явилось быстрое и весьма широкое освоение железа, ставшего отныне основным и единственным материалом для изготовления орудий труда и оружия, вытеснившего окончательно из хозяйства каменные и бронзовые изделия, бытовавшие в жизни первобытного общества на протяжении многих тысячелетий. Бронзовые предметы труда и вооружения, встречаю-

¹ Древние историки рассказывают, что у мегяна богини Анаит паслись священные стада быков, предназначенных для жертвоприношения богине. Сама Анаит считалась попечительницей быков (см. *Պրնւտարրեայ Վերնադրոյ, Ջուգաղիքը, Թարգմ. Ե. Քոմսեան չ. Գ., Վենետիկ, 1833, էջ 563—563*). Подобного рода сведения сохранились также в рукописях Армянского Государственного книгохранилища (рукопись № 2679, стр. 1586, от 971—972 гг.) и в журнале «Աղագրական Հանդես»:

щиеся изредка в могильниках этой поры, становятся пережиточными видами изделий. Замена бронзовых изделий железными предметами, по качеству превосходящими бронзовые, вооружила первобытного человека совершенно новыми и мощными средствами в борьбе с природой, подняла производительность труда на новую, более высокую ступень, подрывая тем самым последние устои родовой организации и подготавливая прочную базу для более передового общественного строя.

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме», указывая на огромное значение перехода к железным орудиям, И. В. Сталин отметил, «...что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что он приведет в конце концов к рабовладельческому строю»¹.

Широкое и быстрое освоение железа в Армении было обусловлено несколькими обстоятельствами, связанными с общественным развитием всего Переднеазиатского мира. Развитие территориально локальных культур начала I тысячелетия в Чорохском, Алавердском, Борчалинском, Нагорно-Карабахском и Зангезурском меднорудных районах² создало возможности для перехода местных племен на новую ступень развития, сделало возможным довольно интенсивный межплеменной обмен, предотвратив тем самым затухание отдельных культурных очагов, связанных между собою довольно тесно. Взаимосвязь закавказской и северо-кавказской культур становится более интенсивной, а некоторые археологические находки позволяют даже установить места древних перевалов³, откуда попадали на Северный Кавказ изделия древневосточного происхождения. В период IX—VI вв. до н. э. огромную роль в развитии товарных отношений в Армении сыграло урартское царство, тесными узами связанное со странами Малой Азии. Таким образом, развитие материального производства племен, населявших Закавказье в I тысячелетии до н. э., подготовило уже почву для тесных связей со странами Малой Азии и древнего Востока, покрытого к тому времени сложной сетью торговых дорог, благоустроенных впоследствии царем Дарием I. Немаловажную роль в деле широкого освоения железа сыграло влияние урартской культуры. Урарты покорили значительную часть южных областей Закавказья, включили их в состав Ванского царства и связали, таким образом, весь Кавказ с древневосточными государствами.

Изучение железного инвентаря с несомненностью показывает большое сходство его с предметами, обнаруженными в урартских поселениях, что делает возможным предположение о поступлении ранних железных изделий в Закавказье из Урарту, тем более, что железная металлургия не могла возникнуть на основе бронзовой, как закономерная форма ее развития⁴. Однако к моменту VII—VI вв. до н. э. в железном инвентаре могиль-

¹ О диалектическом и историческом материализме, Госполитиздат, 1952, стр. 31.

² А. А. Иессен, Из истории древней металлургии Кавказа.

³ В могильнике, раскопанном Г. Гобеджишвили у с. Геби (верх. Раче), были обнаружены навкратийские скарабеи, очень близкие к обнаруженным в верховьях рек Чегема и Баксана, по ту сторону хребта. См. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 60.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 116.

ники на территории Армянской ССР и некоторых других районов Закавказья выделяются определенные группы предметов, имеющих независимые от урартских формы и тяготеющих скорее к формам бронзовых предметов, как это было видно при анализе инвентаря Хртаноцского могильника. Это обстоятельство указывает на далеко вошедший процесс освоения железа, происшедший в течение, по крайней мере, не одного столетия.

Особого сомнения не вызывает и то обстоятельство, что в период начальной стадии освоения железной металлургии в Закавказье железо поступало из богатых железорудных местонахождений, расположенных недалеко от Ванского озера, на которых и базировалась урартская металлургия. Армянские историки раннефеодальной эпохи (V в.) сохранили нам много сведений о богатых рудных местонахождениях Армении. При описании путешествия епископа Акопа историк Фавст Бузанд говорит о богатых железом и свинцом Рштунийских горах, называемых горами добывателей железа и свинца¹, наподобие того, как малоазийские горы (Тавр и др.) в ассирийских клинописных текстах называются «серебряными». Согласно данным средневековых источников, железорудными местонахождениями были очень богаты также армянская область Անգեղ տուն (Ангел тун) ныне Արղան-մադեն (Аргана-маден) и многие другие районы близ оз. Ван. Особо важное значение имеет то обстоятельство, что в одном из вариантов легенды об Ара Прекрасном² сохранились вполне достоверные сведения о высоко развитой урартской железной металлургии, чем и объясняются в легенде неоднократные победы урартов над ассирийцами. Точно такая же легенда, до мельчайших деталей соответствующая вышеупомянутой, сохранилась и о Давиде Сасунском, одержавшем с помощью грозного—меча—Авлуни победу над иноземными поработителями.

Вполне возможно, что поступление железа из указанных районов не прекратилось и в дальнейшем, в период интенсивного освоения железа в Закавказье. При раскопках цитадели на Кармир-блуре обнаружены большие массивные куски железа, которые не могут быть причислены к какому-нибудь виду оружия или орудий, что заставляет видеть в них привозное сырье. Однако с несомненностью можно сказать, что местная высоко развитая металлургия VII—VI вв. не могла уже базироваться на привозном сырье и должна была иметь местную сырьевую базу.

Геологические работы, проведенные в последнее время на территории Советской Армении и в других местах, показали, что железорудные месторождения, сопутствующие меднорудным базам, могли бы вполне удовлетворить запросы той отдаленной эпохи. Наиболее крупные из них расположены в Ноемберянском, отчасти в Иджеванском районах Арм. ССР и залегают либо в периферической части крупного Кохп—Шнохского интрузива, либо в прикантроктовой зоне интрузива (месторождения Цакери-дош, Беюк-Гекдаг, часть месторождения Мисхана). Менее богатые объекты расположены в Калининском (Медная и Черемша), Алаверд-

¹ Փ. Բուզանդ, Պատմութիւն նախնեաց, էջ 24, Վենետիկ, 1832:

² Ե. Շալալյան, Արղանքահան շահնէս, 1902, Երևան Թ-րդ, էջ 110—150:

³ Սանա ծոեր, Ե. ր:

ском (бас. р. Бабаджан) и Кироваканском (бас. р. Сисиджур) районах. Геолог И. Г. Магакьян, обследовавший эти железорудные месторождения северной Армении, утверждает, что «все перечисленные месторождения были известны еще в глубокой древности и разрабатывались, о чем говорит повсеместное наличие древних выработок обширных отвалов и скопленных шлаков плавки железных руд»¹.

И. Г. Магакьян отмечает, что в настоящее время ни одно месторождение железа не разрабатывается. В этом отношении незаурядный интерес представляет то обстоятельство, что на основании армянских средневековых литературных источников, а главным образом лапидарных надписей², можно установить, что богатые железные месторождения, расположенные в Ноемберянском районе, по прямой линии от селения Шнох (через Кохб, Манств) до селения Севкар (Черный камень) интенсивно разрабатывались в средние века, причем в надписях эти месторождения обычно называются *բուխր* (руды)—слово, которое употребляется крестьянами этих районов и сегодня. В настоящее время весьма трудно определить, какие именно из этих разработок относятся ко времени средневековья и какие—к более ранним этапам истории развития общества, но геолого-археологическая комплексная экспедиция с несомненностью установила бы места древнейших разработок, относящихся именно к эпохе широкого освоения железа, когда впервые были обнаружены и использованы эти богатства.

Вопрос добычи металла не может служить показателем производственной дифференциации, но представляет определенный интерес в свете высказывания К. Маркса о том, что «Различные общины находят различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собою по способу производства, образу жизни и производимым продуктом. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами»³.

Заканчивая обзор развития ремесла и, главным образом, освоения железной металлургии, следует отметить, что достигшее высокого развития ремесло находилось в руках отдельных ремесленников, явившихся первыми «торговцами», распространявшими свою продукцию по всему Закавказью. На это указывают чрезвычайно стандартные формы железных, бронзовых, керамических, каменных и других изделий⁴, а также находки каменных и глиняных форм для отливки бронзовых изделий. В знакомом уже нам Сисианском долменовидном могильном сооружении, инвентарь которого находил близкие аналогии среди материалов из Хрта-

¹ И. Г. Магакьян, Железорудные месторождения северной Армении, *Տեղեկագիր ՀՍՍՌ Գրտ. ահադանագիր*, № 1 (բն. գիտություններ), 1911.

² Կ. Կոստանյան, *Վերահաստատագիր*, ՍՊՐ, 1913.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, стр. 387—388.

⁴ Именно стандартизация форм изделий указывает на обособленное положение ремесла. При изучении южно-сибирской культуры карасукского времени С. В. Киселев на основании наличия малой стандартизации форм пришел к выводу о неособобленном положении литейного дела в указанный период. Наоборот, для более позднего тагарского времени он отмечает большую стандартизацию бронзовых изделий (Древняя история южной Сибири, МА СССР, № 9, 1949, стр. 95).

ноцкого могильника, было обнаружено четыре глиняных четырехгранно-удлиненных формы с продольными круглыми желобками на внешней поверхности для отливки металлических стержней. Не исключена возможность, что в данном случае мы имеем налицо погребение древнего мастера. Этнографические параллели подтверждают такое предположение. Лорийские крестьяне до последних времен сохранили обычай при похоронах класть в могилу вместе с покойником молот—если покойник был кузнецом, тесло—если он был столяром, бритву—если он был парикмахером, в общем инструмент, относящийся к его специальности¹.

Таким образом основными отраслями хозяйства в обществе VII—VI вв. на территории Армянской ССР являлись скотоводство, земледелие и ремесло, развивавшиеся на основе неразрывной взаимосвязи.

За первым общественным разделением труда, обусловленным высоким развитием земледелия и скотоводства, в эпоху широкого освоения железа последовало второе крупное общественное разделение труда: отделение ремесла от земледелия.

Археологические работы, произведенные в Армянской ССР по изучению памятников раннежелезной эпохи, дают также сравнительно большие возможности для восстановления приблизительной картины социальной жизни общества VII—VI вв., находящегося на пути разложения первобытных, доклассовых отношений и зарождения классовой дифференциации, усиленной под влиянием урартского владычества.

Лучшими свидетелями первобытно-общинного строя являются многочисленные крупные и мелкие могильные сооружения, циклопические крепости, поселения и ирригационные каналы, сооруженные некогда общими усилиями того или иного племени, покрывающие ныне сплошным покровом всю территорию Армении. Некоторые исследователи Закавказья считают, что эти грандиозные сооружения служат показателями широкого использования рабского труда, исходя из многочисленных данных о наличии большого количества рабов в эпоху бронзы и раннего железа. Однако подобное предположение, ведущее к отрицанию основных принципов родоплеменной организации, не может быть подтверждено фактами. В таком случае в курганах, кромлехах и других мегалитических сооружениях нужно было искать лишь погребения родоплеменной знати, владевшей огромным количеством рабов. Однако исследование могильников ясно показывает, что в конструктивно-однотипных могилах погребены представители как рядового, так и привилегированного слоев населения, подтверждая тем самым положение о принадлежности отдельных могильников отдельным родам или племенам, строившим совместными усилиями могилы сородичей или соплеменников по общепринятым нормам.

Таким же путем сооружались грандиозные по масштабу и по затраченной физической энергии ирригационные сооружения, циклопические крепости и поселения. Изучение крепостей, каналов древнего орошения, могильников и других крупных сооружений Закавказья, относящихся к ранним и сравнительно к более поздним этапам жизни данного общества, указы-

¹ Ծ. Հ ա լ ա ն, Աղաղրահան շանդէս, գիրք 10-րդ, էջ 170, 1903.

вают все же на большие перемены, происшедшие в социальной жизни аборигенов. Порою даже формы и размеры этих сооружений служат основанием для довольно интересных выводов и догадок.

Так, в крупных курганах раннебронзовой эпохи на Цалке мы имеем как чрезвычайно богатые погребения, содержащие первоклассные золотые вещи, так и довольно бедные погребения с незначительным инвентарем, которые внешне никак не отличаются друг от друга. По устройству же могильного сооружения эти курганы делятся на два типа: ямные и безъямные. Ямные погребения, покрытые сверху бревенчатым накатом, имеют форму вытянутого четырехугольника площадью до 100 кв. метров и глубиной от пяти до девяти метров; безъямные погребения состоят из огромных залов, также покрытых бревенчатым накатом и сооруженных прямо на земле. Площадь погребального зала кургана № XXXVI составляет 175 кв. метров, а высота стен, сложенных сухой кладкой, достигает до пяти метров. Погребения в Триалети, относящиеся к более позднему времени, не отличаются большими размерами, а погребения эпохи железа были заключены в мелкие каменные ящики, иногда не совсем аккуратно сложенные. Возьмем другие примеры. Ходжалинский курган (№ 1) позднебронзовой эпохи, раскопанный Э. Реслером, имел в окружности 680 футов, а в высоту 80 футов. Курган № 2 мало чем отличался от первого. Курганы этого могильного поля, относящиеся примерно к VII—VI вв. до н. э., имели невысокие и мелкие каменные насыпи. Курганы эпохи широкого освоения железа в Нор-Баязетском районе имели в окружности до 11 метров и в высоту до 1,2 м. Размеры погребальных сооружений по мере продвижения к нашей эпохе все уменьшаются.

При обследовании крепостей и поселений наблюдается другая очень интересная картина. Крепости, относящиеся к более ранним периодам жизни родового общества, внутри своих мощных оборонительных стен заключали все поселение, имеющее однотипные жилища, указывая тем самым на монолитность рода или племени, населявшего данное поселение. Крепости же, относящиеся, например, к урартскому времени, отличаются от более ранних не только по масштабам, но и по типу. Крепостное здание здесь, предназначенное для жилья особо важных лиц, отгорожено от поселения мощной стеной, а поселение, простирающееся за крепостной оградой, не имеет оборонительных стен и резко отличается от самой крепости архитектурно. Это обстоятельство само по себе указывает на процесс глубокого имущественного расслоения внутри отдельных племен и на разложение родового строя. Конечно, сооружение крепостей позднего типа для представителей знати осуществлялось также общими усилиями больших людских коллективов, в то время как жилища на поселениях строились, по всей вероятности, силами отдельных патриархальных семейств.

Для исследуемой эпохи типичную картину представляет поселение, расположенное в ущелье р. Раздан, около селения Кахси, Ахтинского района, Арм. ССР. По берегу реки, составляющей северную границу поселения, проведена замечательная циклопическая кладка, одно крыло ко-

торой, загибаясь на юго-восток, защищает поселение с указанной стороны. По сторонам древней проселочной дороги, проходящей с востока на запад и разделяющей поселение на две почти равные части, группами расположены отдельные комплексы жилищ, состоящие в основном из 4—5 помещений овальной или подчетыреугольной формы, архитектурно вполне соответствующих описанным выше жилищам в ущелье Хртаноц. Среди этих комплексов имеются и отдельные, не связанные между собой, овальной или круглой формы жилища. С южной стороны поселение упирается в шоссейную дорогу Ереван—Севан. Здесь, на юго-западной окраине его, где проходит линия новой железнодорожной трассы, был открыт случайно могильник, состоящий из каменных ящиков, дающих очень характерный для периода VII—VI вв. до н. э. материал¹. На территории поселения имеются также курганы, окруженные кругами камней. Даже первоначальное ознакомление с этим замечательным памятником показывает, что эти комплексы жилищ были предназначены для отдельных больших семейств и никак не могли служить общеродовыми жилищами.

Таким образом, крупные сооружения, относящиеся к более ранним этапам жизни родоплеменного строя, отличаются огромным количеством затраченной людской энергии, монолитностью и большими масштабами жилищ, в то время как в условиях широкого применения железа, более высокого развития производительных сил и прогрессивно увеличивающегося количества рабочих рук (за счет пленных, обращенных в рабство) мы видим картину локальной раздробленности поселений, деления их на разьединенные мелкие комплексы жилищ, порою с совершенно изолированным большим зданием на самом недоступном для противника пункте².

Глубокая имущественная дифференциация давным давно разлагала первобытное доклассовое общество, и этот процесс отразился уже в погребальном обряде. Так, из 40 однотипных погребений, раскопанных Е. С. Такайшвили в Ворнаке, лишь некоторые оказались богатыми (№ 16, 5), основная же масса погребений содержала только керамические сосуды. Подобная же картина наблюдается при изучении курганов, раскопанных Е. А. Лалаяном в сел. Загалу и других местах Нор-Баязетского района, где многие погребения, подобно ворнакским, содержали только керамику и единичные железные изделия.

Можно привести множество аналогичных примеров. В противовес скифским богатым курганам Прикубанья, изобилующим золотыми и серебряными первоклассными вещественными памятниками, территория

¹ Поселение было осмотрено А. О. Мнацаканяном. Им же было ориентировочно раскопано несколько погребений, связанных с поселением.

² Отсутствие специальных работ по крупным сооружениям, малоизученность этих сооружений, специфические условия жизни отдельных племен, оставивших нам эти памятники, особенности географических условий местности, занимаемой тем или иным племенем, а также сравнительное материальное превосходство племен над другими имеют решающее значение для разрешения выше затронутого вопроса и чрезвычайно затрудняют установление общих норм даже на протяжении огромного промежутка времени, поэтому следует отметить, что этот вопрос выдвинут нами в качестве наиболее вероятной рабочей гипотезы, на проверку археологической практики.

Предкавказья усыпана тысячами рядовых курганов, содержащих только керамику, но довольно четко датируемых временем ранних кубанских (скифских) курганов (VII—VI вв. до н. э.).

А. А. Иессен, исследовавший эту культуру, показал, что именно они являются наиболее характерными погребениями основной массы населения Предкавказья¹, несмотря на то, что исследователи ограничивались лишь раскопками богатых курганов, дающих в некоторой степени ложное представление об общем уровне развития материального производства, и не копали вовсе рядовых курганов. Различное социальное положение погребенных в могильниках Армении отмечалось также различным видом помещения их в могилу². В то время как основной покойник, снабженный большим количеством вещей, помещался в могилу в лежащем положении, сопровождающие его покойники помещались в сидячем или в скорченном (на боку) положении. Раскопки могильников Нор-Баязетского района (Арм. ССР), относящихся к эпохе широкого освоения железа, ярко иллюстрируют вышесказанное наблюдение.

Так, в кургане № 25 в сел. Загалу было обнаружено 6 костяков мужчины, женщины, ребенка и трех сопровождающих лиц. Последние были захоронены в сидячем положении, а первые — в лежащем. В паташарском коллективном кургане № 2 было погребено 4 покойника, из коих три оказались в сидячем положении. У четвертого покойника, представленного в лежащем положении, оказались костяк лошади с железными удилами, меч и наконечник копья из железа³. В разных погребениях встречается разное количество сопровождающих лиц. В приведенном выше кургане (№ 1) в местности «Ахпри глух» из 32-х погребенных только один оказался в лежащем положении. Все остальные были представлены либо в сидячем, либо в безразлично брошенном положении. Основное погребение, снабженное большим количеством железных и бронзовых вещей, сопровождало еще несколько скелетов животных, в том числе и лошади. Особенную важность представляет здесь то обстоятельство, что скелеты основных и сопровождающих погребений резко отличались друг от друга по антропологическим данным. Черепа костяков основных погребений были долихоцефальными, что характерно для закавказских аборигенов, а черепа сопровождающих костяков были брахикефальными. «Эти наблюдения, — пишет Б. Б. Пиотровский, — поднимают не только весьма существенный для истории древнейшего Закавказья вопрос о рабстве, но также об его источниках. Возможно, рабами становились пленные, захваченные в районах к югу от Закавказья, для населения которых особенно характерна брахикефалия»⁴.

Выделение археологами огромного количества захоронений рабов

¹ Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Моздокский могильник, Л.-д., 1940 г. стр. 36.

² Б. Б. Пиотровский, *Երկրագործական հուշարձանները (պեղումներ)*, Ազգային համալսարանի հանդես, 1906, 14.

³ Б. Б. Пиотровский, Археологическое изучение древнего Закавказья, ВДИ, № 3, стр. 187, 1947.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Археологическое изучение древнего Закавказья, ВДИ, № 3, 1947, стр. 187.

никоим образом не может быть ошибочным, так как оно подкрепляется еще сведениями ассирийского источника о том, что в области Шуприа (севернее верхнего Тигра) среди беглых урартских повстанцев огромное число составляли и рабы, которые насильственно были возвращены урартскому царю Руса (II) Асархаддоном, ассирийским царем, направившимся с войском в эту горную страну для того, чтобы наказать беглых ассирийцев, оставивших своих хозяев и убежавших в Шуприю¹. Известно, что средиземноморские города, тесно связанные в то время с Передней Азией торговыми узами, выменивали свои товары на рабов, на «души человеческие». Вполне вероятно, что в этой торговле участвовали также некоторые из племен Закавказья, хотя на это нет ясных указаний в письменных источниках. Появление рабов в Армении, начиная с эпохи бронзы, было обусловлено развитием производительных сил общества и увеличением производства в основных отраслях хозяйства.

Ф. Энгельс объяснил причины, порождающие рабство: «Увеличение производства во всех отраслях — в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержки ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Привлечение новых рабочих сил стало желательным. Война доставляла их. Военнопленных стали обращать в рабство»².

Выше мы увидели, что в силу происшедших в хозяйстве коренных изменений скотоводство, земледелие и ремесло в период VII—VI вв. (до н. э.) стали развиваться невиданными до того времени темпами и, вступив на более высокую ступень развития, создали огромные возможности для привлечения в процесс производства материальных благ все новых и новых рабочих рук, для обращения в рабство военнопленных в «массовом» порядке. Процесс глубокого имущественного расслоения в сильной мере отразился в погребальном обряде некоторых племен, чем и нужно объяснить появление различных погребальных обрядов в конструктивно однотипных могильниках, например, Нор-Баязетского района (Арм. ССР), относящихся к эпохе широкого освоения железа. Особенный же интерес представляет здесь то обстоятельство, что в резко отличных по обряду курганах мы не замечаем особенно большой разницы в их инвентаре, т. е. в большинстве случаев мы имеем рядовые погребения, весьма характерные для всего Нор-Баязетского района и только в редких случаях — погребения племенной знати или особо важных лиц.

В качестве иллюстрации приведем группу рядовых курганов Загалинского могильника, расположенного недалеко от крепости, связанной клинописной надписью урартского царя Сардура, сына Аргишти (середина VIII в. до н. э.).

¹ Г. А. Мелликишивили, Вопросы социально-экономической истории Урарту, ВДИ, № 4, 1951, стр. 31—32, а также И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, IV, 1:51, стр. 107—108.

² Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 181—182.

Курган № 4 являлся, повидимому, семейным. В нем оказались 3 лежащих скелета — мужской, женский и детский. При первом обнаружены — железный меч, железные браслеты и наконечники посоха (?) из бронзы. В другом кургане (№ 25) совместно с костяками мужчины, женщины и ребенка, представленными в лежащем положении, были обнаружены также скелеты трех сопровождающих лиц, помещенных в могилу в сидячем положении. Основные погребения не отличались богатством инвентаря. Курганы, находящиеся рядом (№№ 26, 27), содержали по одному мужскому костяку в лежащем положении. В первом обнаружены железный кинжал и два браслета из бронзы, а во втором — бронзовый пояс, меч и кинжал из железа, а также несколько украшений из бронзы. Другой курган (№ 42) этой группы содержал два мужских костяка, помещенных в могилу в лежащем (на боку) положении. У первого из них был обнаружен железный кинжал, а у второго — один железный и два бронзовых кинжала¹. При всем этом нужно отметить, что курганы, содержащие сопровождающие погребения (от одного до 31 скелета), встречаются как в Загалинском, так и в других могильниках Нор-Баязетского района сплошь и рядом, и не представляют из себя уникалов, как это наблюдается при изучении могильников бронзового века, когда сопровождающие погребения встречаются лишь в могилах, снабженных чрезвычайно богатым инвентарем.

На этом основании нам представляется, что количество пленных, обращенных в рабство в эпоху железа, увеличивается, и если в эпоху бронзы рабами могли обладать особо важные лица, то в данный период, наряду с увеличением числа рабов, посаженных на землю урартским царем или представителями военной знати, в родоплеменном строе Армении выделяется довольно густой слой населения, обладающий рабами. Такому предположению не противоречат сообщения раннефеодальных историков, свидетельствующие о наличии в дофеодальной Армении различных категорий рабов—цара (*ժառանգ-ընդծին, անտրաշծին, արծաթադին*), работающих в частновладельческих хозяйствах — агараках и дастакертах, возникновение которых армянская историческая традиция возводит «к периоду царствования династии Еруандуни (316—199 гг. до н. э.)².

Большого внимания заслуживает в указанном отношении рассказ Моисея Хоренского (V—IV вв) о царе Арташесе (II в. до н. э.), подарившем спарипету Смбату Багратуни 500 рабов³, а также описание похорон этого царя, основателя первой армянской династии. Приводим отрывок из истории Хоренского.

«(Историк) пишет: много народу погибло во время смерти Арташеса; (погибли) любимые жены, наложницы, верные слуги. Похороны в честь его трупа были великолепны, не по обычаю варваров, а народов образованных. Одр был золотой, ложе и постель—из виссона, одежда на нем—

¹ Ազգագրական Հանդես, գիրք 15, 1917.

² С. Т. Еремян, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, № 1, стр. 13—15.

³ Там же, стр. 15—16.

златотканная, корона на голове, перед ним (лежало) золотое оружие. Сынovia и многочисленные сродники окружали одр; за сими — воинские начальники, родоначальники, сонм нахараров и полки вознов, всоруженных, как бы на войну идущие; впереди (трубили) в медные трубы, сзади (шли) рыдающие девы, облеченные в траур, плакальщицы, а за (ними) толпа простолюдинов. — Таковы были (погребальное) шествие и похороны Арташеса. Вокруг его могилы совершалось много добровольных смертей, как мы сказали выше¹. Так умер этот царь, любимый нашей страной, после двадцати одного года царствования»². Описание историка невольно напоминает закавказский погребальный обряд и богатые скифские курганы Прикубанья.

В близких чертах описывает Геродот (История. IV, 71) похороны скифских царей. Следовавшие за трупом царя и оплакивавшие его скифские племена приходили к геррам, в земле которых было кладбище царей. Труп вместе с оружием клали в могилу и покрывали его камышом... а в остальном пространстве могилы хоронили наложницу, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, предварительно задушив их, «лошадей, по отборной штукe всякого другого скота и золотые фиалы (серебро и медь вовсе не употребляют); после всего этого они все вместе насыпают большой курган, всячески стараясь сделать как можно больше»³. Совершенно очевидно, что М. Хоренский похороны Арташеса I описал, главным образом, на основании древнеармянского эпоса, материалы которого были использованы, однако, так умело, что рассказ этот вовсе не противоречит сообщению Геродота о похоронах у скифов, стоявших на одинаковом уровне общественного и экономического развития. Особенно же интересно то обстоятельство, что, стремясь скрыть факт насильственного умерщвления рабов в период первой армянской династии, он дважды подчеркивает, что рабы не были умерщвлены, как это имело место у варваров, а приняли добровольную смерть по обычаю «образованных народов»⁴. По сведениям же гусанов, во время похорон Арташеса много народу погибло по обычаям варваров (*հորինացի, Բ, ԱԿ*).

Таким образом, глубокая имущественная дифференциация вела родоплеменной строй к неминуемой гибели, к образованию антагонистических классов. Зарождение частной собственности, посемейная обработка отдельных участков земли, накопление богатств (главным образом скота) в руках отдельных семейств (под влиянием урартов) окончательно разрушили первобытно-общинные отношения.

¹ Курсив наш—А. А. Мартиросян.

² Моисей Хоренский, История Армении, Москва, 1893 г., стр. 107 (пер. Н. О. Эмина).

³ В. В. Матышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ. № 2, стр. 271, 1947.

⁴ Этот обычай сохранился у многих народов даже в средние века. Историк Киракос Гандзакци (XIII в.) сообщает, что при похоронах татарских вельмож в могилу клали слуг и рабов, которые должны были обслуживать своих хозяев на том свете. В могилу клали также лошадь, для участия ее хозяина на войне. (*Գանձակեցի Հայոց Թիֆլիս, 1910, էջ 250.*)

В условиях окончательного разложения родоплеменных отношений в конце первобытно-общинного строя возникают большие союзы племен. На что указывают урартские эпиграфические памятники. Клинообразная надпись царя Русы, сына Сардура (конец VIII в. до н. э.), повествует о покорении 23-х «стран», расположенных в районе оз. Севан, и пленении их «царей» в один год. Подобная логика надписи и локализация некоторых из этих «стран» не оставляют сомнения в том, что эти «страны» являлись территориально определенными владениями (участками) отдельных племен, во главе которых стояли племенная знать или военачальники, именуемые в урартских надписях «царями»¹. Именно в этот период возникают сельские общины, являющиеся по выражению К. Маркса «последним фазисом первичного образования общества»². Несомненно, эти общины при урартах уже носили ярмо тяжелых государственных повинностей и были низведены до роли податных единиц, потенциально содержащих в себе, как говорит К. Маркс, элементы разложения в лице разложения частного накопления движимого имущества в отдельных семействах³.

Ксенофонг, заброшенный судьбою в Армению (конец V в. до н. э.), описал сельские общины, где люди жили в обособленных патриархальных семьях⁴. Этому не противоречат наши соображения относительно обособления земельных участков и скота в руках отдельных больших семейств.

Возникновение крупных союзов племен с общим уровнем общественного и культурного развития делает возможным установление контакта с племенами и союзами их, стоящими на одинаковой ступени общественного развития и населявшими территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Подобный контакт между беспокойными воинственными племенами Кавказа и южно-русских степей создает грозную опасность для Ванского царства, борющегося всеми силами против усиления этих племен. Борьба эта первоначально выражалась в угоне скота и в бесконечных переселениях местного населения на чрезвычайно отдаленные от родины места, а позднее в более серьезных и радикальных мероприятиях, обезопасивших на время урартское пошатнувшееся государство. Огромное значение в указанном направлении имела административная реформа, проведенная при Русе I (конец VIII в.) по разделению Армении на ряд мелких округов, во главу которых назначались самостоятельные наместники. Это необходимое мероприятие было направлено против усиления наместников, управлявших прежде большими округами и неоднократно пытавшихся с помощью подвластного им местного населения свергнуть ванских царей.

¹ Б. Б. П и о т р о в с к и й, Урарту — древнейшее государство Закавказья, стр. 46.

² К. М а р к с. Письмо к В. Засулич, Архив Маркса — Энгельса, т. I, М., 1924, стр. 285.

³ Там же, стр. 278.

⁴ Анабгстс.

В одинаковых условиях материальной жизни и в борьбе против внешнего опасного врага все больше сплачивались прежде разрозненные племена, производственный и культурный уровень которых с течением времени нивелировался, стирая грани между отдельными племенами, населявшими весьма широкие пространства.

Дошедшие до нас письменные источники, сохранившие скудные сведения о политической ситуации (VII—VI вв. до н. э.) на переднеазиатском субстрате, все же четко характеризуют борьбу этих мощных военно-политических союзов племен против некогда могущественных рабовладельческих государств древнего Востока.

Отряды киммеров и скифов, появившиеся в Передней Азии уже в VIII в. до н. э., помогали выделению небольших стран в условиях политического и экономического кризиса всего древневосточного рабовладельческого строя. Несомненно, в этой борьбе участвовали и кочевые отряды из племен, живших в пределах Урарту. В этом отношении большого внимания заслуживает рассказ М. Хоренского о князе Паруйре Скаворди, современнике Русы II, строителе крепости на Кармир-блуре, как это полагает Б. Б. Пиотровский¹. По точному свидетельству Хоренского, Паруйр был «коренным», «настоящим» родоначальником армян, сподвижником мидийского царя Варбака в борьбе последнего против ассирийского Сардапапала².

Борьба племен, входивших в состав урартского государства, против Ассирии имела для урартских царей огромное значение, так как, с одной стороны, она была направлена против основного соперника Урарту, а с другой, силы, могущие подорвать само урартское государство изнутри, были втянуты в нее, и, таким образом, лишены возможности нанесения сокрушительного удара по расшатавшемуся урартскому государству.

Однако, создавшееся положение оттянуло гибель Урарту лишь на время, и вскоре после падения Ассирии основные силы, нанесшие сокрушительный удар по ассирийскому царству, повернулись против Урарту и с неимоверной быстротой свергли урартское царство.

Падением Урарту начался новый этап развития в жизни закавказских аборигенов, этап, с которого обычно начинается история современных народов Закавказья, и, в частности, история армянского народа.

На основании изучения древневосточных эпиграфических памятников ученые пришли к выводу, что в истории Передней Азии армяне появились в VI в. до н. э. Вопросу происхождения армянского народа было посвящено немало работ, в которых до последнего времени появление армян рассматривалось в связи с миграцией индоевропейских племен из западных областей Малой Азии. Лишь в последние годы работами совет-

¹ Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 20, Ереван, 1946.

² И. О. Эмиль, Династический список Хайкидов, Этнографический фонд Эмина, вып. II, стр. 175—176.

ских ученых¹ с полным основанием была опровергнута ошибочная гипотеза о миграции армян, внесенная в историографию еще античными писателями или армянскими историками раннего средневековья, приводящими родоначальников армян из Месопотамии.

Существенным пробелом в разработке вопроса являлось игнорирование урартского материала, «хотя армены не только заняли территорию царства (Ванского—А. М.), но и восприняли урартскую культуру»².

Необходимость археологического изучения Армении в VII—VI вв. до н. э. в связи с переднеазиатскими странами тем более настоятельна, что в работах, посвященных вопросу происхождения народов Закавказья, рассматривается лишь политическая сторона вопроса в отрыве от хозяйственной жизни племен, сливающихся воедино и образующих со временем народы.

Предпосылки к образованию армянского народа могут быть выяснены только путем историко-археологических изысканий, на основе всестороннего изучения вопросов не только хозяйственной, но и идеологической жизни населения страны.

¹ Главным образом Г. А. Капанцяна («Хайаса—колыбель армян», Ереван, 1948), Б. Б. Пиотровского (О происхождении армянского народа, Ереван, 1946), С. Т. Еремяна (К вопросу о происхождении армянского народа, Вопросы истории, 1952, № 7).

² Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 5.

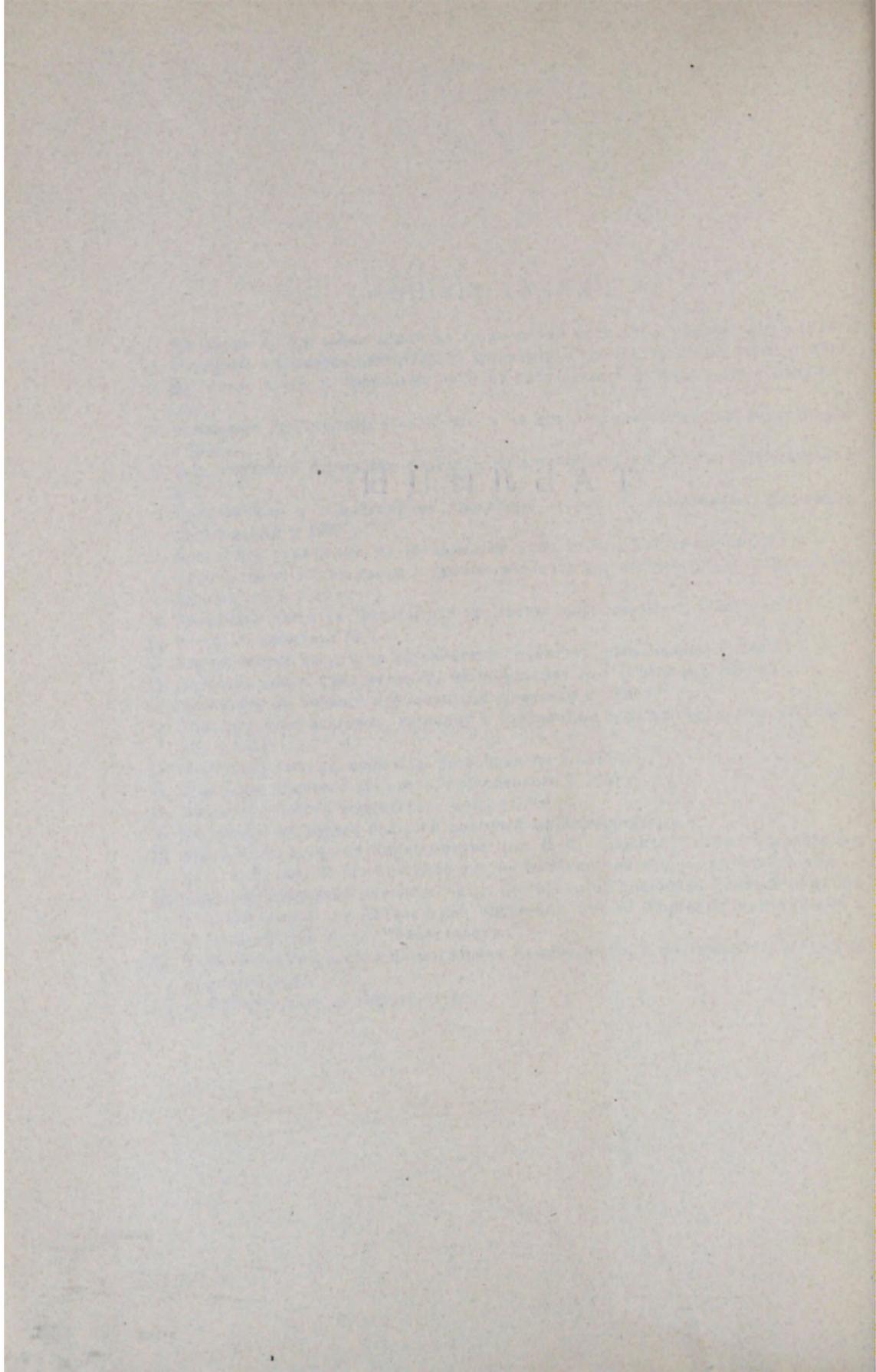
СПИСОК ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЙ

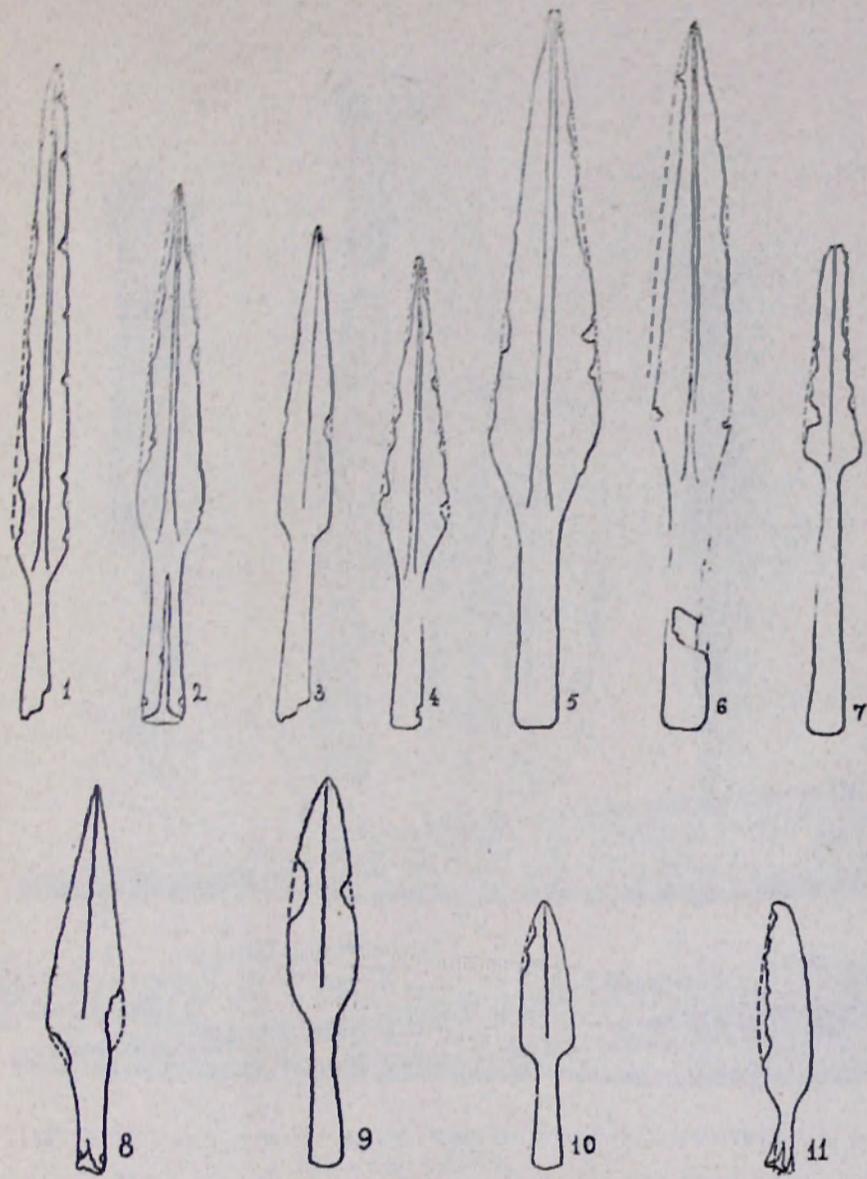
- ВДИ—Вестник Древней Истории.
ГМА—Государственный Исторический Музей Академии наук Армянской ССР.
Изв. АрмФАН СССР—Известия Армянского филиала Академии наук СССР.
ИАК—Известия Археологической Комиссии.
Изв. ГАИМК—Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИООИА—Известия общества обследования и изучения Азербайджана.
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИИМК—Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
МА СССР—Материалы и исследования по археологии СССР.
МАК—Материалы по археологии Кавказа.
МАР—Материалы по археологии России.
ОАК—Отчеты Археологической Комиссии.
ПД—Предметы древности в хранилище общества любителей Кавказской археологии.
ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА—Советская Археология.
Сообщ. ГАИМК—Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
УЗ ЛГУ—Ученые записки Ленинградского Государственного университета.

СПИСОК ТАБЛИЦ

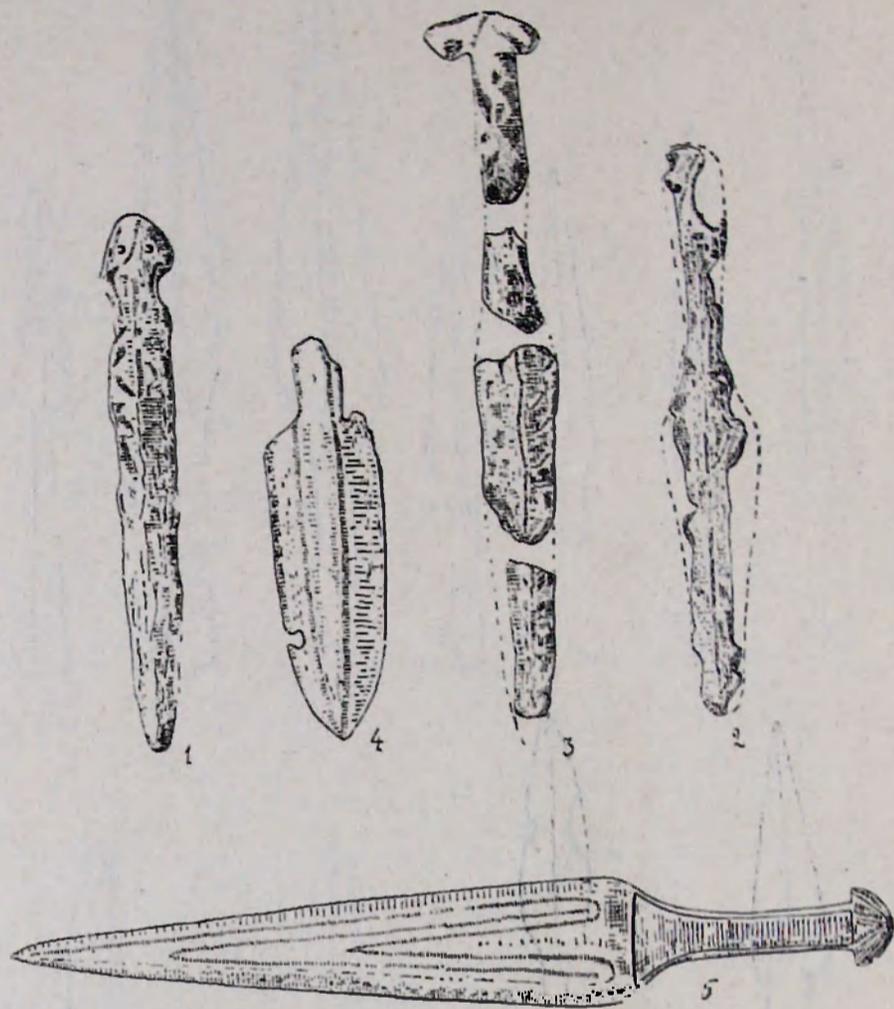
1. Железные наконечники копий из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
2. Железные и бронзовые кинжалы из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
3. Железные ножи и бронзовые пики из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
4. Бронзовые орнаментированные пояса из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
5. Разнообразные бронзовые браслеты из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
6. Проволочные и пластинчатые бронзовые кольца из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
7. Бронзовые украшения из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
8. Украшения из камня, пасты и бронзы, извлеченные при раскопках хртаноцкого могильника в 1929 г.
9. Бронзовые чаши из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
10. Сосуд из кромлеха № 1.
11. Керамические сосуды из хртаноцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.
12. Коллекционного типа керамика из погребения № 1 (Головино, 1950 г.).
13. Инвентарь из первого кромлеха, раскопанного в 1950 г.
14. Сердоликовые, агатовые, яшмовые и стеклянные бусы из кромлехов, раскопанных в 1950 г.
15. Инвентарь второго кромлеха, раскопанного в 1950 г.
16. Инвентарь третьего кромлеха, раскопанного в 1950 г.
17. Инвентарь пятого ворнакского погребения.
18. Инвентарь из караса большой кладовой на Кармир-блуре.
19. Маслобойки а, б—из Кармир-блур (по В. С. Сорокину), д—из Триаleti (по Б. А. Куфтину), г—из Головино (по А. О. Мнацаканяну), в—из Ленинакана.
20. Орнаментированные кувшины: а, г, д—городское поселение Кармир-блур (по В. С. Сорокину), б—Ахталинский могильник (по Ж. Моргану), в—могильник в с. Головино (по А. О. Мнацаканяну).
21. Чернолощенные миски: а, б—могильник Кармир-блур, в, г—городское поселение Кармир-блур.
22. Бронзовая фиала из Кармир-блур.

ТАБЛИЦЫ





0 1 2 3 4 5
Табл. I. Железные наконечники копий из хртынецких кромлехов, раскопанных в 1929 г.



1 0 1 2 3

Табл. II. Железные и бронзовые кинжалы из хррановских кромлехов, раскопанных в 1929 г.

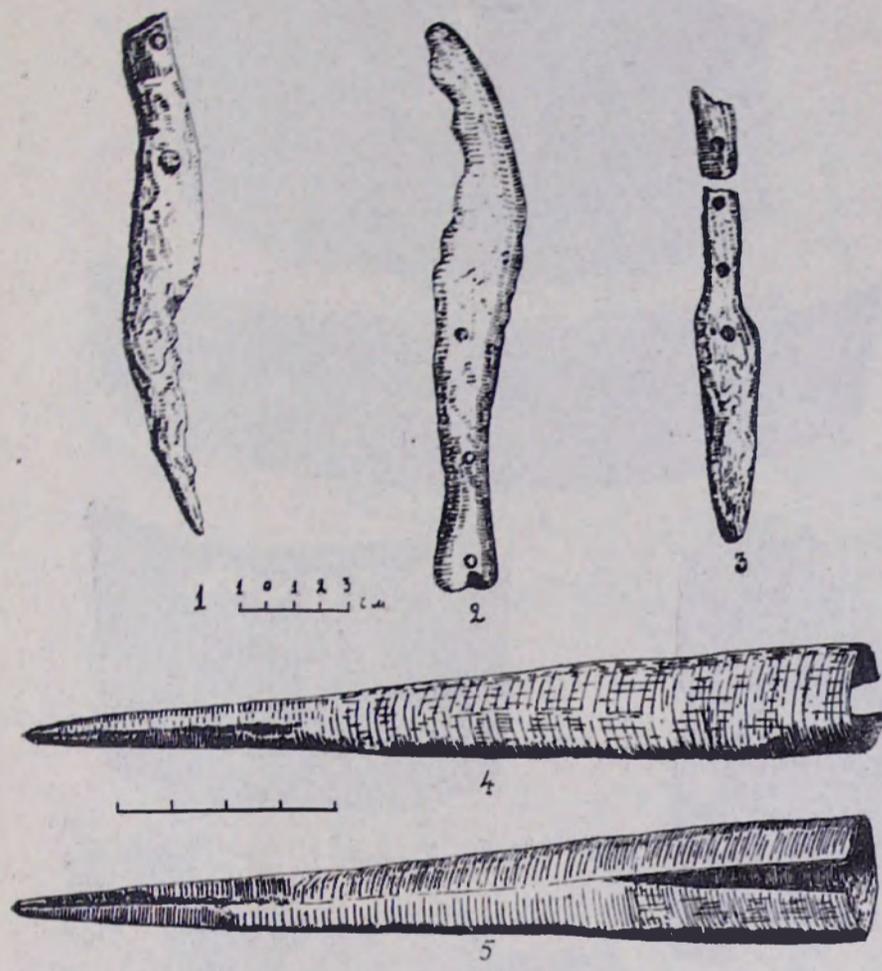


Табл. III. Железные ножи и бронзовые пики из хртынецких кромделов. раскопанных в 1929 г.

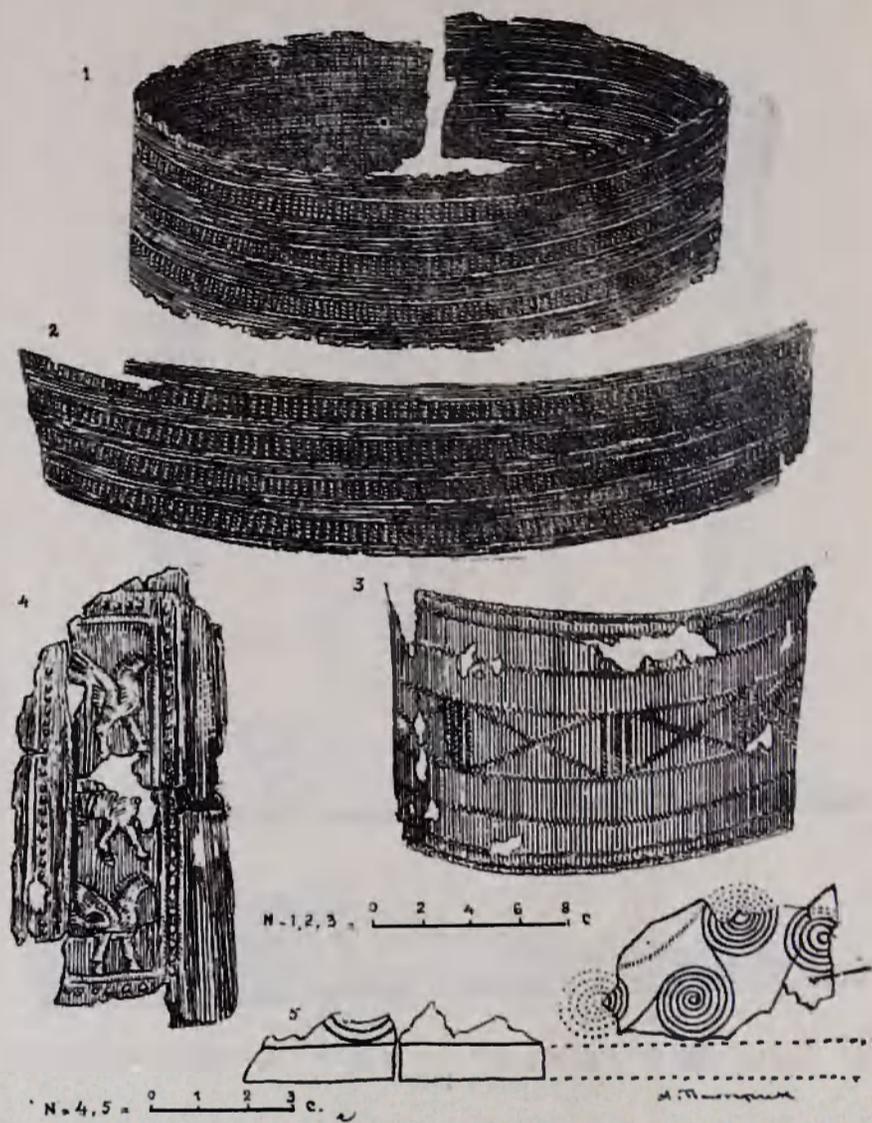


Табл. IV. Бронзовые орнаментированные пояса из хррановских курганов, раскопанных в 1929 г.

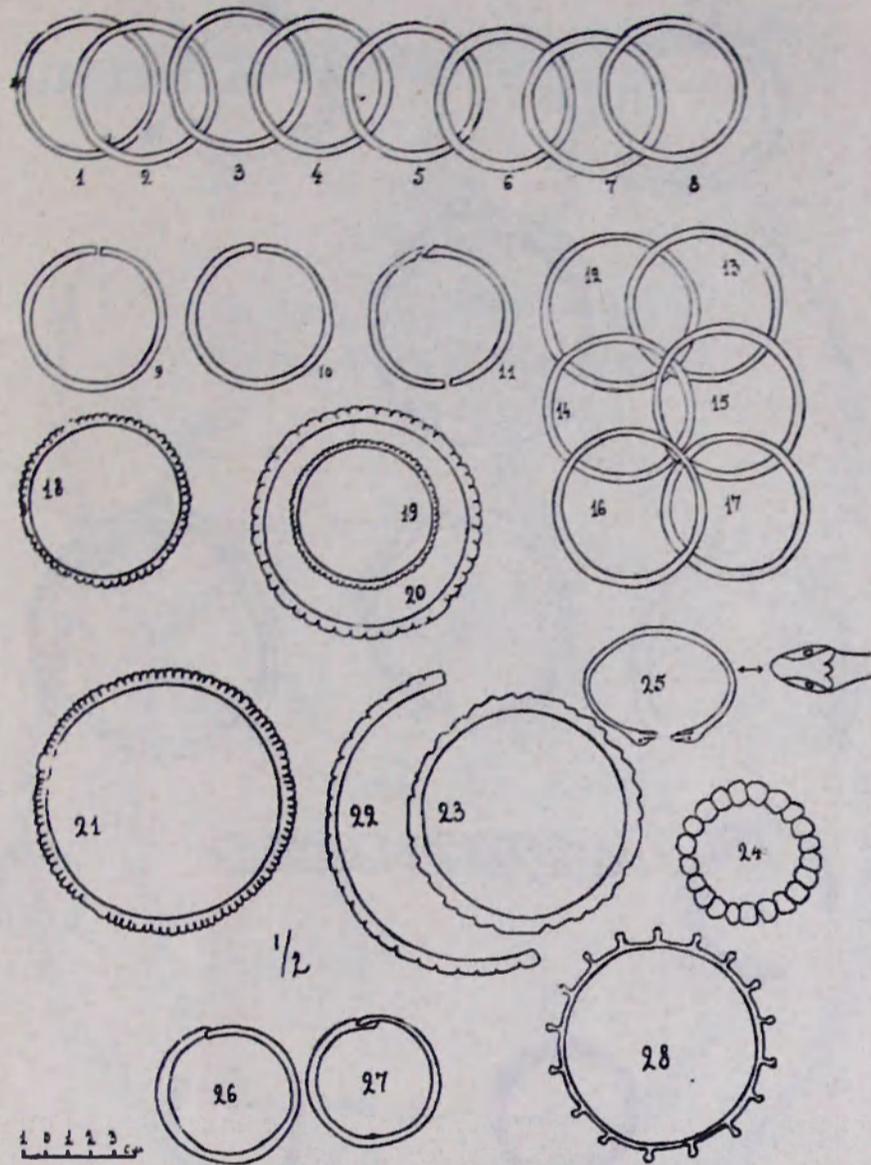
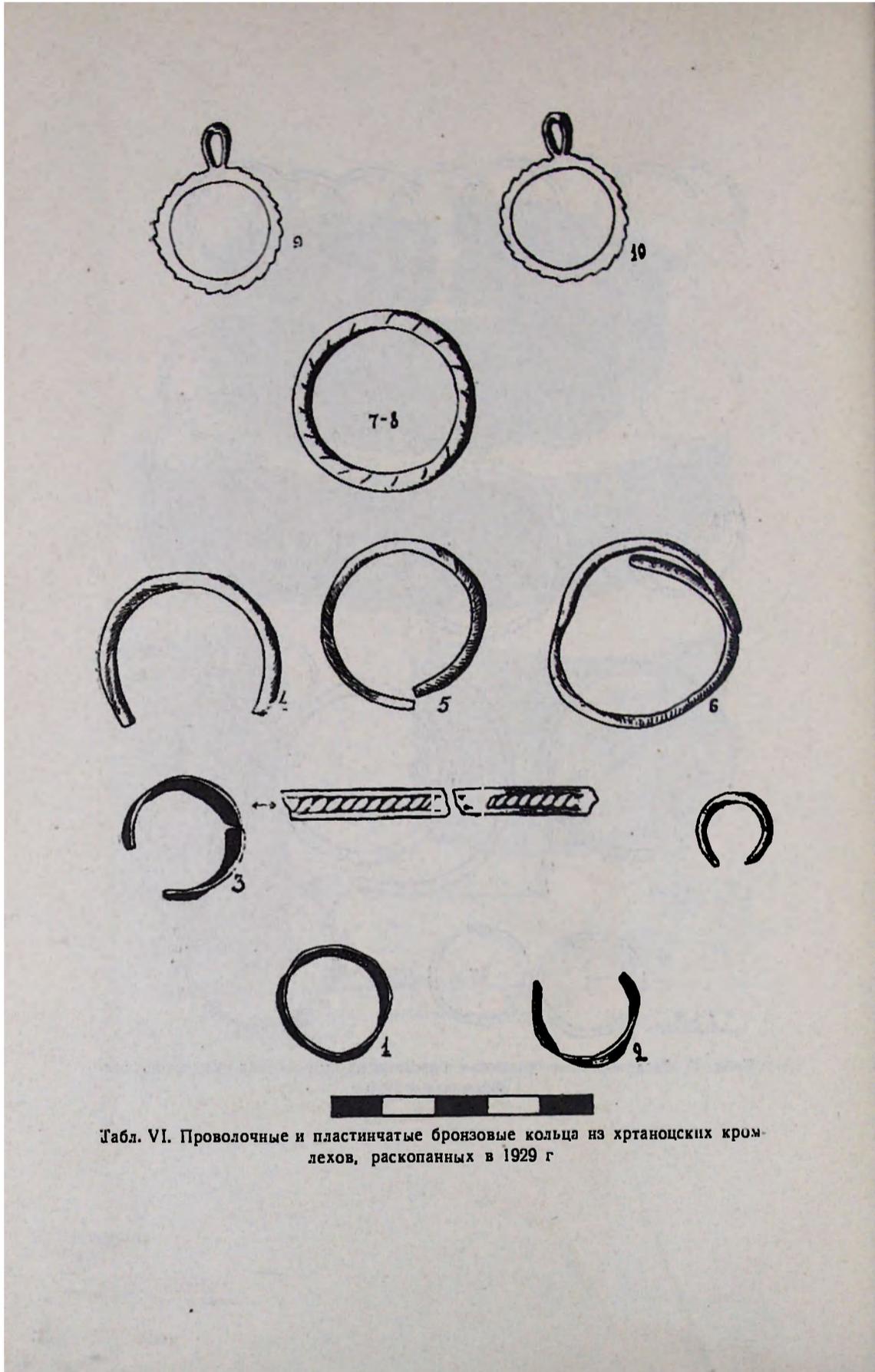


Табл. V. Разнообразные бронзовые браслеты из хримоцских кромехов, раскопанных в 1929 г.



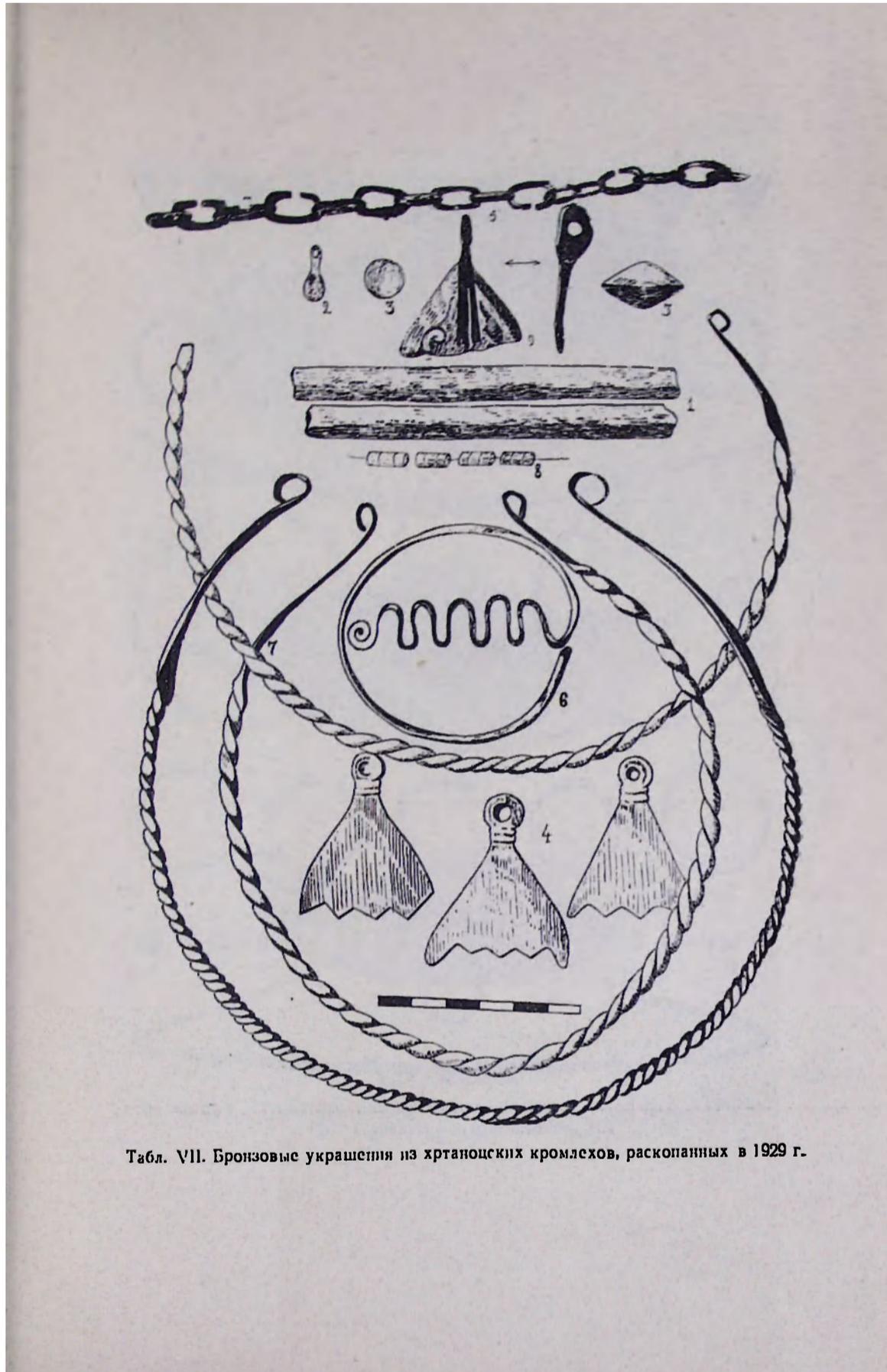


Табл. VII. Бронзовые украшения из хртапоцских кромлехов, раскопанных в 1929 г.

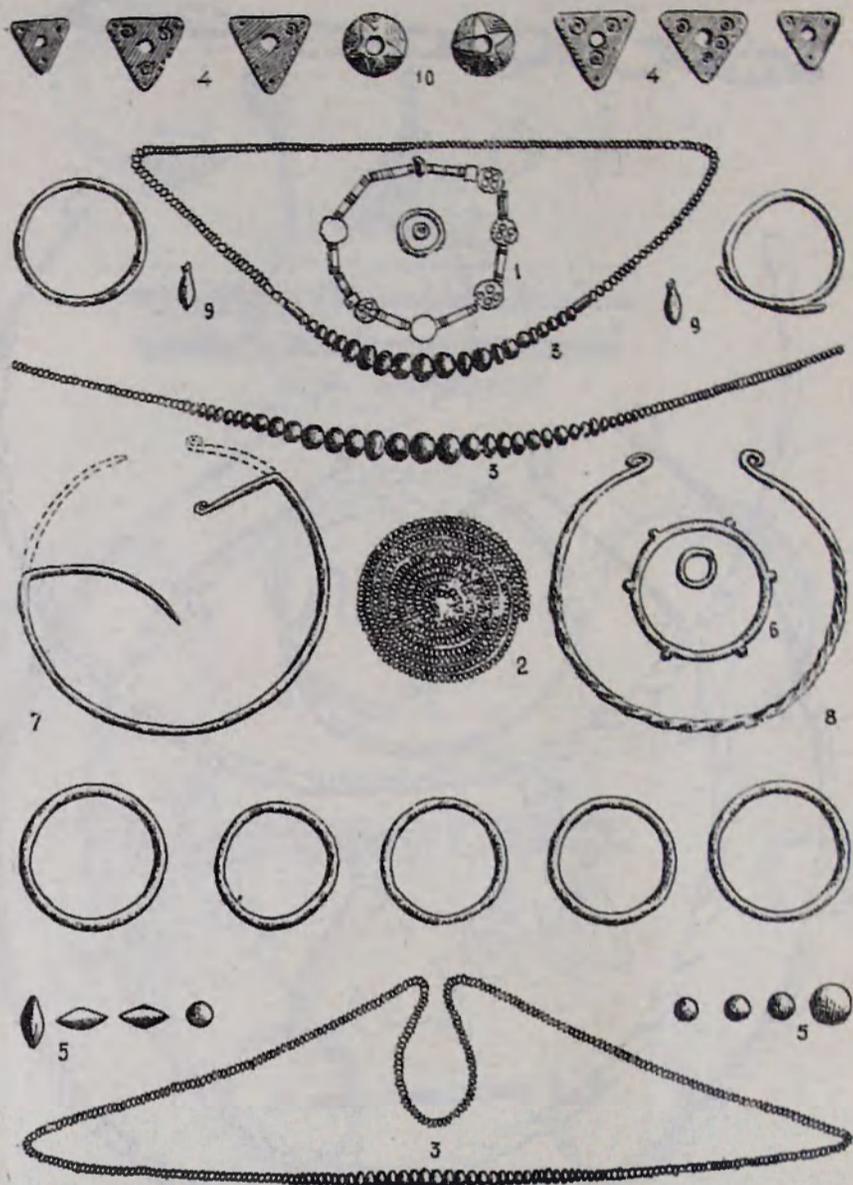


Табл. VIII. Украшения из камня, пасты и бронзы, извлеченные при раскопках хртынецкого могильника в 1929 г.

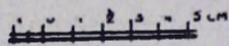
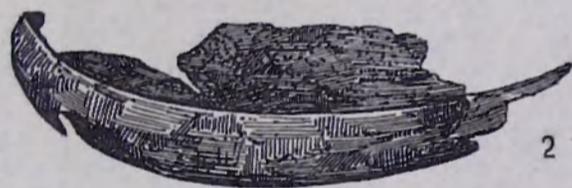
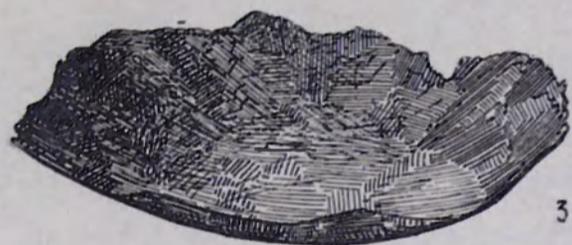
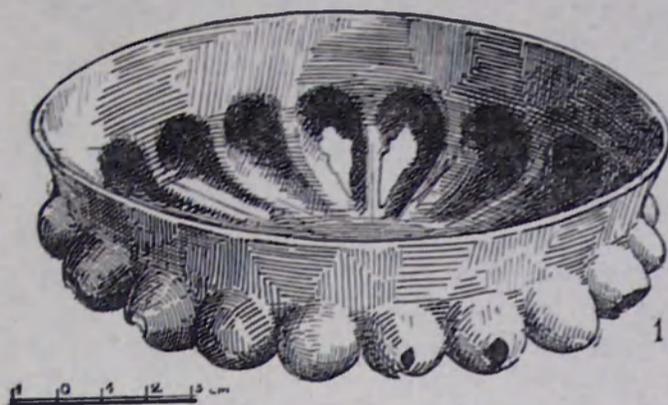


Табл. IX. Бронзовые чаши из хртынецких кромехов, раско-
панных в 1929 г.

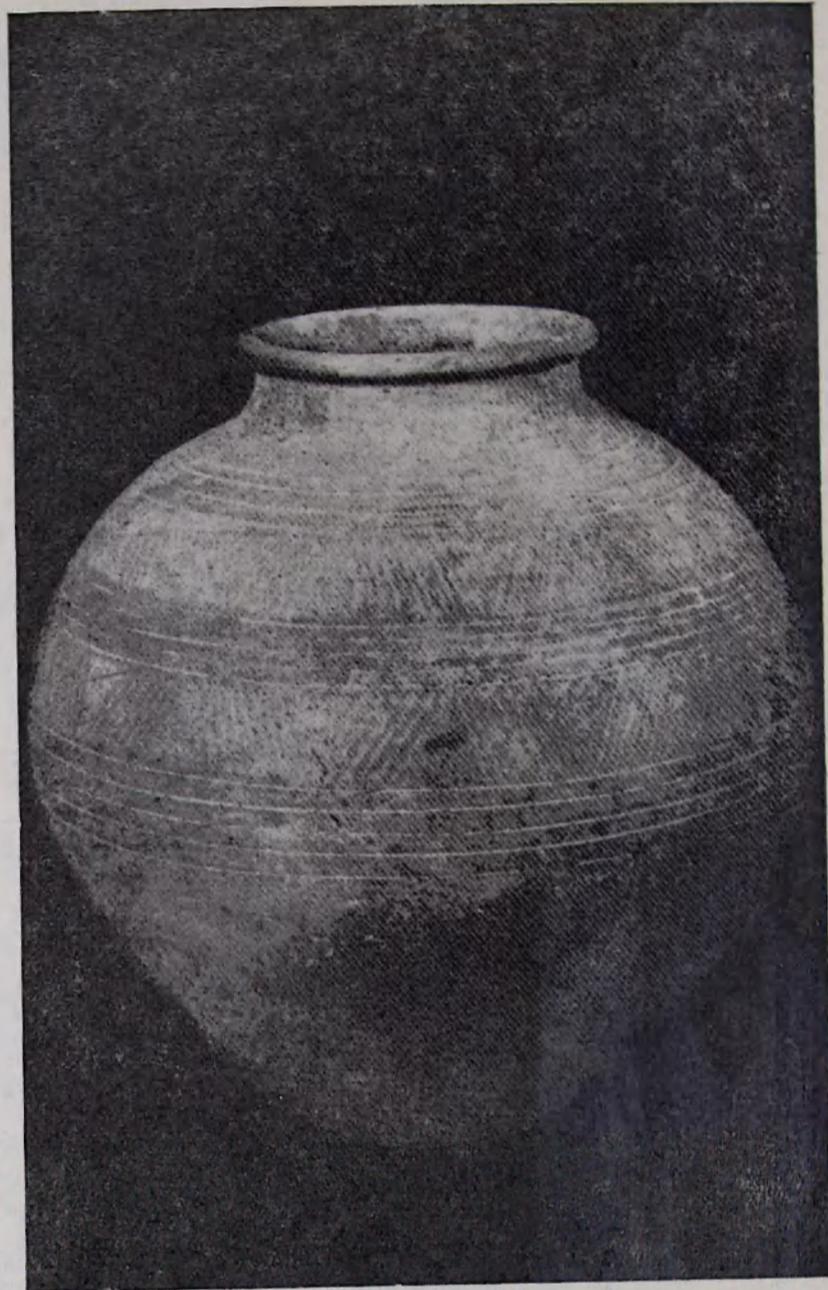


Табл. X. Сосуд из кромлеха № 1.

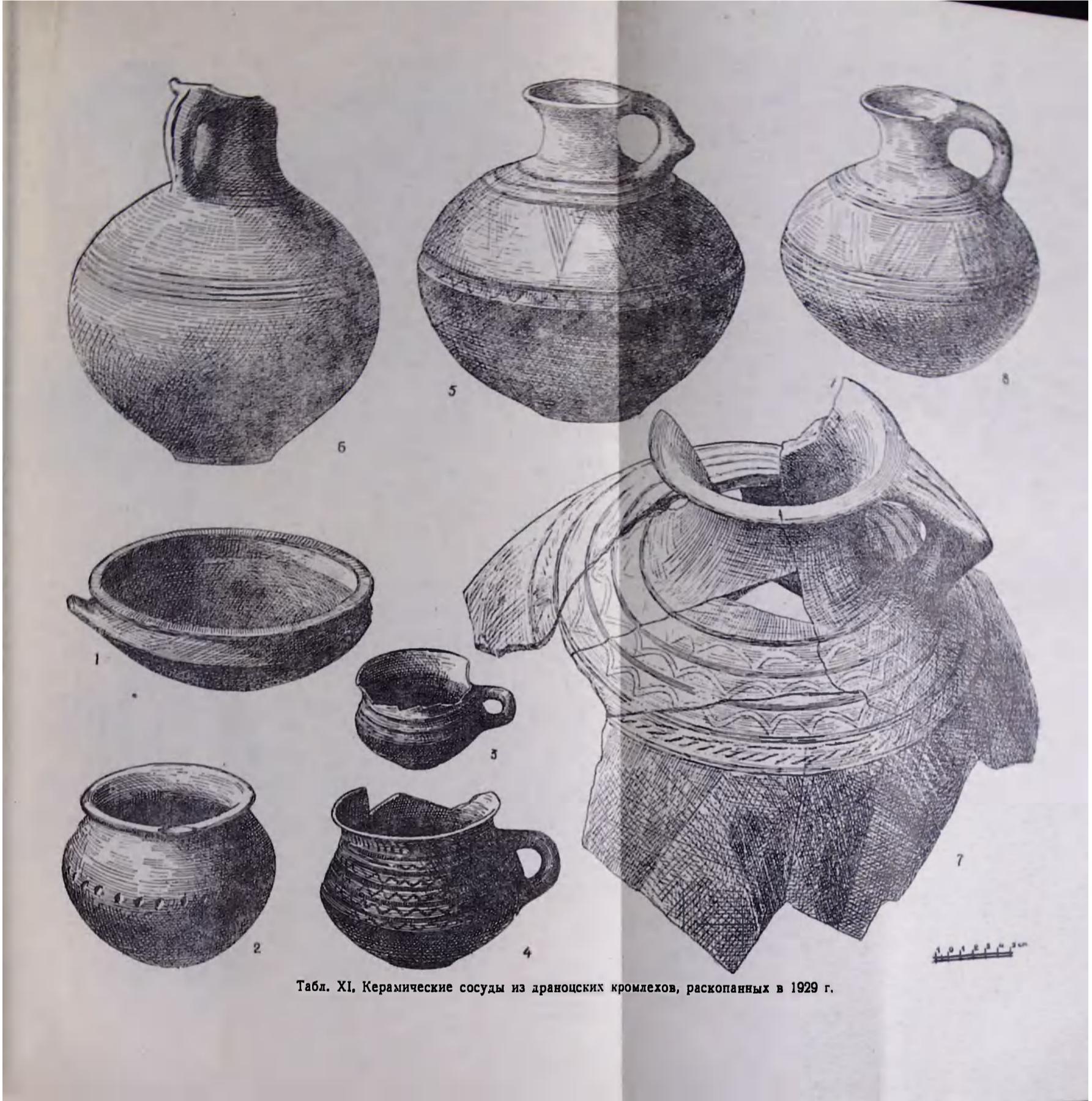
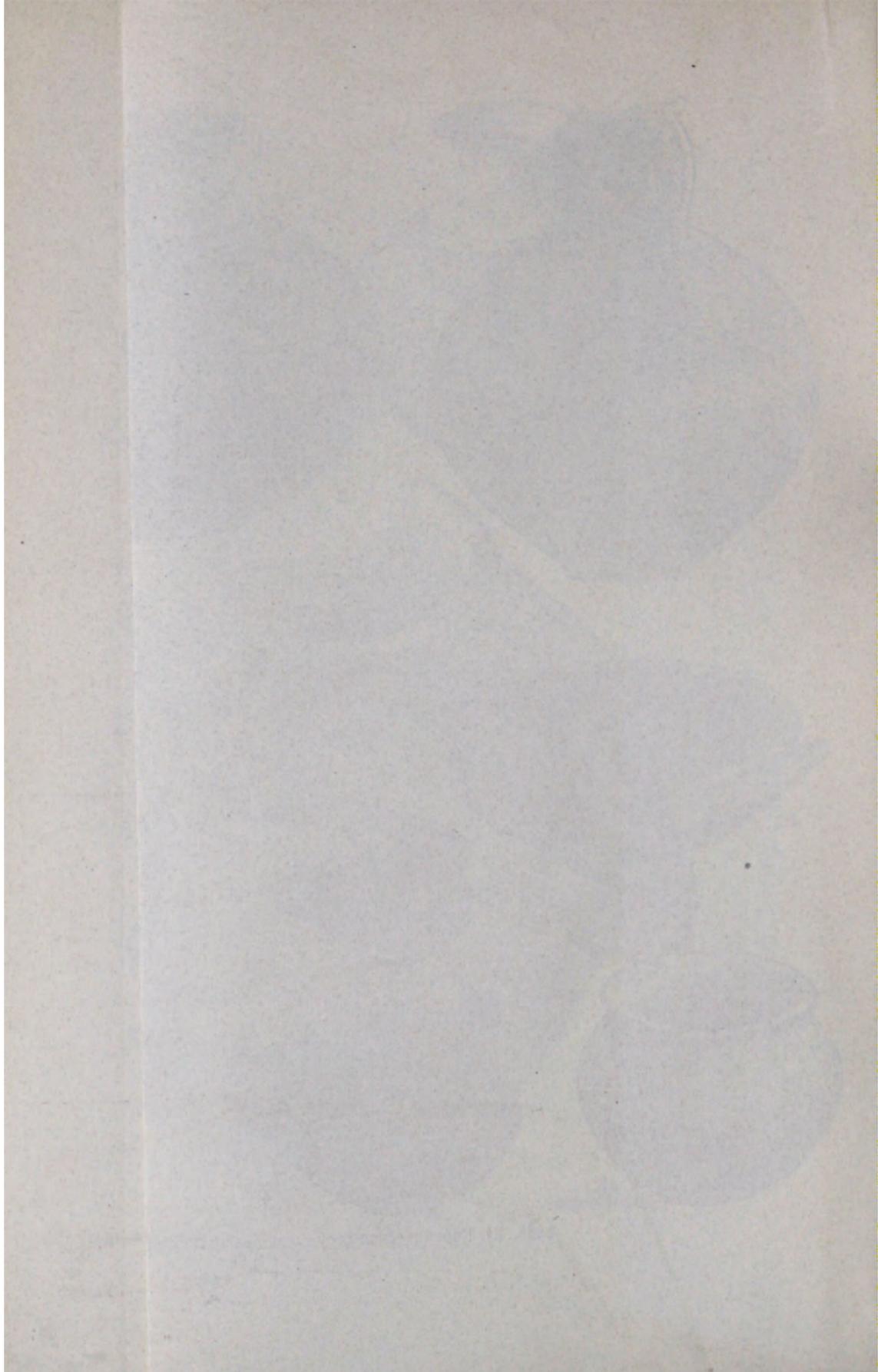


Табл. XI. Керамические сосуды из драгоцких кромлехов, раскопанных в 1929 г.



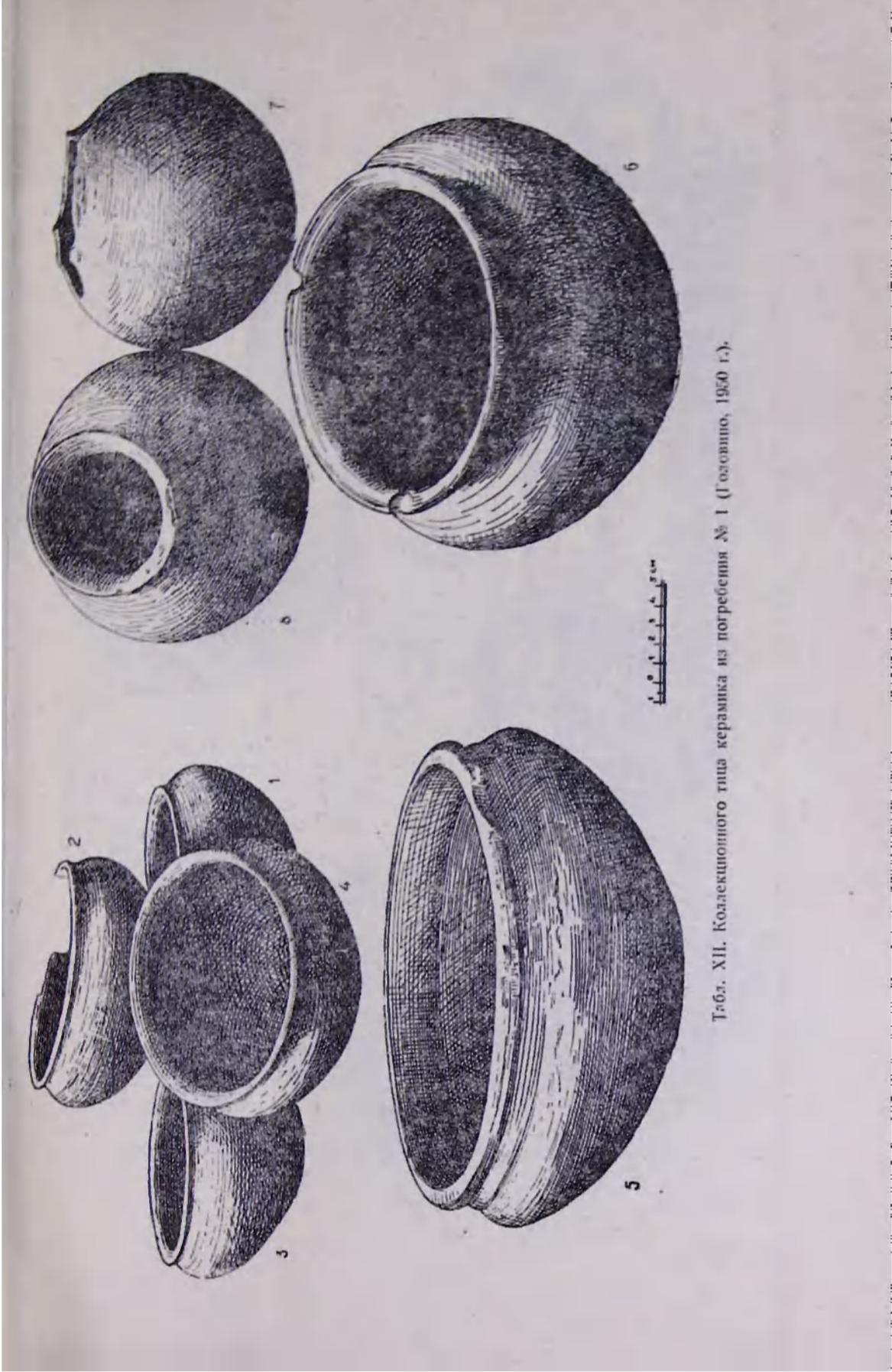


Табл. XII. Коллекционного типа керамика из погребения № 1 (Голощино, 1950 г.).



Табл. XIII. Инвентарь из первого кромлеха, раскопанного в 1950 г.



18



25



24



19



20



21



22



Табл. XIII. Сосуды из первого кромляха, раскопано в 1950 г.



Табл. XIII. Инвентарь из первого кромлеха, раскопанного в 1950 г.

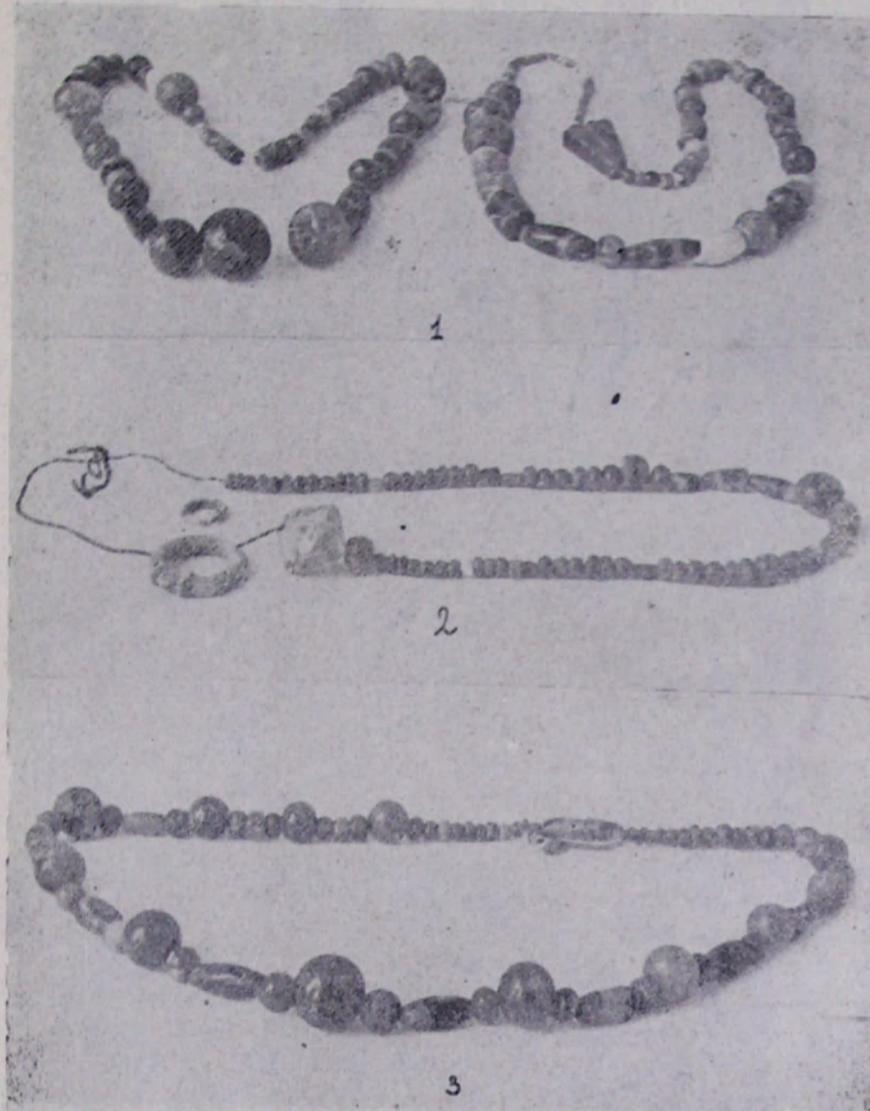


Табл. XIV. Сердоликовые, агатовые, яшмовые и стеклянные бусы из кромехов, раскопанных в 1950 г.

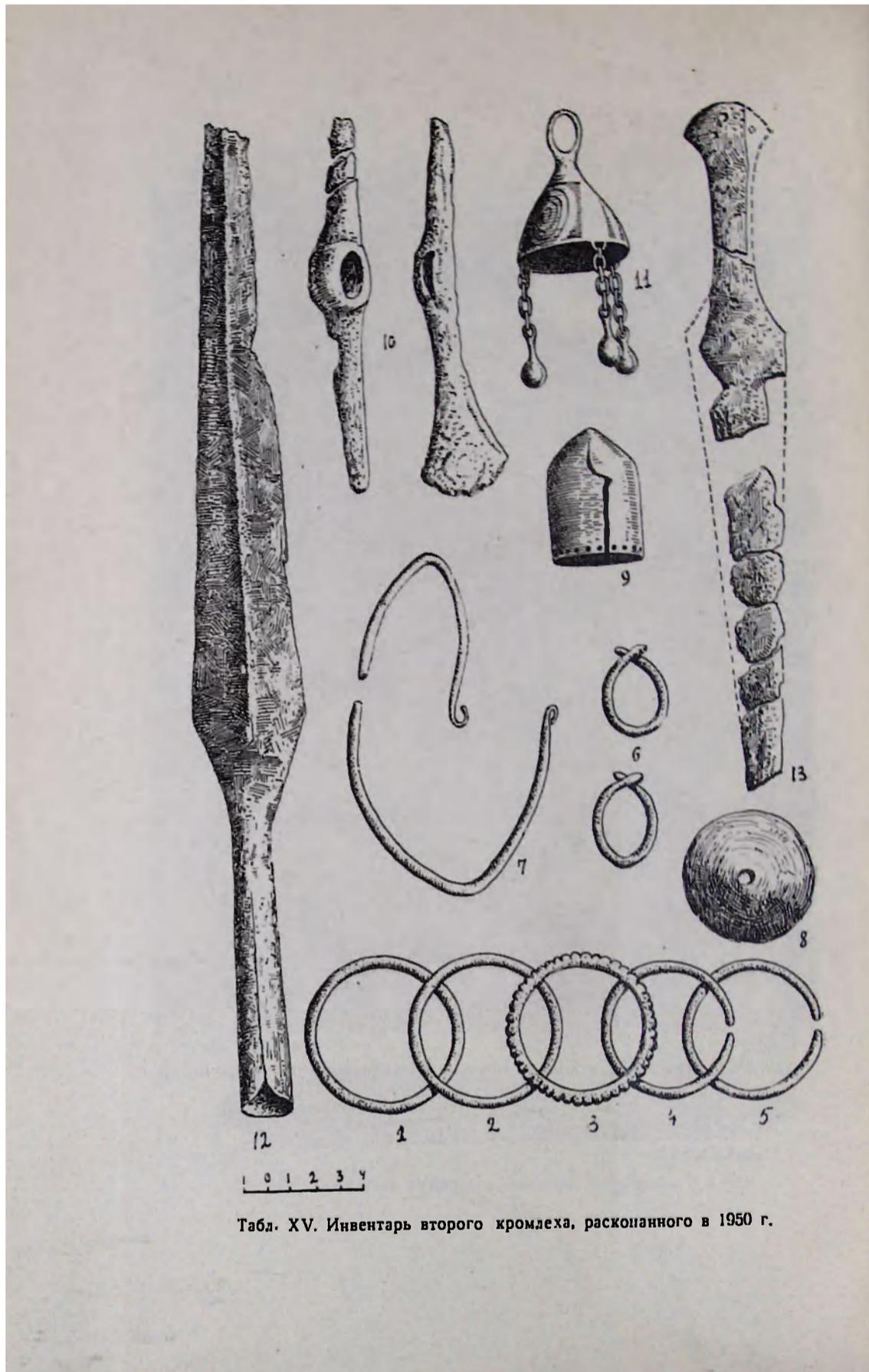


Табл. XV. Инвентарь второго кромлеха, раскопанного в 1950 г.

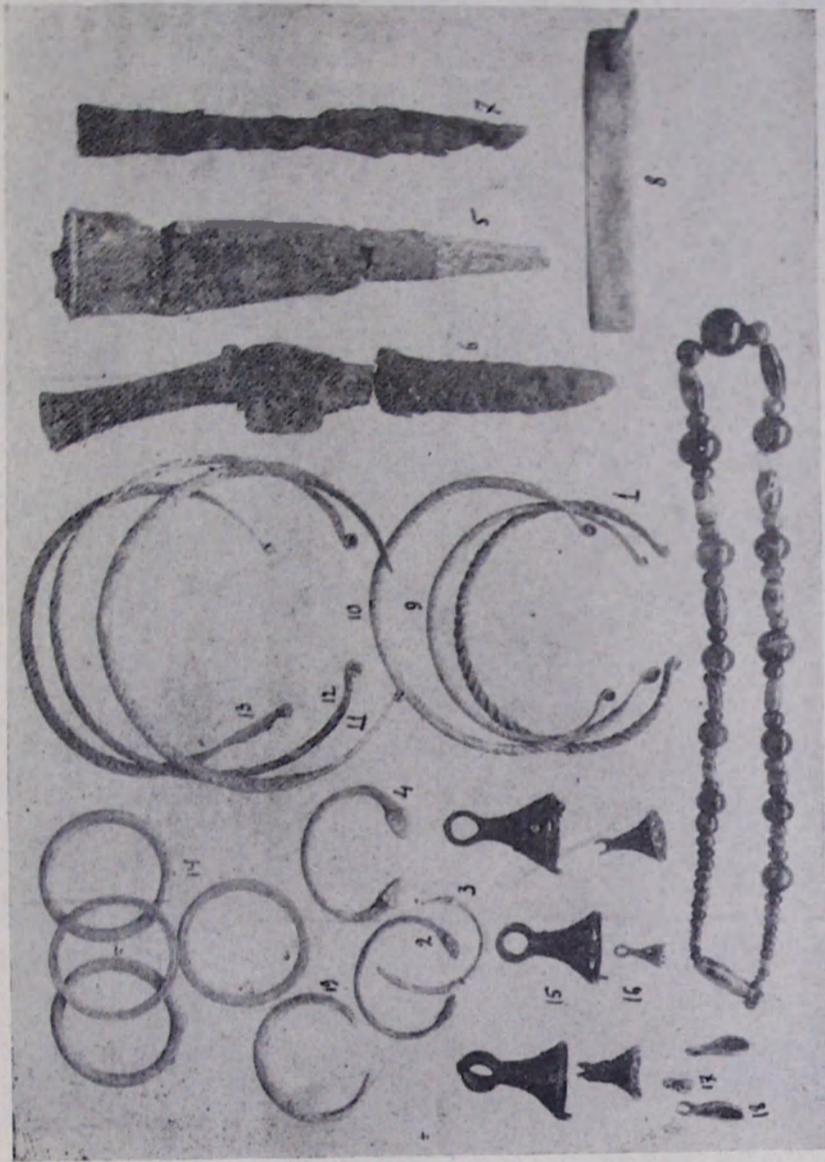


Табл. XVI. Инвентарь третьего кромлеха, раскопанного в 1950 г.

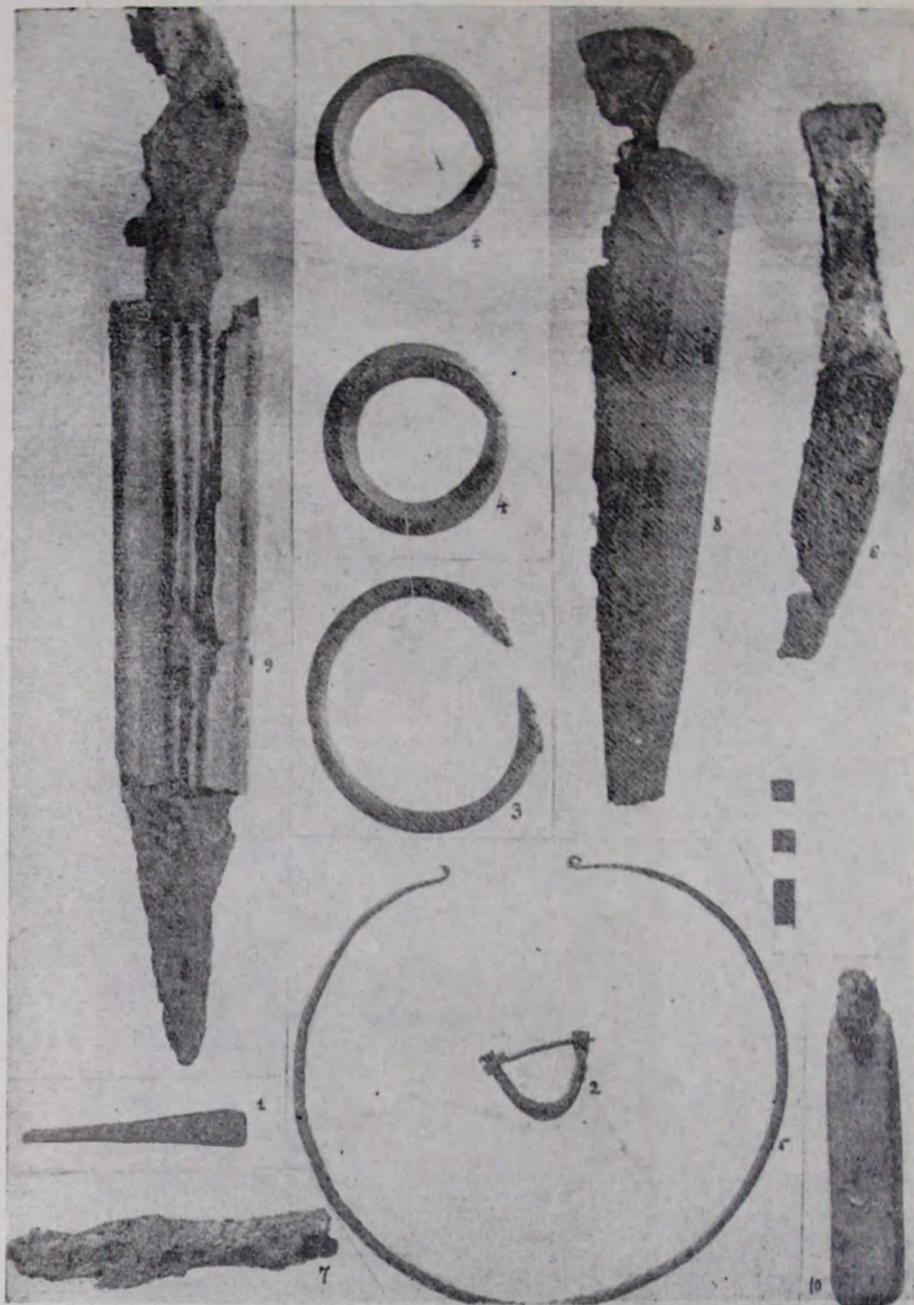


Табл. XVII. Инвентарь пятого варнакского погребения.

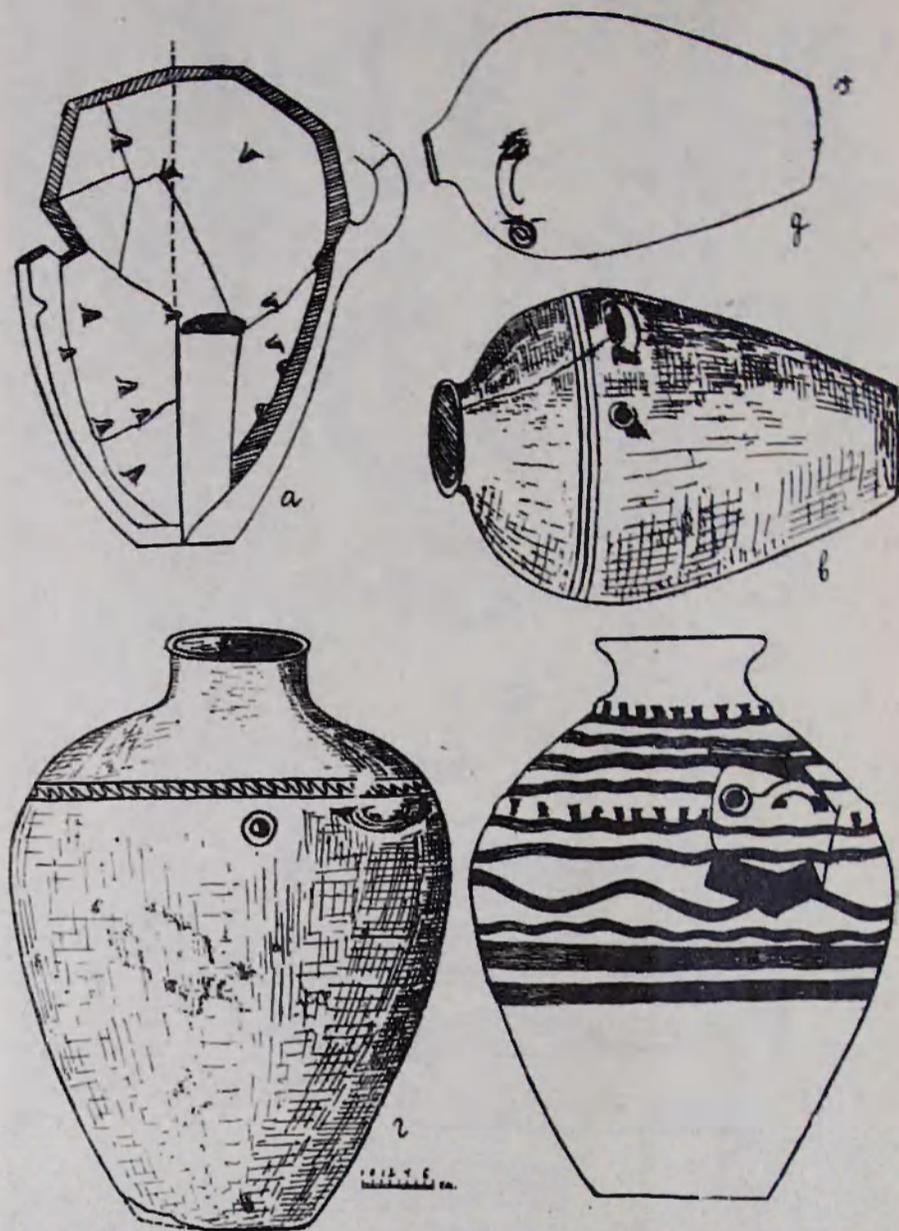


Табл. XIX. Маслoбойки а, б — из Кармир-блурa (по В. С. Сорокину), д — из Триалети (по Б. А. Куфтинy), г — из Головино (по А. О. Мнацакянy), в — из Ленипакана.

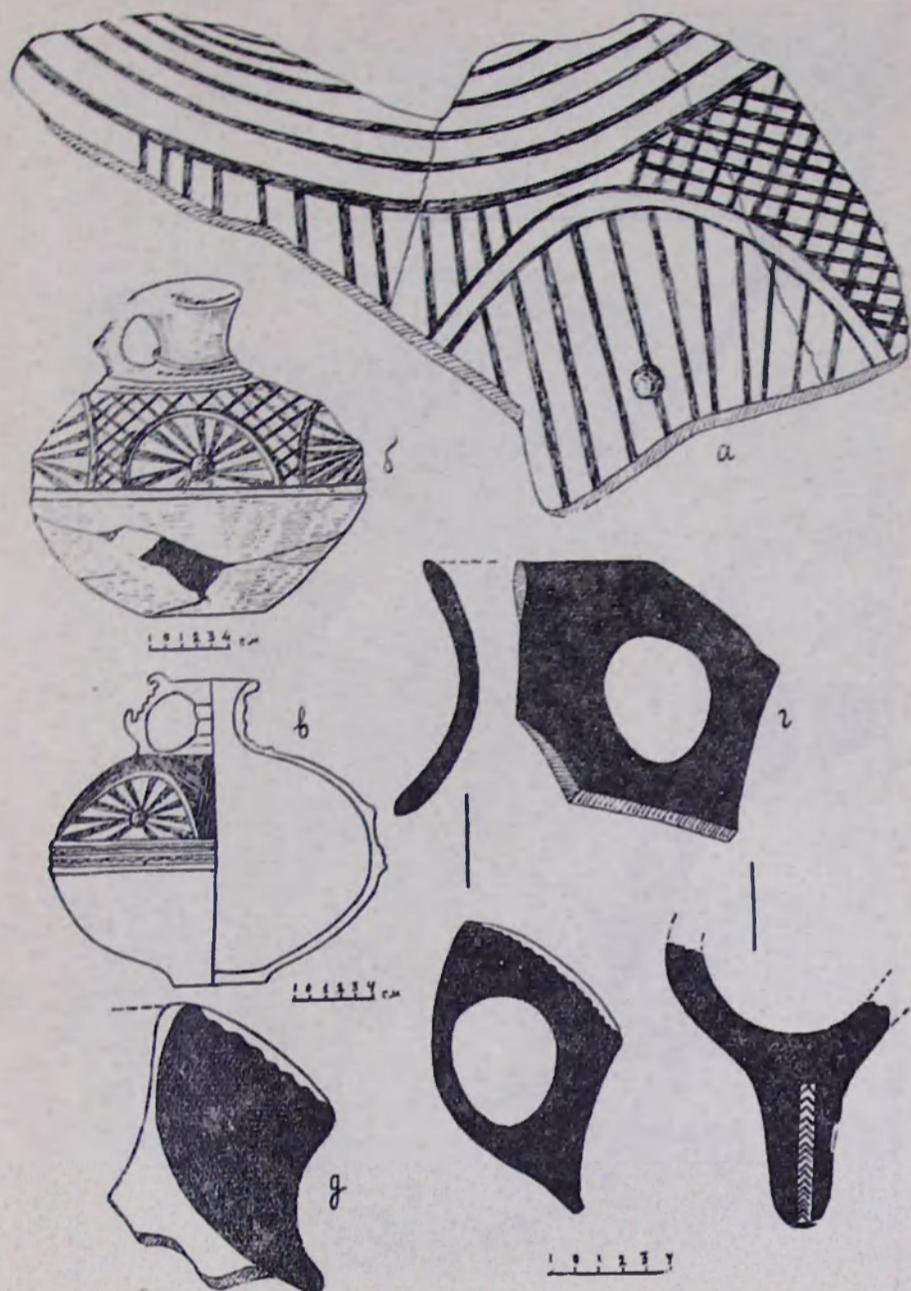


Табл. XX. Орнаментированные кувшины: а, г, д—городское поселение Кармир-блур (по В. С. Сорокину), б—Ахталинский могильник (по Ж. Моргану), в—могильник в с. Головино (по А. О. Мпцакапяну).

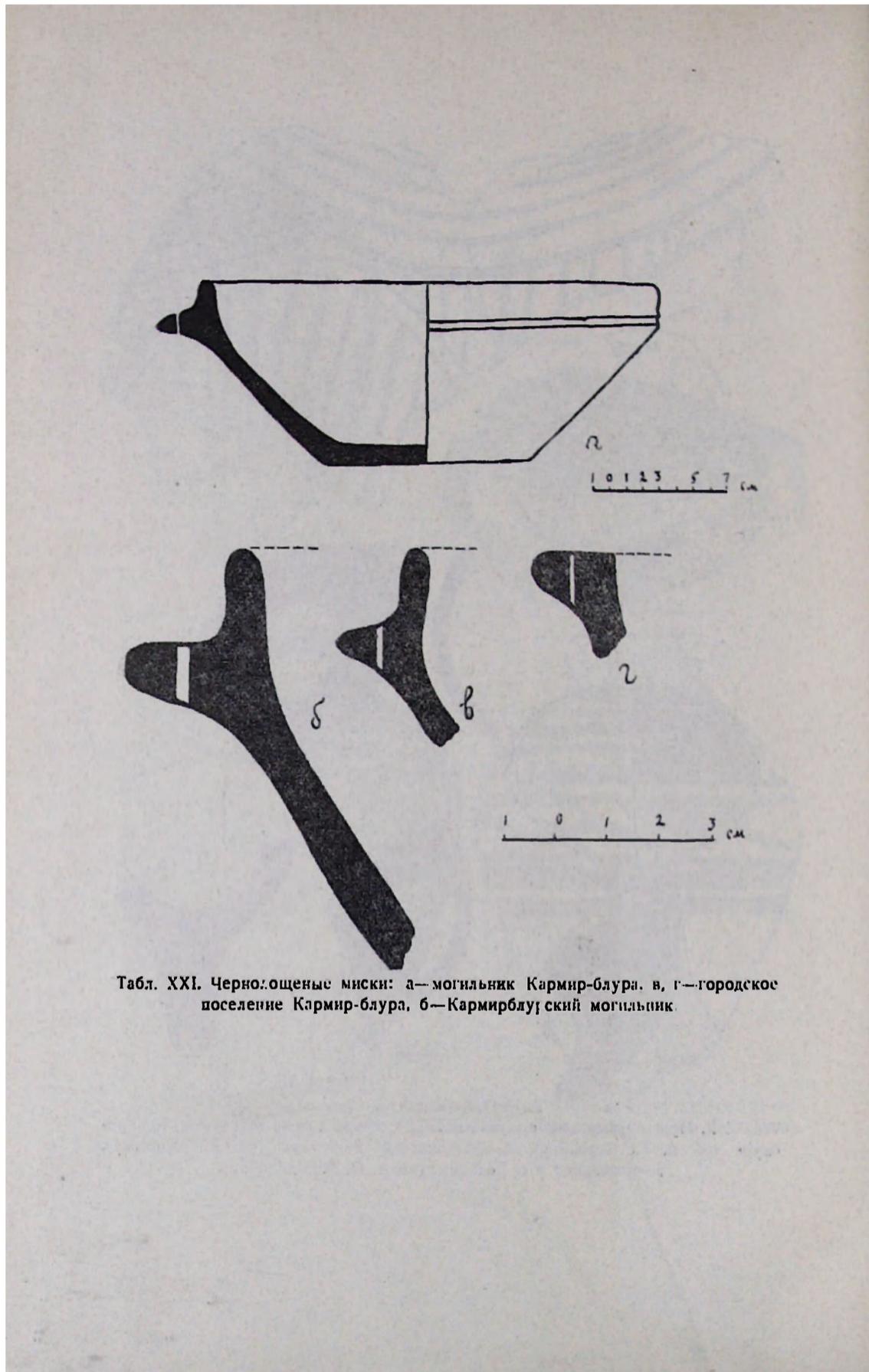


Табл. XXI. Черногощенные миски: а—могильник Кармир-блур, в, г—городское поселение Кармир-блур, б—Кармирблудский могильник.

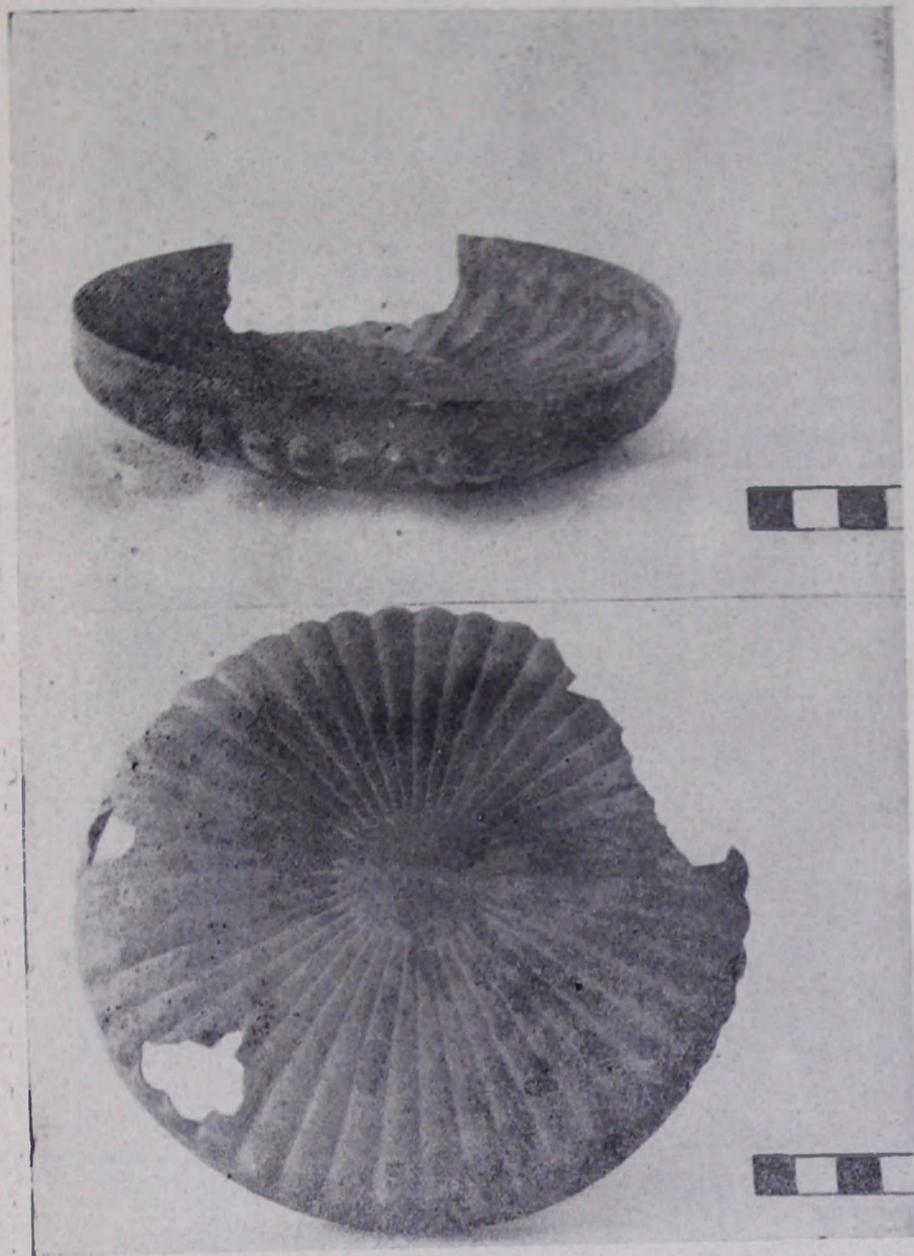


Табл. XXII. Бронзовая фиала из Кармир-баура.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Введение	1—7
Глава I. Краткий обзор изучения археологических памятников эпохи железа в Армении	9—18
Глава II. Археологические памятники эпохи широкого освоения же- леза у селения Гловино	19—47
Глава III. Синхронные памятники древности	48—66
Глава IV. Инвентарь из мегальника в ущелье Хртаноц и синхронные памятники	67—92
Глава V. Разложение первобытно-общинного строя в Армении	93—114



О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
9	15 сверху	этим	этими
32	1 "	Рис. 3. Кромлех № 1, открытый в 1950 г.	Рис. 3. Кромлех № 1, открытый в 1950 г. М = 1 : 33
55	3 снизу	Скни	Сюник
82	17 "	(VII - VII вв. до	(VII - VI вв. до
89	18 "	него	нее
103	18 "	грозного—меча	грозного меча
На последней стр. в фирме	3 сверху	Рисунки Б. Арзуманана	Таблицы VIII—IX, XI— —XIII, XV Б. Арзуманана
"	2 снизу	а таблицы VIII—IX—XI —XIII—XV	остальные

Ответ. редактор Б. ПИОТРОВСКИЙ
 Изд. редактор А. ЭЛЧИБЕКЯН
 Рисунки Б. АРЗУМАНИЯНА,
 а табл. VIII—IX—XI—XIII—XV
 А. А. МАРТИРОСЯНА

Тех. редактор М. КАПЛАНИЯН Корректор О. ФЕЛЛЕР

ВФ 10320 Заказ 76 РИСО 185 Изд. 1019 Тираж 1500

Сдано в производство 15/II—1954 г., подписано к печати 28/V—1954 г., 9 печ. л.
 10 уч.-изд. л., формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 8 р.

Типография Издательства АН Армянской ССР, Ереван, ул. Абовяна, 124

205.

